

НЕВЮЛЯ

25 • 2011

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Пенитенциарная статистика Совета Европы по состоянию на 1 сентября 2009 года	11
Алек Д. Эпштейн Дело Николая Авдюшенкова и сакрализация «национального лидера»	13
Андрей Бабушкин Опыт общественного контроля за милицией	25
Владимир Смирнов Тюремные этюды	39
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – апрель 2011 года)	45
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	58
Коллективная жалоба заключенных ИК-1	92

ЗА СТЕНОЙ

России не нужна «Спарта по-астрахански»	98
Александр Август Логопед	101
«Воспитание» детей по-психиатрически: «тормознем» нервную систему...	111

СИДИ И ЧИТАЙ

Эдуард Михайлов Чуйская долина, или Прощание с детством	114
---	-----

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 марта 2011 г.** в учреждениях УИС содержалось 814,2 тыс. человек (–49,9 тыс. человек к началу года), в том числе:

- в **755 исправительных колониях** отбывало наказание 689,09 тыс. человек (–34,9 тыс. человек);

- в **160 колониях-поселениях** отбывало наказание 48,5 тыс. человек (–4,01 тыс. человек);

- в **5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1750 человек (+25 человек);

- в **228 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов** при колониях содержалось 119,4 тыс. человек (+469 человек);

- в **7 тюрьмах** отбывало наказание 1,6 тыс. человек (–90 человек);

- в **62 воспитательных колониях для несовершеннолетних** – 3,9 тыс. человек (–1,9 тыс. человек).

В учреждениях содержится 66,0 тыс. женщин (–2,0 тыс. человек), в том числе 55,4 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 10,6 тыс. человек, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу; при женских колониях имеется **13 домов ребенка**, в которых проживает 852 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

- 2467 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 490,8 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

- 82 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений, 551 центр трудовой адаптации осужденных, 49 лечебно-, 46 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 546 учебно-консультационных пунктов, 339 профессионально-технических училищ, действуют 523 храма, 705 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС составляет 346,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников 257,1 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,1 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют 8 учреждений высшего профессионального образования с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий (с 3 филиалами).

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Административный надзор за освободившимися из мест лишения свободы (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Принятый федеральный закон предусматривает введение административного надзора за освободившимися из мест лишения свободы. Главная его цель – предупредить совершение указанными лицами повторных преступлений и других правонарушений. Административный надзор устанавливается за осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления, умышленные преступления против несовершеннолетних либо за теми, у кого был рецидив. Ограничения вводятся, только если данные лица злостно нарушали порядок отбывания наказания либо в течение года после освобождения дважды и более нарушали общественный порядок.

Кроме того, предусмотрено обязательное введение административного надзора за всеми, кто имеет судимость за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также при опасном или особо опасном рецидиве преступлений.

Административный надзор устанавливается только судом на основании заявления исправительного учреждения (ИУ) или органа внутренних дел (ОВД), продлевается судом на основании заявления ОВД, досрочно прекращается судом на основании заявления ОВД или поднадзорного лица либо его представителя.

Административный надзор устанавливается на срок от одного года до трех лет, но не свыше срока, установленного законодательством для погашения судимости, а в отношении лиц, имеющих судимость за пре-

ступления в отношении несовершеннолетних – на срок, установленный законодательством для погашения судимости, за вычетом срока, истекшего после отбытия наказания. Административный надзор заключается в установлении следующих административных ограничений: 1) запрещение пребывания в определенных местах; 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства, либо пребывания поднадзорного лица в определенное время суток; 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории; 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в ОВД по месту жительства или пребывания для регистрации (установление данного ограничения является обязательным).

Срок административного надзора может быть продлен, если поднадзорный систематически нарушает общественный порядок. Но если поднадзорный демонстрирует добросовестное поведение, он может быть сокращен.

Закон также определяет права и обязанности поднадзорных, полномочия органов внутренних дел, порядок установления и прекращения надзора. Федеральный закон вступает в силу с 1 июля 2011 г.

Внесены поправки в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"»).

Внесены поправки в ГПК РФ, УПК РФ, УИК РФ, КоАП РФ и УК РФ. Они направлены на реализацию Закона об административном надзоре (АН) за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Изменениями в ГПК РФ установлена процедура рассмотрения дел об установлении, продлении, досрочном прекращении, частичной отмене и дополнении АН. Они относятся к делам, возникающим из публичных правоотношений. По делу об установлении АН в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения ИУ. В остальных случаях – по месту жительства или пребывания лица.

Дело об АН рассматривается и разрешается судьей единолично с обязательным участием самого лица, заявителя (ИУ или ОВД) и проку-

рора. О досрочном прекращении или частичной отмене АН может заявить как орган ОВД, так и само лицо.

Кроме этого в статье УК РФ, определяющие понятия и последствия рецидива преступлений и судимости? включено упоминание «иных правовых последствий», под которыми подразумевается и установленные административного надзора.

В УПК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми установлено, что дела об уклонении от административного надзора подсудны мировым судьям, а предварительное расследование по таким делам осуществляется в форме дознания.

Поправками к УК РФ и КоАП РФ предусматривается ответственность за уклонение от АН, несоблюдение сопутствующих ему ограничений (невыполнение обязанностей). Так, освобожденное из мест лишения свободы лицо, в отношении которого установлен АН, должно прибыть к избранному им месту жительства или пребывания в определенный администрацией ИУ срок.

За неприбытие без уважительных причин, а равно за самовольное оставление места жительства или пребывания, совершенные в целях уклонения от АН, предусмотрено уголовное наказание. Это обязательные работы на срок от 180 до 240 часов, либо исправительные – до 2 лет, либо лишение свободы – до 1 года.

За несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при АН, на поднадзорного может быть наложен административный штраф от 1000 до 1500 рублей либо административный арест на срок до 15 суток.

За невыполнение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, обязанностей, предусмотренных федеральным законом, на поднадзорного может быть наложен штраф в размере от 500 до 1000 рублей либо ему может быть вынесено предупреждение.

Федеральный закон вступает в силу с 1 июля 2011 г.

Принят Закон, направленный на обеспечение прав и свобод граждан, страдающих психическими расстройствами, в том числе их права на судебную защиту (Федеральный закон от 6.04.2011 № 67-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Закон подготовлен в соответствии с Постановлением Конституционного суда РФ от 27.02.2009 № 4-П, признавшим неконституционными ряд положений Гражданского процессуального кодекса РФ.

В частности, изменениями, внесенными в Закон РФ от 2.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», предусмотрено, что дача согласия на лечение, отказ от лечения, психиатрическое освидетельствование, помещение в психиатрический стационар, в психоневрологическое учреждение для социального обеспечения и выписка из него лица, признанного недееспособным, если такое лицо по своему состоянию не способно осуществлять соответствующие действия, осуществляются по просьбе или с согласия его законного представителя. При этом законный представитель лица, признанного недееспособным, должен известить орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного о совершении соответствующего действия не позднее дня, следующего за днем его совершения.

Поправками, внесенными в ГПК РФ, предусмотрено, в частности, что на судебной повестке по делу о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным должна быть сделана отметка о необходимости вручения такой повестки адресату лично. Вручение такой повестки через иных граждан не допускается.

Гражданин, в отношении которого рассматривается дело о признании его недееспособным, должен быть вызван в судебное заседание, если его присутствие не создает опасности для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, для предоставления ему судом возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей. Если личное участие гражданина в проводимом в помещении суда судебном заседании по делу о признании гражданина недееспособным создает опасность для его жизни или здоровья, данное дело рассматривается судом по месту нахождения гражданина, в том числе в помещении психиатрического стационара с участием самого гражданина.

Кроме того, гражданин, признанный недееспособным, получил право лично либо через выбранных им представителей обжаловать решение суда в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

Дополнен перечень лиц, имеющих право посещать следственные изоляторы без специального разрешения (Федеральный закон от 5 апреля 2011 года № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"»).

Принятый Федеральный закон направлен на усиление государственного и общественного контроля за обеспечением прав человека в ме-

стах принудительного пребывания. В этих целях статья 7 Федерально-го закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» дополнена перечнем лиц, имеющих право без специального разрешения посещать следственные изоляторы и изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых, а также гауптвахты.

Федеральным законом предусматривается, что посещать места принудительного пребывания подозреваемых или обвиняемых имеют право: Президент Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, представители международных организаций на основании соответствующих международных договоров Российской Федерации, руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, члены Совета Федерации и депутаты Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, Генеральный прокурор и уполномоченные им прокуроры, а также члены общественных наблюдательных комиссий.

Пенитенциарная статистика Совета Европы по состоянию на 1 сентября 2009 года

Страна	Общее число заключенных (включая подследственных)	Кол-во заключенных на 100 тысяч населения	Количество мест в пенитенциарных учреждениях	Наполняемость пенитенциарных учреждений в %	Общее число лиц, находящихся под надзором службы пробации ¹
Австрия	нет данных	9287			
Азербайджан	20 470	230,1	26 351	77,7	9935
Албания	4482	140,7	4340	103,3	нет данных
Англия и Уэльс	83 454	152,3	84 962	98,2	нет данных
Андорра	68	80,5	125	54,4	нет данных
Армения	3989	123,2	4396	90,7	нет данных
Бельгия	10 901	101,4	8490	128,4	25 462
Болгария	10 028	131,8	10 564	94,9	13 555
Босния и Герцеговина	1619	56,8	1680	96,4	нет данных
Венгрия	16 459	164,1	12 335	133,4	25 887
Германия	73 263	89,3	79 436	92,2	нет данных
Греция	нет данных				
Грузия	нет данных				27 056
Дания	нет данных				8432
Ирландия	3919	88,1	4008	97,8	6385
Исландия	11 833	нет данных	9103	130,0	нет данных
Испания	67 986	173,1	44 434	153,0	199 991
Испания (Каталония)	10 356	138,5	10 987	94,3	10 023
Италия	63 981	106,6	43 159	148,2	36 001

¹ По состоянию на 31 декабря 2009 г.

Страна	Общее число заключенных (включая подсудимых)	Кол-во заключенных на 100 тысяч населения	Количество мест в пенитенциарных учреждениях	Наполняемость пенитенциарных учреждений в %	Общее число лиц, находящихся под надзором службы пробации ¹
Кипр	670	84,1	340	197,1	759
Латвия	6999	309,5	7970	87,8	10 547
Литва	8295	247,6	9 062	91,5	6889
Лихтенштейн	7	19,7	20	35,0	нет данных
Люксембург	679	137,6	701	96,9	1 063
Македония	2461	120,1	2395	102,8	нет данных
Мальта	494	119,4	480	102,9	нет данных
Молдова	6769	189,7	9250	73,2	нет данных
Монако	нет данных				
Нидерланды	11 629	70,5	13 822	84,1	39 265
Норвегия	3285	68,4	3582	91,7	2404
Польша	84 003	220,3	84 490	99,4	402 918
Португалия	11 099	104,4	11 921	93,1	16 187
Румыния	27 028	125,7	34 199	79,0	7690
Сан-Марино	нет данных				
Сев. Ирландия	1456	81,4	1775	82,0	4153
Сербия	10 262	139,9	6500	157,9	6
Словакия	9170	169,4	10 348	88,6	нет данных
Словения	1365	67,2	1098	124,3	нет данных
Турция	нет данных				
Украина	нет данных				
Финляндия	3589	67,4	3545	101,2	2596
Франция	66 307	103,1	53 764	123,3	нет данных
Хорватия	4891	110,3	3501	139,7	1034
Черногория	нет данных				
Чехия	22 021	210,4	19 384	113,6	нет данных
Швейцария	6084	79,0	6683	91,0	нет данных
Швеция	7147	77,2	6913	103,4	нет данных
Шотландия	8113	156,2	7600	106,8	нет данных
Эстония	3555	265,2	3656	97,2	8490

Источник: Council of Europe Annual Penal Statistics.

Подготовил Юрий Александров

Алек Д. Эпштейн

Дело Николая Авдюшенкова и сакрализация «национального лидера»

В отношении лидера московских нацболов Николая Авдюшенкова власти проявляют в целом неожиданную для человека его общественно-политического статуса терпимость. Он был дважды осужден, но оба раза условно, причем второй приговор был даже отменен в связи с истечением срока давности. Однако экспертиза по его делу поставила новый рекорд абсурда, поэтому обойти ее молчанием нельзя никак.

Николай Авдюшенков ранее был студентом Московского государственного университета геодезии и картографии. В 2005 году вступил в ряды нацболов, после чего участвовал во многих «акциях прямого действия», в том числе 2 июля 2008 года – в акции в приемной Министерства иностранных дел России в поддержку судимого в Латвии активиста НБП Владимира Линдермана. Еще в конце 1980-х годов В. – Линдерман издавал в Риге авангардистский литературный журнал «Третья модернизация». В октябре 1997 года вступил в Национал-большевистскую партию, являлся заместителем руководителя латвийского отделения. Участвовал в работе первого съезда НБП, где познакомился с Эдуардом Лимоновым. С конца 2001 года комиссар латвийского республиканского отделения НБП, председатель общества «Uzvara» («Победа»), редактор печатного органа НБП Латвии – газеты «Трибунал». В ноябре 2002 года приехал из Риги в Саратов, чтобы в качестве свидетеля защиты принять участие в судебном процессе над Эдуардом Лимоновым; он принял на себя авторство манифеста «Вторая Россия», которое инкриминировалось Э.В. Лимонову. Тогда же, в ноябре 2002 года, латвийские власти провели обыск в рижской квартире Владимира Линдермана и его супруги Татьяны Зубаревой, после чего он был объявлен латвийской полицией безопасности в международный розыск: ему инкриминировалось «хранение взрывчатых веществ с целью покушения на жизнь президента Латвии Вайру Вике-Фрейбер-

гу» и «призыв к свержению государственного строя Латвийской республики». В.И. Линдерман остался в политической эмиграции в России, ведя при этом активную оппозиционную борьбу по отношению к современному российскому режиму. Он попросил в России политического убежища, но были выдвинуты неприемлемые условия для предоставления статуса политэмигранта, такие как отказ от политической деятельности. Поэтому он находился на территории РФ нелегально. 29 февраля 2008 года он был задержан в Москве и доставлен в ОВД «Измайлово». Измайловский районный суд постановил выдворить его в Латвию. Под конвоем он был доставлен в поселок Северный в центр временного содержания иностранных граждан. 19 марта 2008 года В.И. Линдермана депортировали в Латвию, где он был взят под стражу. 2 июля 2008 года прокурор запросил обвиняемому полтора года колонии, однако 3 июля суд полностью оправдал В.И. Линдермана, признав, таким образом, нелепость и сфабрикованность обвинений. Гособвинение подало апелляцию. 6 октября в Рижском окружном суде состоялся суд второй инстанции, который, признав В.И. Линдермана виновным, приговорил его к году заключения условно.

В тот самый день, когда прокурор в Риге потребовал приговорить В.И. Линдермана к лишению свободы, полтора десятка нацболов забаррикадировались в кабинетах приемной МИДа по адресу: Денежный пер., дом 19, и приковались наручниками к окнам. Из окон нацболы вывесили растяжку «МИД РФ – логово предателей!» и раскидали листовки, в которых говорилось:

«В то время, как в Латвии, Литве и Эстонии продолжается беспредел в отношении русскоязычного населения, грубые попытки пересмотра итогов ВОВ и перевираание истории, российские дипломаты лишь скромно “недоумевают”. В ответ на запрет советской символики в Литве и запрет на преподавание на русском языке даже в частных школах Латвии МИД РФ лишь сделал дежурные “ура-патриотические” заявления, не подкрепленные никакими действиями. “Спасение” монумента советским воинам-освободителям в Эстонии вылилось исключительно в пиар-кампанию прокремлевских движений. Подобной беззубой политикой и попытками “сохранить нейтралитет” российские дипломаты предают историю страны и поддерживают репрессии по отношению к русскоязычному населению Прибалтики»¹.

В ходе акции были задержаны тринадцать нацболов, среди которых был и позднее убитый Антон Страдымов (1988–2009), которому после задержания в ОВД «Арбат» выбили зуб. В ночь со 2 на 3 июля

Пресненский районный суд осудил всех участников акции по административным статьям 20.1 и 19.3 КоАП («Мелкое хулиганство» и «Неповиновение распоряжению сотрудника милиции») к различному числу суток административного ареста; в частности, Николай Авдюшенков был приговорен к десяти суткам ареста. При этом на всех участников акции было заведено уголовное дело по статье 282.2 ч. 2 УК РФ («Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности»), основанием для чего послужила подпись на листовке – «нацболы». Министерство иностранных дел распространило заявление, в котором назвало акцию нацболов дебошем. Нацболы в ответ распространили заявление, в котором сообщили следующее: «Акция нацболов в приемной МИДа была мирной и ненасильственной. Ни одной вещи в здании не было испорчено, и ни один из участников акции не оказывал сопротивление милиции. В акции нацболов отсутствовал даже намек на разжигание ненависти или вражды по религиозному, национальному и какому бы то ни было признаку».

Отсидев десять суток под административным арестом, Н.Ю. Авдюшенков был отпущен под подписку о невыезде. Первое судебное слушание по уголовному делу по статье 282.2 ч. 2 состоялось 4 августа 2009 года, спустя более чем год после событий, ставших причиной для возбуждения уголовного дела. В ходе судебного заседания было зачитано обвинительное заключение. По мнению следствия, факт участия Н.Ю. Авдюшенкова и других в акции доказывает их принадлежность к запрещенной организации. На прениях сторон прокурор запросил для Н.Ю. Авдюшенкова год условно с испытательным сроком в два года, и 24 сентября 2009 года мировой судья участка №416 г. Москвы Михаил Пронякин вынес именно такой приговор.

9 марта 2009 года на съемной квартире, на которой вместе с несколькими другими сторонниками Эдуарда Лимонова временно проживал Н.Ю. Авдюшенков, прошел обыск. Обнаруженные на ноутбуке Н.Ю. Авдюшенкова файлы подверглись психолого-лингвистической экспертизе, проведенной заместителем директора по общим вопросам Российского института культурологии Н.Н. Крюковой и ведущим научным сотрудником того же института В.И. Батовым. Небезынтересно отметить, что этот тендем уже привлекался властями в качестве «экспертов» по делам активистов-нацболов: именно их заключение лежит в основе обвинительного приговора, вынесенного 27 октября 2008 года бывшему лидеру мур-

манских нацболов Андрею Никитину, осужденному за вывешивание в кинотеатре «Художественный» во время премьерного показа посвященного В.В. Путину фильма «Поцелуй не для прессы» растяжки «Путин – преступник!» и разбрасывание листовок, в которых тогдашний президент обвинялся в уничтожении политических и гражданских свобод в России, убийстве журналистов, мирных граждан и фальсификации выборов. Вот что говорилось в тексте листовки:

«Мы обвиняем тебя, гражданин Путин!

Ты пришел к власти путем кровавого преступления. Твои подручные взорвали дома с мирными гражданами в Москве и других городах России, развязали войну и, манипулируя патриотическими чувствами граждан, привели тебя к власти. Став главой государства, ты уничтожил политические и гражданские свободы в России, разрушил ее федеративное устройство, установил режим своей личной диктатуры. Твои подручные убили тех, кто пытался размотать клубок твоих преступлений, – журналистов Щекочихина и Политковскую, депутата Юшенкова, офицера ФСБ Литвиненко и еще десятки людей. На твоей совести массовое убийство мирных граждан, в том числе детей, в «Норд-Осте» и Беслане. При твоём правлении был развязан настоящий террор против политической оппозиции, в частности против Национал-Большевистской Партии и коалиции «Другая Россия». Ты развязал руки убийцам нацбола Юрия Червочкина. Ты организовал фальшивые выборы, чтобы сохранить власть за собой и своими друзьями, соучастниками твоих преступлений. Такова твоя подлинная политическая биография, а не та, фальшивая, которую ежедневно навязывают гражданам продажные журналисты, политологи, режиссеры. Ты не царь, а мы не твои рабы. Мы – свободные граждане России, и мы требуем, чтобы ты ушел, немедленно! Мы не хотим тебя ни президентом, ни премьером, ни «национальным лидером». Лучший для тебя выход – уйти в монастырь, замалчивать грехи»².

27 октября 2010 года Пресненский суд Москвы признал Андрея Никитина виновным в участии в экстремистской организации, то есть в запрещенной Национал-большевистской партии (НБП). Это был первый подобный приговор после того, как в 2007 году Мосгорсуд запретил деятельность НБП. Андрея Никитина приговорили к году лишения свободы условно с испытательным сроком два года. Суд прислушался к аргументам прокуратуры, утверждавшей, что «Никитин, причисляя себя к активным членам межрегиональной общественной организации “Национал-большевистская партия”, будучи осведомлен, что ее

деятельность запрещена решением Мосгорсуда... разбрасывал листовки, написанные от имени НБП и содержавшие экстремистские идеи, обвинения в адрес президента РФ, призывы к изменению существующего в России государственного строя». Как ёрнически отметила газета «Коммерсант», «поход нацбола Андрея Никитина в кино суд счел попыткой изменения государственного строя»³.

В своем последнем слове на суде Андрей Никитин высказал свое возмущение проведенной Н.Н. Крюковой и В.И. Батовым экспертизой:

«Также хотел сказать об экспертизе листовки. Так называемым «экспертом» было установлено, что в тексте листовки, который я написал, имеются призывы к свержению конституционного строя России, призывы к массовым беспорядкам и хулиганству и другие подобные сказки. Никто так и не показал мне, где конкретно там эти призывы и в чем они выражаются. В своей листовке я выступаю против преступлений, против тирании, против лжи, против экстремизма властей, в конце концов! А у экспертизы и обвинения хватает наглости обвинять в экстремизме меня»⁴.

Экспертное заключение доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв. Московского педуниверситета Т.А. Пономаревой, представленное адвокатом Андрея Никитина Дмитрием Аграновским, было отвергнуто судом.

Однако заключение экспертизы №321/09 от 27 ноября 2009 года по делу Авдюшенкова, поданное той же парой экспертов, представляет собой документ поистине удивительный во всех отношениях. Нужно сказать, что Н.Н. Крюкова по профессии учитель математики, в 1990 году защитившая диссертацию в НИИ общей педагогики АПН СССР, и не совсем понятно, где и когда она приобрела навыки, релевантные для проведения социологических, психологических или лингвистических экспертиз. Как отметила адвокат Анна Паничева, «в судебном заседании [по другому делу] было установлено, что педагог-математик Крюкова не имеет ни филологического или лингвистического образования, ни единой публикации, связанной с филологией или лингвистикой, и до недавнего времени она являлась главным инженером института»⁵. В.И. Батов, напротив, анализирует тексты, написанные за всю историю человечества; его изданная Институтом культурологии в 2001 году монография ненавязчиво называется «По ту сторону Слова: очерки прикладной психогерменевтики от Иисуса Христа до Владимира Высоцкого».

И вот к каким выводам пришли Наталья Крюкова и Виталий Батов относительно листовки «Убей в себе раба»: «Графически подчеркнуто только слово “Убей!”, которое из-за графического расположения восклицательного знака прочитывается прежде всего как отдельное. Остальной текст не выразителей [sic!] и читается только особо любознательными [sic!]. Фоном плаката являются силуэты вооруженных людей в агрессивных позах. Таким образом, вся смысловая нагрузка плаката – в призыве к насилию (убийству)»⁶. Ни в одном другом изъятии у Николая

Авдюшенкова документе призывов к убийству эксперты не обнаружили, однако выдвинули обвинение в том, что «в представленных текстах присутствуют высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным действиям [sic!] одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе»⁷. Этот вывод полностью был включен в приговор суда⁸. Высказыванием побудительного характера, призывающим к враждебным действиям, является, по мнению экспертов-культурологов, лозунг «Убей в себе раба», который в состоянии целиком прочесть лишь люди «особо любознательные».

Лозунг этот является развитием известной цитаты из письма А.П.-Чехова к издателю и журналисту А.Ф. Суворину от 7 января 1889 года, в котором великий писатель отстаивал важность развития у человека чувства личной свободы: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьи, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая». «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» суммирует: «Смысл выражения: постоянно воспитывать в себе чувство собственного достоинства, избавляясь от конформизма и т. д.».

Ставшая знаменитой чеховская цитата вдохновила многих интеллигентов на ее обыгрывание. «Сколько лет понадобится человеку, чтобы стать свободным, если он будет выдавливать из себя раба по капле в день?» (Михаил Генин), «Если выдавливать из себя раба по капле – жизни не хватит» (Борис Лесняк), «По капле выдавливал из себя раба и умер от обезвоживания» (Валентин Домиль), «Нельзя опьянеть от глотка свободы, если разбавлять его каплями выдавленного из себя раба» (Борис Крутиер), «Попробуй выдави из себя раба, если ты – раб до мозга костей» (Евгений Сагаловский), «Знаете ли вы, что если каждый выдавит из себя раба, население России увеличится вдвое?» (Владимир Туровский) и т. д. – нигде и никогда эти и им подобные репризы, рассуждения и «проклятые вопросы», спровоцированные чеховским призывом, не считались «экстремистскими» и уголовно наказуемыми. Сотрудники Российского института культурологи Наталья Крюкова и Виталий Батов впервые увидели в парафразе чеховской цитаты «высказывание побудительного характера, призывающее к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой» – знать бы какой...

Сложно сказать, какую роль в данном деле сыграло нижеследующее описание «экспертами» одной из агитационных листовок:

«(25) Представляет собой заголовок “Время менять власть!”, призыв “Приходи на Марш несогласных!”. Фоном является Спасская башня, на ее фоне изображена фигура мужчины с папиросой в позе, аналогичной известной фотографии В.В. Маяковского (Отдаленно похож на Председателя Правительства В.В. Путина)»⁹.

Не будем останавливаться на особенностях стиля ответственных сотрудников Российского института культурологии: «Графически подчеркнуто только слово “Убей!”, которое из-за графического...», «Фоном является Спасская башня, на ее фоне»... Спросим, каким же образом анонимный персонаж, скопированный с рекламы водки «Зеленая марка» фирмы «Главспирттрест»¹⁰, не напомнил культурологам никого, кроме «Председателя Правительства В.В. Путина», и это при том, что мужчина изображен с папиросой, а В.В. Путин, как известно, не курит?

Не было ли само стремление приплести ни к селу ни к городу имя В.В. – Путина вызвано желанием «экспертов» гарантировать обвинительный приговор подсудимому, руководствуясь нигде не зафиксированным, но при этом всем сегодня понятным принципом недопустимости покушения на образ «национального лидера»?

4 декабря 2009 года, то есть спустя неделю после того, как было представлено заключение экспертизы, прокуратура Бабушкинского района предъявила Н.Ю. Авдюшенкову обвинение по ст. 282.2 УК РФ, а 1 марта 2010 года дело было передано на рассмотрение в суд. Обвинительный приговор был вынесен 27 января 2011 года судьей Людмилой Устюговой. Н.Ю. Авдюшенков был осужден к году лишения свободы условно с испытательным сроком в течение трех лет по обвинению в участии в деятельности запрещенной НБП. В ходе судебного заседания по апелляционной жалобе на приговор адвокат Н.Ю. Авдюшенкова заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности. 14 марта 2011 года уголовное дело было прекращено в связи с истечением срока давности. Впрочем, уже после осуждения в отношении Николая Авдюшенкова 30 января 2011 года проводились следственные мероприятия в виде обыска по возбужденному уголовному делу по ч. 3 ст. 212 УК РФ («Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами»), поэтому вероятность организации нового политического суда над ним достаточно велика.

Как отмечается в справке, подготовленной Союзом солидарности с политзаключенными, «дело Николая Авдюшенкова очевидно носит политический характер, что подтверждается даже приговором суда. Ему инкриминируется участие в деятельности незаконно запрещенной НБП после ее запрета фактически только на основании того, что он занимался общественно-политической деятельностью в рамках незапрещенной организации, включающей в себя лиц, состоявших в запрещенной НБП в период до ее запрета и последующего самороспуска. Данное уголовное дело является примером политического преследования в чистом виде, без инкриминирования обвиняемому каких-либо действий криминального характера. Преследование Н. Авдюшенкова укладывается в общую картину репрессий против членов партии Другая Россия, идущих в разных регионах в последние несколько месяцев ("дело Осиповой", "дело Дмитриева" и др.)... Как и в других случаях преследования по статьям 282.1 и 228.2 УК РФ (дело Никифорова, дело Дмитриева), осужденному вменяются не сами по себе

конкретные общественно опасные деяния, а деяния, в общем случае не являющиеся криминальными, но объявляемые криминальными в связи с тем, что осуществлялись якобы в рамках запрещенной судом организации (НБП)»¹¹.

Дело Авдюшенкова – не единственный пример преследования активистов оппозиционных организаций за коллажи или визуальные образы, прямо или «отдаленно» напоминающие В.В. Путина. В октябре 2008 года в Барнауле к году колонии был приговорен 22-летний студент Андрей Требушук, разместивший коллаж, на котором В.В. Путин изображен обритым наголо, в высоких ботинках, заправленных в них джинсах и куртке-бомбере с надписью «White Power». «Действующий премьер-министр выглядел как типичный скинхед», – отмечалось в «Газете». Следователи возбудили против А. Требушука уголовное дело по ч. 1 ст. 282 (возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства) и ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти). «На своем ресурсе Требушук разместил тексты и сюжеты, являющиеся средством разжигания национальной и религиозной ненависти и вражды, а также создал текстовую и графическую информацию, оскорбляющую честь и достоинство Президента Российской Федерации», – говорилось в обвинительном заключении. Процесс завершился обвинительным приговором: суд осудил Требушука на 1 год лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. «Насколько обработанное в программе Photoshop изображение Путина повлияло на строгость приговора студенту – непонятно, – отмечалось в "Газете". – Статья 319 УК РФ не подразумевает лишения свободы: преступление этого рода наказывается штрафом либо исправительными работами». «Но для провинциальных держиморд Путин является некоторым триггером, по которому они и начинают преследование. Подобное было, когда в сентябре 2007 года Росохранкультуры попыталось закрыть газету "Саратовский репортер" за коллаж с Путиным-Штирлицем в мундире СС, – сказал "Газете.Ru" эксперт по блогам Антон Носик. – Приговор вынесен по статье "разжигание розни", но общественное мнение склоняется к тому, что Андрея Требушука посадили за поруганную честь премьера»¹².

Началось это, видимо, в декабре 2004 года, когда в мировом суде Центрального района Красноярска был вынесен приговор лидеру красноярского отделения Национал-большевистской партии Андрею Сквородникову. Он был признан виновным по ст. 319 Уголовного кодекса «Оскорбление представителя власти» в оскорблении президента России Владимира Путина. Суть обвинения состояла в том, что 22 фев-

раля 2004 года Андрей Сквородников создал в Интернете сайт, на котором публиковались тексты о Владимире Путине. По словам прокурора, «в текстах присутствовали жаргонные и нецензурные выражения, высказывания, оскорбляющие честь и достоинство Президента Российской Федерации». Андрей Сквородников был приговорен к шести месяцам исправительных работ с удержанием в доход государства 20% заработка. Кроме того, суд вынес решение об уничтожении компьютера, пяти дискет и трех дисков, изъятых у него при обыске¹³.

В мае 2006 года прокуратура Ивановской области возбудила уголовное дело против редактора интернет-издания «Курсив» Владимира Рахманькова за статью «Путин как фаллический символ», в которой говорилось, что «Путин действительно похож на фаллический символ страны – во всех смыслах», а его послание Федеральному собранию названо «полубредовым»¹⁴. В октябре 2006 года В. Рахманьков был приговорен к денежному штрафу в размере 20 тысяч рублей. Он подал апелляцию в областной суд, который, однако, ее отклонил¹⁵. Интернет-портал «Курсив» существует и поныне.

В августе 2007 года был изъят из продажи тираж санкт-петербургского журнала «Собака», изобразившего на обложке В.В. Путина с ушками Чебурашки (символа московской Олимпиады 1980 года) и подписью «Олимпиада 2014». В архиве номеров журнала на его интернет-сайте обложка этого – и только этого – номера заменена одной из помещенных в нем фотографий¹⁶.

В декабре 2010 года по статье «Оскорбление должностного лица» было возбуждено уголовное дело против сыктывкарского журналиста Павла Сафронова. Обоснованием для возбуждения уголовного дела стала запись в личном блоге П. Сафронова от 28 сентября 2010 года, который он ведет под ником *onchoys*; в ней он эмоционально отреагировал на визит в свой город В.В. Путина, связав принятые меры безопасности с перебоями в работе Интернета: «Путин плохо влияет на Интернет. В Сыктывкаре у всех кто сидит через IDSL, не открывается ЖЖ и твиттер. Только что написали из Нижнего Одеса, что там такая же проблема. Это общее? Не связано ли это с приездом Путина?». Завершалась запись риторическим вопросом: «И что, стало быть пока этот пидарас не уедет, у нас тут и будет штормить?»¹⁷ Использование слова «пидарас» в отношении «национального лидера» и стало поводом для возбуждения уголовного дела. В редакции газеты «Красное знамя», где работает П. Сафронов, прошел обыск, были изъяты редакционный компьютер, а также его личные айпад и ноутбук. До настоящего времени дальнейшего развития это дело не получило.

Во всех описываемых случаях претензии силовых структур к гражданам были связаны с реально написанными или нарисованными ими изображениями, в которых очевидно подразумевался именно В.В. – Путин. Причиной преследования была десакрализация верховной власти, ее включение в тот или иной контекст, противоречащий желанному для нее. В деле Авдюшенкова же столь же очевидно, что образ В.В. – Путина никоим образом не использовался, он даже «отдаленно» не похож на анонимного персонажа с рекламы дешевой водки. Обвинительный приговор, был, однако, вынесен, несмотря ни на что.

Не потому ли, что никому не позволено убивать в себе раба?!

Примечания

¹ Цит. по тексту оригинального документа.

² «Нацболы сорвали премьеру фильма о Владимире Путине» // «Нацбол.ру», 11 февраля 2008 г., <http://nazbol.ru/rubr1/index0/678.html>

³ «Запрет НБП подтвердили приговором» // «Коммерсант», 28 октября 2008 г.

⁴ «Последнее слова нацбола Андрея Никитина» // «Нацбол.ру», 26 октября 2010 г., <http://www.nazbol.ru/rubr1/index0/2854.html>

⁵ «Суд признал фразу “Убей в себе раба” экстремистской» // Материал на сайте Центра защиты прав СМИ, 5 февраля 2011 г., <http://www.mmdc.ru/news/single/587>

⁶ Заключение психолого-лингвистической экспертизы №321/09 от 27 ноября 2009 г., оригинал документа, с. 9.

⁷ Там же, с. 9.

⁸ Приговор по уголовному делу №1-1/11 от 27 января 2011 г., оригинал документа, с. 7–8; копия размещена на сайте <http://politzekey.ru/proizvol/sudya-nepavednyi/28375.html>

⁹ Заключение психолого-лингвистической экспертизы №321/09, с. 10.

¹⁰ См.: «За что хотят посадить лидера московской “Другой России” Николая Авдюшенкова» // «Нацбол.ру», 26 января 2011 г., <http://www.nazbol.ru/rubr15/7460.html>

¹¹ Цит. справка по делу Н.Ю. Авдюшенкова, размещенная на сайте Союза солидарности с политзаключенными, <http://www.politzekey.ru/politzekey/opravdannye/28416.html>

¹² См.: Олеся Герасименко, Павел Никулин. «Скинхед записал Путина в соратники» // «Газета.ру», 1 ноября 2008 г.

¹³ См.: «Лимоновец осужден за оскорбление Путина в Интернете» // «Газета.ру», 20 декабря 2004 г., <http://www.gazeta.ru/2004/12/20/last143204.shtml>

¹⁴ См.: «Ивановского журналиста преследуют за сатиру над Путиным» // «Новый регион», 23 мая 2006 г., <http://www.nr2.ru/nn/68167.html>

¹⁵ См.: «Журналист заплатит 20 тысяч рублей за вольную интерпретацию послания Президента РФ» // «Новый регион», 11 января 2007 г., <http://www.nr2.ru/society/98932.html>

¹⁶ См.: <http://www.sobaka.ru/index.php?path=magazine/archive/2007>

¹⁷ Указанная запись размещена в блоге Павла Сафронова, см.: <http://onchoys.livejournal.com/394617.html>

Андрей Бабушкин

Опыт общественного контроля за милицией

Томясь тоской и самоменьем,
Не сетуй всеу, милый мой,
Жизнь постижима лишь в сравнении
С болезнью, смертью и тюрьмой
Игорь Губерман

Регулярный и эффективный общественный контроль является одним из необходимых условий успешной деятельности правоохранительных органов. Этот контроль не может быть тотальным, не может стать элементом повседневной жизни каждого милиционера и направлен на наиболее острые проблемы, на болевые точки, на типичные нарушения и, разумеется, на механизмы их устранения и исправления.

Основными задачами общественного контроля являются:

- выявление причин, условий и проявлений нарушения прав человека в деятельности правоохранительных органов;
- выработка рекомендаций и требований по устранению и преодолению таких нарушений;
- защита прав и интересов задержанных;
- повышение эффективности правоохранительной деятельности.

Субъектами общественного контроля являются не только общественные наблюдательные комиссии, но и Общественные советы при органах внутренних дел, специализированные правозащитные орга-

низации и специализированные СМИ. В какой-то степени также религиозные организации и отдельные граждане.

Общественный контроль дополняет депутатский и ведомственный контроль, а также прокурорский надзор.

Однако при всей своей схожести эти формы контроля и надзора имеют свою специфику. Эта специфика не всегда очевидна. Как-то раз, когда я выступал перед работниками отделов УВД по информации и общественным связям, мне был задан вопрос: зачем нужен этот ваш общественный контроль? Проверяющие и так косяком ходят по отделам милиции, мешают работать, держат в напряжении личный состав. Ответственному от руководства надо проверить действия наряда на происшествии, заглянуть к задержанным, переговорить с заявителями, а он вынужден сопровождать очередного проверяющего. «Вот и получается, – сказал подполковник милиции, – что цели-то у проверки – благие, а результаты – плачевные». На все мои возражения и доводы уважаемый подполковник реагировал со снисходительной улыбкой на лице: мол, мели, Емеля... На следующий день вместе с подполковником мы отправились в одно из подразделений, расположенных на территории управления, в котором он работал. Взяли Книгу проверяющих. Просмотрели записи в ней за полгода. Сколько проверяющими было выявлено случаев необоснованного задержания? Оказывается, ни одного. Заинтересовало ли проверяющих, что задержанные на срок свыше 3 часов не получали питания? Нет, не заинтересовало. Что сделали проверяющие, установив, что жалобы граждан руководством отдела рассматриваются формально? Оказывается, и это они не проверяли. Но то, что выпадает из фокуса зрения ведомственного контроля и прокурорского надзора, как раз и является предметом контроля общественного. Посмотрели мы с подполковником Книгу учета доставленных. На 700 зарегистрированных в ней человек не меньше двух десятков были доставлены неправоммерно. Десять из доставленных провели в отделении всю ночь, но питания не получили. Карточки личного приема начальником отдела населения и вовсе не заполнялись более месяца. Из отдела подполковник вышел очень задумчивым и на мои рассуждения реагировал очень вяло.

А на следующей неделе мне стали звонить начальники отделов того самого управления, где работал подполковник. Все они требовали, чтобы общественные инспектора (а в нашем случае это была правозащитная секция Общественного совета при ГУВД по г. Москве) приехали к ним, взглянули на то, что у них происходит, свежим взглядом и дали свое заключение: что в деятельности отделов следует изменить.

Приехали. Взглянули. Составили перечень рекомендаций на 70 пунктов. Не все из того, что мы написали, понравилось. «Как так! – говорят нам. – Вы с дуба, что ли, рухнули, утверждая, что около подъездов можно пить пиво и за это безобразие милиционер не вправе взять гражданина под белы (или какого-то там иного цвета) ручки и доставить поименованного гражданина в отдел внутренних дел. Да, говорим, пить пиво под окнами нездорово. Замечание за это сделать можно. Подсказать, куда идти пить пиво, можно. А вот посадить в машину и отвезти в отдел – нельзя. Почитал оперативный дежурный статью 20.20 КоАП РФ, и на его лице возникло выражение ужаса (это вроде бы обнимаешь свою жену, глядишь, а жена-то чужая, к тому же вовсе и не жена). Оказалось, что запрета на распитие слабоалкогольных напитков в общественном месте нет уже много-много лет. А он все эти много-много лет не только принимал бедолаг с пивом, но и привлекал их к административной ответственности. Счастье, что надзирающий прокурор точно так же, как и он, не знал, что же написано в Административном кодексе...

Говорят, что прокурорский надзор лет 100 доказывал российским чиновникам свою важность и нужность. Так и участники общественного контроля каждый раз, переступая порог ОВД, ИВС, спецприемника, СИЗО, колонии и т. д., еще много-много лет (если не десятилетий), встречая новых людей, будут доказывать, что их деятельность – не пятое колесо в телеге, а то важное, без чего деятельность правоохранителей становится в лучшем случае бессмысленной, а в худшем – опасной.

Общественный контроль – не только способ найти и устранить злоупотребления и ошибки, но и способ обнаружить то полезное и нужное, что возникло в одном месте благодаря смекалке и инициативе умного и добросовестного офицера и может быть использовано во многих местах.

В советские времена подобное называлось передовым опытом. Сегодня в правоохранительной системе механизма выявления такого опыта нет. Приходим в ИВС УВД по г. Архангельску. Узнаем, в этом ИВС каждому осужденному выдают индивидуальные тапочки. «Но ведь это не предусмотрено приказом», – говорим мы. «Не предусмотрено, – соглашается начальник ИВС. – Но ведь наши арестанты в этом не виноваты». Этажом ниже ИВС находится спецприемник. В нем нам с гордостью показывают Книгу жалоб и предложений. Административно арестованные вправе заполнить ее после своего освобождения, то есть тогда, когда от администрации спецприемника они уже не зависят.

Большая часть записей – благодарности. Но есть и жалобы: пища не-соленая, котлеты невкусные и т. д.

В ОВД по району Бутырский г. Москвы введена практика, когда административно доставленные, как правило, не помещаются ни в камеры, ни в КАЗ, а разбирательство с ними производится около окна дежурной части. «Так, может быть, наоборот, надо завести задержанного в камеру, припугнуть?» – спрашиваю оперативного дежурного. «Зачем? – искренне удивляется дежурный. – Если человек и так уже переживает из-за того, что оказался в милиции, зачем его еще больше пугать?»

В этом же ОВД узнаем, что инспектор административной практики расписывается в Книге учета доставленных дежурной части за полученный им протокол, а это исключает возможность утраты протокола или злоупотреблений с использованием протокола. Раньше бывало так: доставили двоих, оснований для доставления нет, но граждане об этом, разумеются, не знают. Первый сидит в камере, второй – отправлен за деньгами. Деньги принес, и протокол загадочным образом исчезает. Передача протокола под роспись инспектору административной практики несколько лет назад позволила подобные нарушения со стороны недобросовестных сотрудников пресечь.

Можно ли после пяти лет общественного контроля говорить о том, что нам известны основные причины нарушений прав граждан в деятельности милиции и иных правоохранительных органов? Я думаю, можно. Какие пять – семь основных причин я бы поставил на первый план?

Во-первых, ошибочные, как с нравственной, так и с правовой точки зрения, критерии оценки деятельности органов внутренних дел и отдельного милиционера. Приказ МВД РФ № 25 от 19.01.10 вроде бы стал шагом в сторону от палочной системы. Однако количество протоколов, уголовных дел, раскрытых преступлений и т. д. по сравнению с прошлым годом осталось. Осталась тяга к количественным показателям и в головах многих сотрудников. Это особенно заметно, когда анализируешь какую-нибудь книгу регистрации чего-нибудь и видишь, как сотрудник совершенно непринужденно ошибается на 1000, но почему-то обязательно в сторону увеличения. Скажем, на 1 июля в Книге учета сообщений и происшествий (КУСП) было зарегистрировано 5999 заявлений, а 2 июля нумерация начинается уже с номера 7000.

Во-вторых, нестабильность кадрового состава и ротация руководящих кадров ОВД. Начальник отдела – как правило, умный и добросовестный человек. И не так уж трудно, опираясь на его немалый жиз-

ненный опыт, не только убедить его в необходимости соблюдения прав человека, но и научить соблюдению таких прав. Но вот незадача: приходим в отдел и каждый раз в кабинете начальника видим совсем нового человека. Например, в ОВД по району Марьино за пять лет сменилось пять начальников. Предпредпоследнего взяли и посадили в тюрьму. Вы спросите, за что посадили, кого пытал, кого убил? Нет, Александр Николаевич никого не пытал и никого не ограбил. После того как хозяйственное управление ГУВД отказало ему в финансировании установки новой входной двери, попросил о шефской помощи знакомого предпринимателя. Эта просьба обошлась полковнику милиции в три года лишения свободы.

В-третьих, социальная незащищенность самих милиционеров. В маленьких селах и городах, где служат в основном местные жители, эта проблема, наверное, не так и остра. Но, когда вы приходите в участковый пункт милиции и видите там милиционера, который не имеет никакого жилья и вынужден днем в своем кабинете работать, а ночью – жить, вы волей или неволей задумаетесь. Может быть, и у этого милиционера завтра не выдержат нервы. Но если человек работает с перегрузкой и вкладывает в свою работу душу, его уважает начальство и уважает население, но не уважает государство, то это не может не накладывать свой отпечаток на поведение человека.

В-четвертых, почти над каждым милиционером висит дамоклов меч бумаг, которые милиционер должен оформить и заполнить. Увы, 90% этих бумаг не имеют никакого отношения к защите прав и интересов заявителя, а направлены на создание имитации выполнения своих обязанностей. Три года назад, проанализировав работу участковых уполномоченных милиции, мы узнали: чуть ли половину своего времени участковые тратили на проведение проверок – а не содержит ли состав уголовного преступления царапина, появившаяся ночью на припаркованных автомашинах? При этом все понимали, что царапина, устранение которой стоит две тысячи рублей, является чем угодно, но никак не признаком уголовного преступления. Однако проверки проводились так, как этого требовали ст. 144–145 УПК РФ, собиралось по дюжине справок и объяснений. После нашего вмешательства подобная нагрузка на участковых снизилась. Однако современный российский милиционер по-прежнему является рабом бумажных ненужностей.

В-пятых, сами контрольные аппараты милиции весьма слабы. Плюс ко всему последние два года эти аппараты пережили ряд сокращений. Опыт общественного контроля за милицией убедил нас в том, что Инспекции по личному составу и Управления собственной безопасности

милиции контролируют собственных коллег куда лучше и качественнее, нежели прокуратура (разумеется, кроме случаев, когда в следственных органах при прокуратуре идет очередная кампания очередного «мочилова» милиционеров). Инспекции и УСБ элементарно лучше знают, где и как милиционер может что-то нарушить. По моему мнению, численность соответствующих служб не может быть меньше 0,5 % от численности милиции. Если же численность таковых служб составляет 0,1% от численности милиции, то ни о какой качественной проверке не может быть и речи.

В-шестых, напряженность и нагрузка, являющиеся неотъемлемой частью работы в милиции, не уравновешены работой психологов, которые помогали бы милиционеру бороться с теми испытаниями, соблазнами, драмами, отчаянием, которые являются неотъемлемой частью работы любого милиционера. Сегодня во многих отделах и управлениях есть психологи. Однако они в первую очередь помогают начальству избавиться от тех, кто оказался в зоне риска (что само по себе весьма и весьма важно), но чаще всего не способны тихо и незаметно, без передачи начальству, прийти на помощь сотруднику, который столкнулся с психотравмирующей ситуацией.

Каковы возможные нарушения в деятельности отделов милиции?

Хотя постановление Правительства России № 627 об обеспечении задержанных на срок свыше трех часов горячим питанием, а задержанных на ночь – индивидуальным спальным местом было принято еще в 2003 году, в большинстве отделов эта проблема до сих пор не решена. Бывают, правда, и исключения. Например, в отделах УВД по СЗАО Москвы или в Мурманской области доставленным выдаются сухие пайки, а в специальной книге фиксируется как выдача такого пайка, так и отказ от его получения. Однако в целом по стране данная проблема не решена. Хорошо, когда у доставленного три дюжины родственников. А если его ближайший родич находится за пару тысяч километров?

Другая серьезная проблема – исчисление сроков задержания лиц, которые провели в машине после задержания не 10–20 минут, а несколько часов. Приказ МВД РФ № 174-дсп устанавливает порядок, когда задержанный вносится в книгу учета доставленных после того, как сотрудник передал оперативному дежурному свой рапорт, а срок доставления начинает течь с момента, когда задержанный переступил порог дежурной части. Но ведь бывают и ситуации, когда человек провёл в душном автомобиле два-три часа. Поэтому надо ориентировать начальников отделов не только на то, чтобы дежурные побыстрее офор-

мляли тех, кто коротал время после задержания в автомобиле, но и на то, чтобы дежурные контролировали передвижение автомобилей с задержанными. Вспоминаю случай, когда после не согласованной с властями акции в один отдел доставили 5 автобусов с задержанными, в общей сложности около 100 человек. Звоню начальнику окружного управления, ставлю его об этом в известность. Через 10 минут все офицеры отдела были брошены на оформление протоколов. Звоню доставленным, узнаю от них, что в автобусе никто не пробыл больше 20 минут, а через два часа после доставки в отдел последний доставленный отправился оплачивать штраф. Но если бы каждые полгода мы не радовали сотрудников отдела своим присутствием, то вряд ли бы подобный алгоритм мог сработать.

1 апреля 2009 года был принят приказ ИВД РФ № 248. Этот приказ среди прочих маленьких радостей предусмотрел наличие стенда о правах задержанных в помещениях для этих самых задержанных. Увы, в большинстве мест таких стендов пока что нет. Или же стенды есть, но там, где задержанному и в голову не придет такой стенд искать.

Правозащитники знают, что при рассмотрении жалоб задержанных на применение к ним недозволенных методов воздействия очень часто возникает вопрос: а где все эти ужасы происходили? Чаще всего заявители не могут назвать ни номера кабинета, ни фамилий сотрудников, которые в этом кабинете трудятся. При посещении отделов обратите внимание: не являются ли кабинеты оперуполномоченных ОУР некоей «тера инкогнита», отличающимися от всех иных кабинетов в первую очередь тем, что на них нет ни номеров кабинета, ни ФИО сотрудников.

В свое время правозащитники потратили немало времени на то, чтобы сотрудники ППС перестали хватать на улицах иностранных граждан и тащить их в дежурную часть ОВД по ст. 18.8 КоАП РФ (нарушение иностранными гражданами правил пребывания на территории РФ). В 2006–2007 годах в Москве можно было найти отделы, где из 100 доставленных не менее 80 человек оказывались таджикско-украинскими гастарбайтерами, которым их работодатели оформили «совершенно настоящую» регистрацию за 5000 рублей. В результате усилий участников общественного контроля в марте 2008 года появляется указание начальника ГУВД Москвы В.В. Пронина, запрещающее сотрудникам ППСМ без сотрудников ФМС проверять соблюдения требований ст. 18.8 КоАП РФ. Летом 2009 года вступает в действие новый Устав патрульно-постовой службы, в соответствии с которым, обнаружив на улице иностранца без регистрации, сотрудник ППСМ вместо того, чтобы с криком «Ура!» тащить последнего в дежурную часть ОВД, должен был действо-

вать по указанию оперативного дежурного. Однако при проверке дежурных частей и инспекторов административной практики следует уделять особое внимание тому, сколько материалов было оформлено по ст. 18.8 и 18.10 КоАП РФ, не трудятся ли сотрудники ППС или уголовного розыска вместо борцов с нелегальной миграцией из ФМС? Важно ознакомиться и с практикой деятельности героев миграционного фронта на территории данного ОВД. Нередко героические офицеры ФМС, задержав дюжину гастарбайтеров, заселяют их в камеру ОВД (своих камер у ФМС нет) и упархивают домой. А прибывшие в Россию трудяги сидят впятером на одной скамейке на три сидячих места ночь-другую. При этом и дежурный отпустить их не может, ведь доставили их не подчиненные ему сотрудники, а некая смежная служба.

Как-то раз в одном отделе один доблестный отдел ФМС приноровился каждую неделю доставлять в камеры отдела по 10–15 нелегальных мигрантов. «Что делать?» – спросил меня дежурный. «Звоните мне в каждом таком случае», – ответил ему я. На второй раз посреди ночи я поднял дежурного соответствующего отдела ФМС, вместе с ним навестил отдел, пообщался с задержанными, а тут весьма кстати подъехал дежурный прокурор. Выяснилось, что иностранные граждане были задержаны 12 часов назад, но никакого питания не получили. По указанию прокурора все они были выпущены под обязательство о явке.

Частые нарекания вызывает освещенность камер для следственно-арестованных. Чаще всего люди в таких камерах находятся очень недолго. Однако известны случаи, когда человек находился в такой камере и день, и два, а прочесть не смог ни одной страницы из УПК – в такой камере слишком темно.

На что при проверке отделов я бы обратил особое внимание?

Давайте взглянем, как обстоит дело с приемом обращений на личном приеме. Оформляются ли карточки личного приема? Вносятся ли в них меры, предпринятые начальником по результатам приема, или же по ним гуляет «липа»? Есть ли в отделе ящик для жалоб посетителей? Приходим в один отдел – ящик висит на месте, но забит не жалобами, а фантиками от конфет. В другом отделе открываем ящик, и в руки нам вываливается... благодарственное письмо трехмесячной давности. Гражданину помогли вернуть мобильник, тот написал благодарность, но руководство отдела не могло поверить в то, что граждане могут благодарить милицию, и решили не травмировать свою психику просмотром ящика. А зря.

Всегда важно, как оформлены информационные стенды. Например, стенд для заявителей, о котором говорит приказ МВД РФ № 333 о порядке приема заявлений граждан. И стенд для задержанных, о правилах оформления которого повествует приказ № 248. Давайте посмотрим, читаемы ли эти стенды, расположены ли они таким образом, что обычный гражданин, не обладающий сверхострым зрением, может их прочесть? Не устарели ли телефоны и адреса на этих стендах? Не забыли ли на этих стендах разместить телефоны прокуратуры, общественной наблюдательной комиссии, а также должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль? Особое внимание я бы уделил стендам для задержанных. Приказ МВД РФ № 248 от 1 апреля 2009 года прямо говорит о том, что эти стенды должны размещаться в том самом месте, где находятся задержанные. Однако, что греха таить, нередко ситуация выглядит так, что увидеть стенд задержанный может лишь при условии, что сам вольется в дружный коллектив сотрудников милиции. Кстати, в Москве Общественный совет при ГУВД Москвы разработал типовые стенды, на которых кроме портретов и биографий городского, окружного и районного начальников милиции вывешивается график приема начальников, информация об Общественном совете и прочие полезные данные. Теперь при входе в дежурную часть граждане перестали пугаться: вместо жутких фотографий со стендов «Их разыскивает милиция», на которых женщину невозможно отличить от мужчины, скинхеда от китаяца, а главу районной управы – от неопознанного трупа, посетителей встречают светлые лики С.В. Миронюк и В.А. Колокольцева. Теперь наш путь лежит в камеры. Чаще всего в дежурной части отдела имеется два вида помещений для задержанных:

1) оборудованные тяжелой металлической дверью, нарами, чаще всего лишенные окон и страдающие недостатком освещения камеры для следственно арестованных. Эти камеры используются редко, но, если обвиняемого доставили из ИВС либо за подозреваемыми должны приехать из соседней области, где в отношении их ведется следствие, то без помещения задержанного в такую камеру никак не обойтись;

2) известные под популярным названием «обезьянник» комнаты для административно задержанных. Как правило, это небольшое помещение перед дежурной частью, отгороженное сеткой или прутьями, куда помещают тех, кто не дружит с Административным кодексом.

В камерах и КАЗ важно посмотреть: какова ширина скамеек и достаточна ли она для того, чтобы человек смог на них лечь, вытянуться и заснуть, можно ли читать и писать в этих камерах при имеющемся освещении, насколько в этих помещениях чисто, отсутствуют ли непри-

ятный запах, как выглядит туалет? А то ведь иногда бывают такие отделы, в которых одно посещение туалета для задержанных по силе психологического воздействия равно десяти суткам административного ареста. Возможно, вам начнут объяснять, что данным туалетом уже много лет (или веков) никто не пользуется, однако характерные кучки и специфический запах говорят совсем об обратном. Кроме того, в соответствии с приказом № 248 от 1 апреля 2009 года в местах для задержанных должен быть вывешен стенд с перечнем их прав. Лучше всего с таким стендом дело обстоит в ИВС ГУВД по г. Москве на Петровке, д. 38: в каждой камере задержанного радуется своим присутствием соответствующая распечатка. Ну а вы бы не обрадовались: приводят вас в камеру, в стене – маленькое окошко, за дверью слышна мерная поступь младшего инспектора, а на двери висит нечто, напоминающее вам о правах человека.

Поинтересуйтесь, как на жизни отдела отразилось сокращение кадров. Трудно понять, кому пришло в голову сократить 20 % личного состава милиции. Наш опыт показывает, что сокращение произошло очень болезненно: где-то секвестировали участковых, где-то – сотрудников ППС, а в иных местах – и работников дежурной части. Печально смотреть, как дежурный носится между телефоном, заявителем, прибывшим нарядом и задержанными, искренне пытается повсюду успеть, во все вникнуть, всем помочь, но объективная реальность не позволяет располагать более чем 24 часами в сутках. Если мы видим, что сокращение ударило в первую очередь по тем службам, которые непосредственно обеспечивают соблюдение и защиту прав и свобод граждан, не стесняясь, мы, участники общественного контроля, об этом пишем. Не всегда такие письма бесполезны. В одном отделе, обслуживавшем территорию с населением свыше 150 тысяч жителей, мы узнали о сокращении отделения по обслуживании дежурной части, то есть в первую очередь тех, кто конвоировал доставленных. От доставленных поступали жалобы: выводов в туалет приходится ждать от 10 до 30 минут. Эта проблема была отражена в протоколе посещения. Прошел месяц – и конвойная группа была восстановлена.

Следует обратить внимание на видеокамеры. Не только на те, что были установлены в местах задержания, где данные видеозаписи могут стать важнейшим доказательством виновности или невиновности задержанного, но и на те камеры, что установлены в дежурной части, направлены на кабинет дежурного по разбору, камеры, помещение, куда вводят доставленных. Нас с вами должно интересовать, куда камеры направлены, включены ли они, а при поступлении жалоб на не-

дозволенные методы воздействия – также и то, что же эти камеры зафиксировали. А могут они зафиксировать прелюбопытные вещи. Приезжаем в УВД по г. Коломне. В кабинете группы разбора на стене обнаруживаем следы крови и оживляемся: вот они, страшные следы пыток. Лица руководителей управления становятся белыми. Включаем данные видеонаблюдения и видим: за несколько часов до нашего посещения в дежурную часть доставляется человек, больной эпилепсией. В кабинете группы разбора у него начинается приступ, ему оказывают помощь, прибывший наряд скорой помощи пытается его удерживать, однако доставленный смог вырваться и удариться носом о стену. Вот откуда они, многочисленные следы крови на стене. Гражданина госпитализировали и на момент нашего приезда уже отправили домой. Не буду врать: если бы мы увидели кровь на стене, но не просмотрели бы видеозапись, вряд ли кто-то убедил бы нас, что за красными подтеками на стене стоят не пытки, а случай, связанный с заболеванием доставленного.

А как вообще обстоит дело с видеокамерами на территории ОВД? Чем являются видеокамеры – средством для раскрытия преступлений или не самым мощным, но тем не менее денежным каналом отмывания денег? Увы, видеокамеры ставит не милиция, для которой данные видеозаписи зачастую единственная зацепка для раскрытия особо опасного преступления. Например, в Москве видеозаписи административных правонарушений и уголовных преступлений в лучшем случае в двух случаях из ста позволяют установить истину. Так, в ОВД по району Марьино Роцца за 10 месяцев с использованием видеокамер, установленных в подъездах, было раскрыто в 2010 году только 2 преступления. Главной причиной является нечеткое изображение на камерах. Имели место... кражи камер самими жителями. Возникают проблемы с получением материалов видеозаписи из магазина «Ашан», Сбербанк: видеоданные поступают только через 2 недели после совершения правонарушения из-за сложностей согласования их передачи службами безопасности указанных предприятий. Кстати, насколько реальна возможность просмотреть данные видеозаписей по просьбе задержанных (например, когда те утверждают, что доставлены незаконно и к правонарушению не причастны), следует интересоваться и членам ОНК.

Теперь наведем следствие и дознание. Очень часто в этих подразделениях работают весьма молодые ребята, без стажа работы, достаточного жизненного опыта. В одном посещенном нами отделе средний стаж дознавателя составлял... 7 месяцев службы. Бывают и те, кто, не прослужив в следствии или в дознании и двух лет, уже устал от

этой работы. Они шли в следствие или дознание в поисках романтики, а увидели работу, на 90% состоящую из скучной бумажной рутины. Следует проверить, насколько хорошо следователь (дознатель) знает уголовный процесс, законодательство об адвокатуре. Известно ли ему, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела он направляет заявителю в обязательном порядке, что он вправе предоставить родственникам до двух свиданий в месяц с заключенным, а отказ в свидании должен быть вынесен не произвольно, а в связи с наличием для этого препятствий?

При анализе Книги учета доставленных дежурной части (КУД ДЧ) следует обратить внимание на следующее:

– не нарушаются ли сроки содержания граждан, доставленных в дежурную часть. Как мы с вами знаем, эти сроки исчисляются различным образом. Так, например, трехчасовой срок нахождения в дежурной части гражданина, поступившего в состоянии опьянения, исчисляется с момента, когда он протрезвел. А доставленный за административное правонарушение, предусматривающее административный арест, может находиться в дежурной части до момента доставки к мировому судье, но не более 48 часов. Отмечу, что пять лет осуществления общественного контроля на территории Москвы дали свои результаты: сегодня в Москве даже трехчасовое нахождение в милиции – не столь уж частое явление;

– не указывается ли в качестве времени освобождения задержанного время, когда его из дежурной части отправили в кабинет к оперативнику или к следователю. Если мы с вами внимательно посмотрим 11-ю графу Книги учета доставленных, то увидим, что в ней должно быть указано время, когда доставленного либо освободили, либо перевели в другое учреждение (например, в ИВС). Однако не так уж и редко возникает ситуация, когда задержанный вроде бы как и не освобожден, но с другой стороны, дежурный за него не отвечает, так как этот доставленный как бы за ним уже и не числится;

– достаточны ли основания для доставления гражданина в дежурную часть, не указано ли в качестве основания доставления место или адрес, откуда человек был доставлен. Например, иногда в графе № 6, где фиксируется основание доставления, можно прочесть такую запись «Ленинский пр., д. 10» или «улица Бибиревская, д. 5». Вряд ли факт нахождения гражданина по этим славным адресам сам по себе может стать основанием для того, чтобы гражданина задержали и доставили в милицию. Отмечу, что до сих пор встречаются случаи, когда граждан доставляют в милицию за отсутствие у них документов, хотя

действующее законодательство не требует от граждан данные документы носить при себе;

– не происходит ли подмена реальных оснований доставления ссылкой на номер телефонограммы? Приходим в один отдел и видим, что в КУД ДЧ с десятков граждан зарегистрированы как доставленные на основании некой телефонограммы. Читаем телефонограмму. Оказывается, две недели назад на улице, расположенной в 10 км от территории района, где находится отдел, некое лицо «азиатской внешности» отняло сумку. Ни возраста, ни роста, ни комплекции, ни иных признаков лица в данной телефонограмме не отражено. «Зачем же вы доставили всех этих людей?» – спрашиваю сотрудников ППС. Но мой вопрос их не смутил. «А вдруг среди них оказался бы настоящий преступник!» – отвечают они мне. И это не глупость и не стремление нарушить права граждан: в данной ситуации мы сталкиваемся с отсутствием у сотрудников правоохранительного мышления. Они не понимают, что пока они ищут неизвестного азиата десять других азиатов и 50 других русских совершат новые преступления лишь потому, что милиция в это время гонялась за химерами;

– насколько разнообразна административная практика проверяемого отдела? Разнообразие административной практики, ориентация милиции на доставление людей, совершивших по-настоящему значимые, волнующие людей правонарушения – один из важнейших критериев добросовестности и профессионализма сотрудников. Приходим в один отдел и видим: 95 % всех доставленных – алкоголики. «А где хулиганы, наркоманы, мелкие воришки, дебоширы?» – спрашиваю дежурного. «А у нас в районе их нет, – огорошивает меня он и тут же поправляется, – то есть конечно же есть, но очень-очень мало». Начинаем смотреть протоколы и через 30 минут приходим в ужас: почти все доставленные – молодые ребята, застигнутые при распитии пива на детской площадке. Спору нет: пить пиво на детской площадке – дело совсем нехорошее. Но административной ответственности по ч. 1 ст. 20 КоАП РФ данное нарушение не предусматривает. Самое большое, что здесь можно сделать, – это замечание любителям пива, чтобы они ушли с детской площадки. Не буду скрывать, когда дежурный прочел наконец кодекс, а затем и ст. 286 УК РФ, голос у него стал грустный, а вид – бледный. Правда, через полгода этот же дежурный в этом же отделе демонстрировал нам книгу, где вместо фиктивных правонарушений были зарегистрированы уже совсем другие деяния;

– насколько часто лица, доставленные за совершение административных правонарушений, освобождаются от ответственности в связи

с малозначительностью нарушения или в связи с его совершением в условиях крайней необходимости? В Ворошиловском отделе милиции УВД по г. Ростову-на-Дону мы обнаружили удивительную практику, когда примерно 2 % всех доставленных выпускались с извинениями, так как при их задержании сотрудники допускали ошибку. И такая практика нормальна, так как при задержании сотрудник милиции не способен ни оценить, ни проверить доводы заявителя об отсутствии в его действиях признаков административного правонарушения.

Можно порекомендовать, чтобы в КУД ДЧ указывался параллельно номер по Книге учета сообщений о происшествиях, а в КУСП – номера по Книге учета доставленных. По крайней мере в этом случае обе книги будут как-то соотноситься друг с другом и не будут возникать ситуации, когда в рамках одного отдела существует 2 параллельные системы, одна из которых связана с задержаниями, а вторая – с рассмотрениями заявлений граждан, и обе живут своей собственной независимой жизнью.

Где кроме дежурной части ОВД могут находиться доставленные?

Во-первых, в отделениях по делам несовершеннолетних. В данных отделениях ведется собственная Книга учета доставленных. Кстати, при ее проверке следует проверять обоснованность доставления детей и подростков, выяснять, не доставлены ли под видом экстремистов обыкновенные безобидные неформалы, не задержали ли сотрудники подростка, ехавшего от бабушки в пять минут одиннадцатого вечера.

Во-вторых, в качестве помещений, используемых для нахождения доставленных, могут использоваться кабинеты оперативных уполномоченных, следователей, дознавателей. Посещая эти кабинеты, надо не только проверять, нет ли там доставленных лиц, которые якобы были освобождены из дежурной части полчаса назад, но и не хранятся ли в этих кабинетах посторонние предметы, например противогазы, бейсбольные биты, подозрительно большое количество пакетов, приборы, дающие электричество.

В-третьих, такими местами могут быть помещения непонятного предназначения без номеров, ключи от которых находятся непонятно у кого. Подобные помещения надо стремиться посетить. Если у отдела имеется стационарный пункт милиции, то следует проверить, а не вывезли ли задержанных в это нужное, но находящееся вне пределов отдела помещение.

Тюремные этюды

Кондолизе Райс, самой великой женщине эпохи, посвящая...

Общая камера

Стены тюрьмы пропитаны горем, слезами, табачным дымом. Вы слышите протяжный крик немого человека? Нет?! Удивительно. Он у меня в ушах стоит... глас вопиющего в пустыне.

У Молдована самоненя хоть отбавляй. Равными себе в тюрьме он считал немногих. Ко всем прочим обращался одинаково: «Васек».

– Слышь, Васек, ты чего кислый?

Игорь у себя на шконке, чуть помедлив, говорит:

– Голова болит.

– А чего шляпу мнешь под одеялом?

– Отстань. Говорю, голова болит.

– Давай врача вызовем, клизму поставит.

– А при чем тут клизма?

Игорь сидел за изнасилование и терпел насмешки.

– Клизма от всех болезней лечит, знаешь это? – говорит Молдаван, и ему самому становится смешно.

Молдаван любил порисоваться и редко был самим собой.

...Край далекий, путь нелегкий, а кому сейчас легко? По этапу, по бараку, как по проволоке, канату, балансируя, иду...

Молдаван боится оставаться наедине со своими мыслями и не знает, чем себя занять. Он слоняется по камере, краем уха слушает других, сам вступает в разговоры, лишь бы не думать о своем.

Камера большая, на 60 «посадочных» мест народу с перебором. Потеряться среди уголовников легко, но за годы лагерно-тюремной жизни Молдаван привык все время быть среди людей.

За длинным столом, железные ножки которого намертво вцементированы в пол, расположились человек 12 (за столом день и ночь кто-то сидит, потому что шконок на всех не хватает). Кто-то пишет письма или жалобы по уголовному делу, кто-то перекусывает, кто играет в шахматы или стучит костяшками домино.

Макс перекусывает. На виду у всех.

Молдаван не спешит пройти.

– Приятного аппетита.

– Самому мало.

– Ха-ха-ха! Как сам?

– Как сала килограмм.

– Этим бы салом да мне по мусалам.

Молдован угощается и на ходу жует.

Вокруг Лени Нифа кучкуются несколько человек. Они громко смеются и шумно себя ведут. Ниф заходил в любую камеру как к себе домой. Знал, что везде найдет знакомых.

Ниф был балагуром, только иногда на него что-то находило, и он мог не проронить ни слова за весь день. А так рот у него не закрывался – и сегодня, как всегда, Ниф заправлял арапа:

– Слышь ты, тухлодыр, я уже от горя поседел, у меня, смотри, под мышками все волосы седые. Мне цыганка руку смотрела, говорит, тебя уже давно не должно быть на свете; меня тюрьма спасала. – Ниф привычно наседавал во время разговора.

У него красивая и добрая фамилия – Никитушкин. Про себя он говорил: «Я два раза напивался и два раза попадал в тюрьму. Я люблю пошариться по чужим квартирам, посмотреть, как человек живет-может, в чем нуждается, а может, что лишнее у него завелось».

Молдаван не стал задерживаться. Он сам напичкан лагерным фольклором, как болгарский перец фаршем, но с трудом заставлял себя слушать других.

Андрюха-Горе что-то пишет за столом. Он сидит по пояс голый так, что можно прочитать татуировку на плече: «Я ваше Горе и буду жить с вами».

Горе – это погоняло. Как имя собственное погоняло пишут с большой буквы.

В двух-трех местах играли в карты. Отгораживались, занавешивали шконки простынями. Играли молча, в тишине, под высоким напряжением, перекидываясь изредка словами.

С ногами у себя на шконке сидел Леша-Тишина, согнулся пополам от боли.

– Что, Леша, опять изжога мучает? – участливо спрашивает Молдаван.

– У тебя сода есть?

– Нет. А ты знаешь что? Собери пепел от одной сигареты, прямо в ладонь стряхивай, потом проглоти со слюной – помогает.

– Знаю... – бурчит Тишина и дает понять, чтобы оставили в покое.

Молдован не стал навязываться.

Цыган Будулай пел сочным голосом: «Заморили, гады, заморили, погубили молодость мою...» И вдруг переходил на треп:

– Я следователю говорю: «Все до нас украли, ха-ха-ха. Клянусь! Если я вру, пусть сдохнет поросенок у моей соседки».

А рядом Коля-Сирота запальчиво кому-то втолковывал:

– Кинут тебя в прессуху, что ты будешь делать? Их там целая бригада: два пидора и три гада, трахают друг дружку и деньги кладут в кружку... Ты будь понаглее, а то тебя грузят как баржу, а ты молчишь. Или ты как Герасим – на все согласен? Что? Чего ты бурогозишь? Не рамси! Ты начал гарцевать, так гарцуй до конца, а то потух, как на него наехали!... – распался Сирота.

У него полон рот железных зубов, такие на зоне ставят за блок сигарет, поэтому он говорит невнятно.

Над ними спал и разговаривал во сне Витя-Самокат. Он мог спать когда угодно, шум был не помеха для него.

Перво-наперво в тюрьме надо запастись терпением. И лучше быть самим собой.

В камере многолюдно, только возле двери остается пятачок, где можно размять ноги, вышагивая взад-вперед.

Табачный дым под сводами колышется от гула голосов.

– Костян в карцере вскрылся. Без сознания был. Молодец! Уважаю! На таких тюрьма держится! – горячился Ниф.

Слова он произносил – как гвозди заколачивал.

В другом месте кто-то говорил:

– Колымский чай – на пятьсот грамм воды три столовых ложки чая. Ээки, как дети малые, им бы замутку на чифир да конфетку к чаю – и срок уже не кажется большим...

А в нескольких шагах шел свой разговор.

– Это только название: закон, а на деле – беззаконие. Я раньше думал, что они люди, а они – людоеды, в них ничего людского нет, в уголовном мире благородства больше.

Молдован по голосу узнал Захара. Тот говорил надтреснуто, устало, как будто едва ворочал языком.

– Что я могу сказать, глядя на ментовской беспредел? Я могу одно сказать: не ту страну назвали Гондурасом.

– Интересно: врачи дают клятву Гиппократу, а прокуроры какую клятву дают?

– Ни хрена они не дают.

– Они только берут, – нашелся кто-то.

– Это точно, – дружно согласились все.

Экклизиаст: что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Было, было, было – отзывается эхом каждый наш шаг.

Молдаван проталкивается дальше. Кажется, хочет уйти от себя или не находит себе места.

Обрывки фраз шуршат как листья под ногами.

– Прошлый срок тянул в Мордовии, так там не зона, а сплошной переполох...

– Какие тут наркобароны? В тюрьме наркобараны сидят...

– Мент ко мне домой приходит, говорит, ну что, Олег, Сидеть – твоя фамилия. Долдон, говорю, ты не гони, это чужая картинка, ты меня по беспределу грузишь...

– В натуре намотают срок, и покатишь по этапу елки лобзиком пилить...

– Короче, жили б мы на хуторе, нас бы не запутали...

– Бог не Яшка – видит, кому тяжело...

Два наркомана ведут терки на привычном языке:

– Ты был под винтом?

– Я был на выходах.

– А, ну-ну. И как на дурке? Ты был на спецу?

– Сначала на спецу, два с половиной года. Там лучше не высываться. Как начнешь что-то свое навязывать, сразу в овощ превращают, заколдовывают, только к выписке придешь в себя...

В блатном углу дурачатся:

– Что-то ты в натуре подрасслабился, никто тебя не раскумарит.

– Щас мы тебе привьем чесотку и спросим с тебя, как с понимающего кенгуру...

Кто-то через камеру кричит:

– Саня, ты чего над тазиком согнулся? Стираешься? Так ты присядь, а то к тебе уже приглядываются.

– В блуд не вводи людей...

Смех, как девятый вал, покрывает камеру.

Макс поел, вальяжно вытянулся у себя на шконке и взялся разглагольствовать. Он был обречен на бесплодные, из пустого в порожнее, разговоры. И даже в облике его было что-то не то барское, не то бабское.

А цыган уже пел на всю камеру. Набравши в легкие побольше воздуха, он изводил, казалось, самого себя:

– Почему родился босяком? Кто и как мне это растолкует?..

В проходе между шконками, от глаз подальше, чифирили мужики. Гена-Джан травил свои истории:

– К психологу на зоне ходил, у нее ксерокс в кабинете, ватман – он на карты шел, к ней никто не мог найти подход, а мне давала безотказно, только спрашивает, куда тебе столько бумаги... Я рисую, говорю, много детские рисунки... я детей очень люблю, говорю, и слезы у меня выступают на глазах. Она сразу: успокойся, говорит, не волнуйся...

Гена-Джан – крадун по жизни. Он на вокзале себя чувствовал хозяином в такой же степени, как железнодорожник или милиционер. Для его историй всегда находились слушатели.

На один квадратный метр в камере приходится два вора, но никто чужого не возьмет.

Антон Павлович Чехов в монументальном очерке «Остров Сахалин» писал: «Жизнь в общих камерах порабощает и с течением времени перерождает арестанта; инстинкты оседлого человека, домовитого хозяина, семьянина заглушаются в нем привычками стадной жизни».

Ничего не изменилось вплоть до наших дней.

Долгое нахождение в общей камере можно приравнять к пыткам. Шум тут как на крупном железнодорожном вокзале.

Тюрьма выстуживает душу.

Хорошо, что у меня богатое воображение. Я закрывал глаза и тотчас оказывался на берегу доисторического моря. Кругом не было ни души. Море играло мускулами волн. Я отдышал.

Алё-малё

После вечерней проверки тюрьма «строится». Из окна одной камеры к окну другой протягивают тонкие канатики, они сплетены из шерстяных ниток, для чего распускают носки и свитера, и таким макаром опоясывают всю тюрьму.

Это называется «дорога». Если какая-то камера не построится, то это либо не «людская хата», либо «заморозка», куда дорогу по техническим причинам протянуть нельзя.

В притаившейся ночной тиши слышно, как идут переговоры.

– Алё-малё, давай построимся.

– Повремени, дам знать.

По дорогам идут небольшие «груза» и записки (малявы), на них указывается номер камеры и погоняло адресата.

По ночам «крестят». Кто-то из новеньких выбирается на окно и горланит:

– Тюрьма-старушка, дай погремушку, не ментовскую, а воровскую!

В неуточный час строятся с волей. Волан из плотной бумаги, на конце которого закреплен хлебный мякиш, должен пролететь несколько десятков метров, перелететь через тюремный двор, запретку, пу-танку и шлепнуться в укромном месте по другую сторону забора.

Там уже поджидают. Проворно подвязывают к тонкой нитке леску и дают сигнал. Зэки осторожно тянут назад нитку и затаскивают в камеру прочную рыболовную снасть. Дорога с волей построена. Теперь можно затянуть «груза», и лучше поторопиться: на вышке могли не прозевать, сообщить на вахту, и через несколько минут дорогу оборвут.

Ночь проходит беспокойно. На день тюрьма залегает в спячку. Спит мертвым сном.

Дорожник

Возле дороги у окна торчит Вова-Хлын. Он чаще других принимает почту.

В тюрьме у него поделник. Он сидит на другом корпусе, но связь между ними не прерывается.

Со своим поделником Хлын познакомился по прошлому сроку. На зоне они были неразлейвода. Потом с небольшим интервалом освободились, ушли в загул, но долго на свободе не задержались. И теперь то Хлын отправит ему сигарет, то поделник пришлет Хлыну сахарку или конфет.

Так друг друга и поддерживали – грели, на языке тюрьмы. Забота согревает душу. Сами по себе несколько кусочков сахара ничего не значат, но, когда человек отвержен миром, любая пустяковая и маломальская забота прибавляет сил.

Справиться с дорогой невозможно. Под каждое окно на ночь не поставишь караул.

Курсовка

В тюрьме безотказно работает система оповещения. Кто поступил, кто убил, кого куда перевели, становится известно в тот же день.

По каждому поводу составляется курсовка. Она обходит камеры. Для ознакомления.

В курсовке указывают имя и погоняло заключенного. Имя и погоняло обиженного пишут с малой буквы.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – апрель 2011 года)

Татарстан

28 февраля 2011 года

В Нижнекамске при получении взятки пойман подполковник ФСИН. 25 февраля около 12.00 заместитель начальника учреждения по кадрам и воспитательной работе ФКУ ЛИУ-1 УФСИН России по Республике Татарстан подполковник внутренней службы А., являясь должностным лицом, возле базы отдыха Нижнекамского района Республики Татарстан получил от гражданина Б. взятку в размере 160 тыс. рублей за содействие в замене Б. неотбытой части наказания на более мягкий вид наказания – исправительные работы.

В отношении подполковника внутренней службы возбуждено уголовное дело по п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ – «Получение должностным лицом взятки в виде денежных средств в крупном размере за действия в пользу взяткодателя». Избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с содержанием в следственном изоляторе.

Подполковнику внутренней службы за совершенное им преступление грозит от 7 до 12 лет лишения свободы.

Санкт-Петербург

5 марта 2011 года

Смольнинский суд Петербурга вынес **приговор по громкому делу высокопоставленных сотрудников управления ФСИН** Петербурга и Ленобласти, которые обвинялись в издевательствах над заключенными. Вместе с офицерами по этому делу проходило несколько заключенных, принимавших участие, по версии следствия, в преступлениях.

Смольнинский суд признал виновным Вячеслава Типпеля и с учетом ранее назначенного ему наказания приговорил в общей сложности к 7 годам колонии. Ростислав Балоболко и Евгений Петров признаны виновными в превышении должностных полномочий и были приговорены к 6,5 года и к 6 годам лишения свободы соответственно.

Еще четверо сотрудников ФСИН – Веревкин, Хачикян, Гаврилов и Игнатъев, – которые находились на подписке о невыезде и за которых следствие ходатайствовало об условном лишении свободы, были приговорены судом к 4 годам реального лишения свободы каждый. Они были арестованы в зале суда.

Суд принял решение о взыскании солидарно с Типпеля, Балоболко, Березкина, Игнатъева, Гаврилова, Хачикяна в пользу потерпевшего Биязова в счет компенсации морального вреда 300 000 рублей, с подсудимого Петрова в пользу потерпевшего Ниязова – 60 000 рублей.

Заключенных, проходивших подсудимыми по этому делу, суд оправдал.

Пенза

14 марта 2011 года

Сотрудник пензенской колонии предстанет перед судом по обвинению в коррупции и торговле наркотиками. Бывшему работнику управления ФСИН по Пензенской области исправительной колонии № 5 инкриминируются преступления по ч. 2 ст. 290 и ч. 2 ст. 228-1 УК РФ. По словам представителя прокуратуры, обвиняемый, работая в должности младшего инспектора группы надзора безопасности, по просьбе заключенных проносил им за денежное вознаграждение наркотические средства. Всего следователи выявили три эпизода передачи наркотиков за взятки. Уголовное дело в отношении бывшего работника пензенской колонии направлено в суд.

Рязанская область

17 марта 2011 года

Московским межрайонным следственным отделом города Рязань СУ СК РФ **возбуждено три уголовных дела в отношении начальника одного из подразделений УФСИН** России по Рязанской области, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество) и ч. 2 ст. 292 УК РФ (служебный подлог). Следствием установлено, что в июле 2010 года он путем обмана похитил денежные средства, выделенные из федерального бюджета на выплату материальной помощи и денежной премии сотрудникам УФСИН, на сумму около 50 тысяч рублей. В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления.

Свердловская область

21 марта 2011 года

В Свердловской области **осужден на 5 лет в колонии-поселении начальник ИК № 46**, получивший взятки в виде приборов и другого имущества заключенных на общую сумму в 100 тыс. рублей. Он признан виновным в 11 эпизодах получения взятки. В 2009–2010 годах злоумышленник неоднократно получал взятки от осужденных, отбывающих наказание, за обеспечение им благоприятных условий отбывания наказания, а также за помощь в условно-досрочном освобождении из колонии. Общая сумма взяток составила около 100 тыс. рублей, при этом начальник получал вознаграждение в виде различного имущества (бензогенератор, два прибора бесперебойного питания для газовых котлов и т.п.).

Рязанская область

23 марта 2011 года

В рязанской колонии **заключенный**, которому отказали в освобождении, несмотря на его тяжелое заболевание, **просит разрешение на эвтаназию**. Смертельно больной Геннадий Уминский направил открытое обращение в различные инстанции, в котором умоляет чиновников прекратить его страдания.

«Я страдаю тяжелой формой сахарного диабета 1 типа, инсулинозависимый, – пишет Геннадий (орфография сохранена). – Заболева-

ние, которое развилось в тяжелые формы в условиях изоляции, при отбывании наказания, изначально было получено в ходе проведения контр террористических операций в Чечне. У меня фактически отсутствует поджелудочная железа, все это последствия тяжелого ранения. Я фактически не могу передвигаться без посторонней помощи и двух костылей. На более дальние дистанции меня переносят на руках и носилках. С кровати я не встаю более года. Масса тела в весе упала с 120 кг до 58 кг. Дистрофия прогрессирует. Выпали почти все зубы и мне нечем пережевывать пищу. Голени ног покрыты трофическими язвами и нестерпимо болят», – пишет заключенный.

Все это, по его словам, подтверждено специальной медкомиссией ФБЛ ПУ Б-2 УФСИН России по Рязанской области № 29 03.10.2010 года. «В условиях лишения свободы я обречен на медленную мучительную смерть. Так как другого исхода я для себя не вижу, прошу прекратить мои физические страдания от тяжелого заболевания, путем проведения мне процедуры "эфтаназии"».

Мордовия

28 марта 2011 года

Прокуратура выявила множество грубых нарушений закона в колонии № 12 и вынесла представление начальнику УФСИН России по Республике Мордовия.

Проверкой было установлено, что надлежащие бытовые условия и требования техники безопасности не соблюдаются. Так, крыши большинства зданий не очищены от снега. По этой причине произошло обрушение кровли здания карантинного отделения, однако ремонтировать ее не спешат.

Осужденные, проходящие карантин, находятся в непосредственном контакте с больными заключенными. Медицинская часть не в полном объеме обеспечена лекарствами, значительно изношены медицинские приборы и инструменты.

Не соблюдаются правила техники безопасности и пожарной безопасности. Не работает принудительная вентиляция, нет автоматической пожарной сигнализации, срок годности многих огнетушителей истек. Кроме того, не устранены каналы поступления в колонию запрещенных предметов.

Ранее несколько работников УФСИН Мордовии уже были осуждены за передачу или неизъятие мобильных телефонов из корыстных побуждений. В отряде № 10 из-за отсутствия прямой телефонной свя-

зи с оперативным дежурным осужденные лишены возможности незамедлительно информировать администрацию о происшествиях.

Прокуратура пришла к выводу, что в колонии не организована должным образом воспитательная работа с заключенными. Из общего числа заключенных трудоустроено лишь 157 человек, это 19,8 процента. Ежедневный заработок осужденных составляет 37,92 рубля.

Проверкой личных дел осужденных установлено, что имеют место случаи, когда администрация ИК-12 поддерживает ходатайства осужденных об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (далее УДО) при отсутствии надлежащей оценки их поведения за весь период отбывания наказания.

4 апреля 2011 года

Массовая драка в ивдельской ИК-55 произошла 2 апреля около 2 часов ночи. По данным прокуроров, конфликт произошел между осужденными в жилых секциях двух отрядов на территории ФБУ ИК-62. Уже подсчитаны «потери» – в результате жестокой драки 12 осужденных получили вред здоровью средней тяжести, 15 – легкий вред здоровью, 4 осужденных получили тяжкие телесные повреждения. Их госпитализировали в центральную больницу при ИК-55 в городе Ивдель. Через три часа после начала драки один из «тяжелых» скончался в больнице от черепно-мозговой травмы. Из числа сотрудников исправительного учреждения никто не пострадал. Сейчас обстановка в колонии находится под контролем и зачинщики конфликта изолированы.

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Татьяна Мерзлякова предполагает, что зачинщиками конфликта могли стать заключенные из бывшей секции дисциплины и порядка (так называемый актив), которые якобы негласно контролировали колонию до смены ее руководства. Возможно, они решили таким образом восстановить свои былые позиции. «Долгое время колония № 62 управлялась не только администрацией, но и так называемым активом осужденных, – пояснила омбудсмен. – По моему мнению, они временами влияли на жизнь остальных эзков гораздо серьезнее, чем администрация. Но после назначения чуть более года назад руководителем колонии Александра Гусева этот актив потерял свои позиции – приказом Минюста секции порядка и дисциплины в местах лишения свободы были ликвидированы с 1 января 2010 года».

Между тем общественных наблюдателей не пустили в ивдельскую ИК-62, где в минувшие выходные произошел бунт заключенных. Как

пояснили в ГУ ФСИН по Свердловской области, это объясняется тем, что сейчас колония переведена на усиленный режим несения службы, а также там сейчас работают следователи. Через два-три дня правозащитники могут свободно посетить исправительное учреждение.

Вместе с тем члены Общественной наблюдательной комиссии заявляют, что через 2–3 дня ехать в колонию будет бессмысленно. За это время наиболее «болтливых» заключенных либо запугают, либо просто спрячут – такие случаи правозащитникам известны. Кроме того, свидетелей и участников бунта могут распределить по другим колониям, так что наблюдатели никого, кто мог бы дать нужную им информацию, в ИК не застанут.

Тем не менее правозащитники намерены пообщаться с участниками беспорядков.

Москва

6 апреля 2011 года

Недавнее посещение женского СИЗО-6 г. Москвы поразило членов Общественной наблюдательной комиссии по контролю за местами принудительного содержания. Изучая прейскурант **в ларьке**, где люди могут купить продукты для передачи родственникам, содержащимся в СИЗО, члены комиссии обнаружили **запредельные цены**: йогурт 1 шт. 115 г – 46 руб., бананы 1 кг – 80 руб. и лимоны – 123 руб. Руководство СИЗО пояснило, что такие цены устанавливает фирма, которая выиграла тендер. Интересно, как можно выиграть тендер, предлагая продукты втридорога? Для сравнения цены в «Перекрестке»: тот же йогурт – 11 руб. (в дорогой палатке – 13 руб.); бананы – 50 руб.; лимоны – 43 руб.

Просим родственников заключенных помочь в проведении общественного расследования и присылать поразившие вас цены в ларьках при тюрьмах, а также в «отоваровке» внутри колоний по e-mail: sodeistvie@prison.org

Свердловская область

12 апреля 2011 года

Прокурор области Юрий Пономарев по результатам проверки обстоятельств конфликта между осужденными ФБУ ИК-62 **внес представление об устранении нарушений закона начальнику ГУ ФСИН России по Свердловской области** Сергею Худорожкову. 2 апреля около двух часов ночи в Ивделе в жилых секциях двух отрядов произо-

шел конфликт между осужденными. В результате происшествия несколько человек из числа осужденных получили телесные повреждения различной степени тяжести, один из осужденных от полученных травм скончался. Кроме того, осужденные проникли в магазин учреждения, откуда похитили продукты питания. В ходе проверки было установлено, что серьезный инцидент в колонии стал возможен в результате игнорирования требований уголовно-исполнительного законодательства руководством колонии. В частности, осужденные имели беспрепятственный доступ в подсобное помещение и смогли вооружиться деревянными черенками от лопат и метел. О грубейших нарушениях в организации воспитательной работы свидетельствуют факты назначения на должности в самодеятельных организациях осужденных, имеющих действующие дисциплинарные взыскания. Также был выявлен факт неправомерного проживания одного из заключенных в помещении психологической помощи отряда, где ему были обеспечены комфортные условия отбывания наказания. При этом надлежащий ведомственный контроль за деятельностью учреждения со стороны ГУ ФСИН России по Свердловской области отсутствовал. Сотрудники главка при проверках не давали должной оценки работе администрации колонии по выявлению и пресечению преступлений и правонарушений среди осужденных. В представлении, направленном прокурором области на имя руководителя ГУ ФСИН России по Свердловской области, изложенные факты нарушений нашли отражение.

Министерство юстиции РФ

13 апреля 2011 года

Глава Министерства юстиции Александр Коновалов вчера заявил, что **существующий механизм УДО неэффективен и очень коррупционен**, поскольку в нем высока доля субъективного мнения руководства исправительных учреждений. Судебная процедура тоже не лишена указанных недостатков.

Коновалов отметил, что нужно повышать объективизацию состояния личности отбывающего наказание. «Не секрет, что в большинстве стран есть принцип автоматического освобождения заключенного, когда он отбыл какую-то часть наказания и не имеет нареканий с точки зрения дисциплины, уважения к закону, порядка отбывания наказания», – заявил министр, подчеркнув, что даже при реализации такого подхода в России все равно останется под вопросом объективность оценки поведения осужденного.

«Кто будет принимать решение, достоин ли он УДО или нет? Думаю, здесь роль универсального рецепта может сыграть структура гражданского общества, которое должно получить оправданный постоянный доступ в места лишения свободы с тем, чтобы постоянно контактировать со спецконтингентом. Это священники, бизнесмены, которые реализуют программы переобучения персонала, представители некоммерческих правозащитных организаций, это адвокаты, представители спортивных организаций, которые там организуют и проводят соревнования», – говорит Коновалов.

Оценка этих людей некоей третьей стороной, на его взгляд, способна если не полностью снять проблему необъективности, коррупционности вопроса об УДО, то, по крайней мере, серьезно разгрузить и повысить объективность принятия таких решений.

Краснодарский край

14 апреля 2011 года

Прокурор Краснодарского края Леонид Коржинек провел проверку следственного изолятора ИЗ-23/1 краевого управления ФСИН на выполнение Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В ходе проверки прокурор Краснодарского края выявил существенные нарушения закона в части материально-бытового и медико-санитарного обеспечения арестованных лиц, пожарной безопасности, соблюдения режимных требований в следственном изоляторе. Одной из основных причин, способствовавших допущенным нарушениям закона, явилось ненадлежащее отношение к своим должностным обязанностям сотрудников администрации этого СИЗО.

Как говорится в сообщении пресс-службы, одной из основных причин, способствовавших допущенным нарушениям закона, явилось ненадлежащее отношение к своим должностным обязанностям сотрудников администрации следственного изолятора, а их условием – отсутствие надлежащего ведомственного контроля со стороны аппарата УФСИН России по Краснодарскому краю.

ФСИН России

14 апреля 2011 года

С августа 2011 года ФСИН России начнет повсеместно вести электронное досье на осужденных – так называемые дневники. От-

личительной особенностью станет невозможность исправления уже внесенных записей. Таким образом ФСИН планирует пресечь коррупционные попытки внесения изменений в документы на осужденного, который пытается получить условно-досрочное освобождение.

Начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России генерал-майор внутренней службы Валерий Трофимов на пресс-конференции заявил, что система исполнения наказаний «переходит на ведение электронных дневников». На сегодняшний день существуют три версии электронных дневников: северная, центральная и южная. Эти версии разрабатывались в Красноярском крае, Краснодаре и Твери.

Как отметил Трофимов, эти три версии мало чем отличаются друг от друга. Но тем не менее уже разработано техническое задание для Тверского научно-исследовательского института на создание объединенной версии. Запуск этой системы ожидается в августе. Нарботанный ранее материал будет перенесен в эту объединенную версию.

«Эта версия будет исключать возможность внесения каких-либо изменений в первоначальные записи, их можно будет только дополнять», – сказал Валерий Трофимов, отметив, что в дневник будут заноситься характеризующие материалы, результаты воспитательно-психологической работы.

Волгоград

13 апреля 2011 года

В Волгограде арестован известный правозащитник, член Общественной наблюдательной комиссии Волгоградской области первого созыва **Игорь Нагавкин**. Игорь Борисович Нагавкин известен среди гражданских активистов, а также местным властям своей непримиримой позицией по отношению к фактам произвола в системе правоохранительных органов. Следует отметить, что именно по этой причине он был «выведен» из состава регионального ОНК первого созыва. Нагавкин намеревался подать документы на включение в ОНК второго созыва – характерно, что ввиду некомплектности волгоградской комиссии срок подачи документов заканчивался на следующий день, 14 апреля. Поводом для ареста Нагавкина явилась следующая история, случившаяся ровно год назад.

В ночь с 12 на 13 апреля 2010 года произошла попытка кражи колес машины сотрудника ГИБДД города Волгограда. Через 3 месяца Игорь Нагавкин был задержан, и ему было предъявлено обвинение за

совершение данного деяния. Нагавкин сразу указал на свое алиби – в то время, когда, по версии следствия, некто снимал с автомобиля сотрудника колесо, правозащитник проводил свободное время в кафе. На входе в кафе имела видеокамера, в памяти которой должны были сохраниться записи, запечатлевшие лица входящих и выходящих. Следователь Ворошиловского отделения милиции Волгограда согласился изъять видеозапись и исследовать ее. Однако, как пояснял ранее относительно случившегося Нагавкин, видеоматериал в дело не попал, и, что стало с видеосъемкой, – неизвестно.

Впрочем, какие же именно доказательства причастности правозащитника к краже колеса включил в дело следователь, не знал ни обвиняемый, ни его адвокат – никакие материалы дела для ознакомления следствие им не предоставляло.

Игорь Нагавкин на протяжении года направлял жалобы в самые различные инстанции относительно предъявленного ему обвинения в краже колеса.

На протяжении 2010–2011 годов Нагавкин вел абсолютно легальный образ жизни и являлся публичной фигурой. Но оказалось, что волгоградские правоохранители уже пять раз подавали в розыск на правозащитника, причем в том числе и федеральный. В настоящее время Игорь Нагавкин находится в 5-м отделе милиции г. Волгограда. Он задержан в порядке ст. 91 УПК РФ дознавателем Мхитарян Р.Е.

15 апреля 2011 года

Людмила Алексеева и Лев Пономарев 14 апреля 2011 года обратились к прокурору Волгоградской области В. Чурикову и уполномоченному по правам человека В. Лукину в защиту прав Игоря Нагавкина.

В обращении говорится, что более года назад в отношении Нагавкина Игоря Борисовича было возбуждено уголовное дело, его подозревают в покушении на кражу покрышки милицейской машины. В рамках этого дела пять раз выносились постановления об объявлении Нагавкина в розыск, и каждый раз постановления отменялись прокуратурой как незаконные. А 13 апреля после вынесения шестого постановления Нагавкин пошел к прокурору Ворошиловского района Волгограда с жалобой и был задержан в кабинете прокурора.

Правозащитники обращают внимание, что Игорь Нагавкин и его организация осуществляют защиту прав осужденных и заключенных, в результате чего неоднократно освещали информацию о грубейших нарушениях прав осужденных и преступлениях сотрудников УФСИН. Поэтому они полагают, что именно в этой связи Нагавкин подвергается

преследованию со стороны правоохранительных органов и органов УФСИН по Волгоградской области, в связи с чем просят незамедлительно вмешаться в ситуацию и оказать содействие в защите его прав.

18 апреля 2011 года

В исправительной колонии № 10, находящейся в городе Краснокаменске, где отбывал наказание Михаил Ходорковский, **17 апреля вспыхнул пожар**. В результате пожара выгорели все жилые корпуса, ряд хозяйственных и административных зданий и помещений колонии. Ситуацию усугубили сильный порывистый ветер и сухая погода. Во время пожара никто из осужденных из колонии Краснокаменска не сбежал.

Краснокаменский межрайонный следственный отдел СУ СК по Забайкальскому краю по факту пожара возбудил уголовное дело по признакам преступлений «организация массовых беспорядков и участие в них». Следствие считает, что пожар стал следствием поджога, который осуществила одновременно в нескольких зданиях по предварительному сговору группа осужденных. 25 подозреваемых в поджоге задержаны.

В ближайшее время около 250 осужденных из сгоревшей исправительной колонии № 10 будут перевезены в другие исправительные учреждения Забайкальского края. Оставшаяся часть будет размещена в восстановленных после пожара зданиях ИК-10.

Правозащитники утверждают, что ситуация в исправительной колонии № 10 в Краснокаменске давно накалялась.

«Разом вспыхнувший пожар во всех спальнях помещениях, отделенных друг от друга локальными участками, – это шаг отчаяния большинства осужденных, не имеющих других способов обратить внимание на свое бедственное положение общественности и надзорных органов», – заявил руководитель краевого правозащитного центра Виталий Черкасов в воскресенье. По мнению Черкасова, 30 отрицательно настроенных осужденных не могли прошедшей ночью беспрепятственно передвигаться по территории колонии и поджигать здания, на чем настаивает руководство краевого УФСИН. «Если они характеризуются отрицательно, они должны содержаться под замком в отряде строгих условий содержания, либо в ШИЗО или ПКТ, – заявил Черкасов. – Последний месяц в наш центр поступали сведения о том, что осужденные ИК-10 режут себе вены и объявляют голодовку. Объяснялось это произволом персонала учреждения. Якобы в колонии есть отряд, где руками лояльных эзков “ломают” тех непокорных, кто отказывался сотрудничать с администрацией. Попасть в этот отряд опасались многие, так как выйти оттуда они могли уже в статусе изгоя».

Проверить эту информацию официальным путем правозащитники не могли, так как УФСИН – самая закрытая и непрозрачная структура в крае. От любых контактов с общественностью его руководство отказалось в 2005 году – когда из Москвы в ИК-10 этапировали осужденного Михаила Ходорковского. Однако информация о массовых нарушениях прав осужденных из колоний в тот период не поступала. Ситуация изменилась в апреле 2010 года, когда кресло начальника краевого УФСИН занял Владимир Никитеев, до этого возглавлявший пост первого зама начальника ГУ ФСИН по Иркутской области. Из колоний стали просачиваться сведения о бесчинствах персонала и тюремного персонала. Эта информация поступала в том числе и из ИК-10. Но подтвердить ее либо опровергнуть из-за полной закрытости тюремной структуры правозащитникам не удавалось.

Однако в январе 2011 года руководство УФСИН выпустило ситуацию из-под контроля. Из исправительных колоний № 3 и 5, расположенных в Чите, в массовом порядке стали поступать жалобы осужденных на изощренные пытки и издевательства. Перекрыть канал утечки информации персоналу не удалось, и она имела эффект разорвавшейся бомбы. О произволе стало известно общественности и СМИ. Матери осужденных осадили колонии, вышли в центре Читы на митинг. Забайкальский правозащитный центр по горячим следам собрал доказательство бесчинств сотрудников пенитенциарных учреждений.

«Но прокуратура и следственное управление на наш сигнал отреагировали несерьезно. Прокуратура в тот же день, не дожидаясь окончания 10-дневной проверки, распространила в СМИ пресс-релиз, что информация о пытках в колониях не подтвердилась. А следственное управление поручило проверку молодым следователям, которые вместо сбора доказательств просто не мешали сотрудникам колоний скрывать очевидные улики своего произвола», – говорит Виталий Черкасов.

Глава ФСИН России Александр Реймер по итогам совещания в Краснокаменске, где в 17 апреля сгорела колония № 10, распорядился провести служебную проверку, по итогам которой будет дана оценка действиям сотрудников уголовно-исполнительной системы Забайкальского края. Об этом Реймер сегодня заявил после посещения ИК-10.

ФСИН России

19 апреля 2011 года

В фонд «В защиту прав заключенных» поступают многочисленные жалобы от осужденных, а еще больше – от родственников, о том, что

заключенных этапируют в дальние регионы. Это создает массу проблем не только для самих заключенных, но еще большую – для родственников, которые должны тратить не только время (брать отгулы, отпуск и т. д.), не только деньги (стоимость междугородных переездов достаточно высока), но и зачастую свое здоровье для того, чтобы увидеться со своим сыном, мужем, братом, отцом. А престарелые родители вообще зачастую не могут приехать к сыну или дочери.

Необходимо отметить, что в июле 2007 года были внесены изменения в ст. 75 УИК РФ, регламентирующую порядок определения исправительного учреждения, в котором осужденный будет отбывать наказание.

Согласно принятым изменениям, при отсутствии в субъекте Российской Федерации по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории любого другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения.

Если старая редакция статьи предусматривала в аналогичном случае направление осужденного в другой близлежащий субъект от места жительства или места осуждения, то в настоящее время осужденные могут направляться в любой другой субъект России.

Также из-за реорганизаций системы исполнения наказаний и разделения содержания рецидивистов с «первоходами» в этом году возросло количество жалоб осужденных и их родственников на перевод в другие регионы.

Несмотря на то что закон не запрещает возможность перевода заключенного ближе к месту жительства при наличии там свободных мест, ФСИН, как правило, неохотно удовлетворяет такие просьбы, аргументируя это расплывчатой формулировкой – «оснований для перевода осужденного не имеется».

Из всех многочисленных запросов и ходатайств фонда «В защиту прав заключенных» о переводе осужденных на данный момент удовлетворено только два.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма¹

Франция: реформа процедуры ареста

20 января 2010 года депутаты Национальной ассамблеи² в рамках реформы процедуры ареста одобрили ключевую статью, касающуюся задержания. Теперь адвокат имеет право встречаться с арестованным на протяжении всего времени задержания, а не в течение 30 минут сразу после задержания, как это происходит в настоящее время.

Статья 7 законопроекта, представленная министром юстиции Мишелем Мерсье, предусматривает, однако, ряд отступлений от вводимого правила, когда встреча с адвокатом может быть отложена на 12 часов при совершении ряда тяжких преступлений общеуголовного характера, на 24 часа – если имеются подозрения о совершении преступления со стороны так называемой оргпреступности, и на 72 часа – если речь идет о терроризме.

Восстановлено право хранить молчание, которое было ликвидировано в 2003 году, при этом следователь обязан сообщить об этом задержанному. Как следует из текста закона, следователь обязан также сообщить задержанному о том, что адвокат имеет право встречаться с ним на постоянной основе.

О своем задержании арестованный имеет право сообщить как своей семье, так и работодателю, а не одному из них. Он может также иметь при себе ряд личных вещей, таких как очки, а результаты медицинского обследования, проводимые во время задержания, не должны стать достоянием третьей стороны.

По предложению правительства и депутатской группы UMP³ Национальная ассамблея поддержала положение о том, что предварительное следствие останется под контролем прокурора республики, назначаемого действующей властью, а не судьи, ответственного за обеспечение прав и свобод во время ареста и независимого по своему статусу, как это предлагала парламентская комиссия по законодательству.

Это положение уже подверглось критике со стороны адвокатского сообщества и магистратов⁴, которые полагают, что такое право, предоставленное прокурору, несовместимо с требованиями Европейского суда по правам человека, который считает, что прокуратура, тесно связанная с исполнительной властью, не может рассматриваться как независимый юридический орган.

Кроме того, правительство согласилось с министром юстиции и отказалось от предложенного в тексте законопроекта положения о так называемом «свободном допросе» – допросе, не ограниченном во времени и без адвоката.

После продолжительных дебатов, развернувшихся между двумя членами группы UMP – адвокатом Клодом Гоаскеном и магистратом Жан-Полем Гарро, – эта поправка, касающаяся лишения полиции права на «свободный допрос» во время предварительного задержания, была одобрена.

В то же время установлено, что если офицер полиции, ведущий допрос, считает, что адвокат «грубо мешает проведению допроса» или мешает его проведению иным образом, он информирует об этом прокурора, который имеет право отстранить такого адвоката от дела и пригласить к участию в деле другого адвоката, выбранного арестованным или назначенного.

В среду, 19 января, Национальная ассамблея почти единогласно приняла поправку, предложенную правительством и предусматривающую, что в отсутствие адвоката решение о лишении свободы или иного ограничения не может быть принято вообще.

Правительственная поправка тем не менее уточняет, что лишение свободы «может быть провозглашено в том случае, если имеются другие доказательства или если лицо, имевшее возможность пригласить адвоката, само отказалось от его присутствия».

³ UMP – Союз за народное движение (либерально-консервативная партия во Франции).

⁴ Магистрат – чиновник судебной власти (судья, следователь, прокурор) в Италии, Франции и некоторых других зарубежных странах.

¹ Третья часть обзора (первые две – в № 23 и 24 журнала).

² Национальная ассамблея – нижняя палата парламента Франции.

Эта реформа, однако, почти не имеет никакого значения в суде при- сажных, в котором жюри решает вопрос об аресте не на основании име- ющихся доказательств, а на основании лишь «внутреннего убеждения».

Этот законопроект является следствием решения Конституционного совета⁵, принятого 30 июля 2010 года, который постановил, что суще- ствующие процедуры, касающиеся предварительного задержания, противоречат фундаментальным правам человека, и обязал провести их реформу до 1 июля 2011 года.

Согласно официальной статистике, число арестов во Франции уве- личилось с 336 718 в 2001 году до 792 293 в 2009 году. А если учиты- вать и нарушения правил дорожного движения, то эта цифра прибли- жается к 900 000.

Рассмотрение этой реформы в парламенте может закончиться очень скоро. Сенат⁶, в свою очередь, должен рассмотреть этот законопроект в марте или апреле 2011 года.

Бельгия: судья «наехал» на тюрьму и... обжегся

В Бельгии разгорелся нешуточный скандал, в который оказался вовлечен целый ряд высших чиновников, в том числе и министр юсти- ции Стефан Деклерк. Что же произошло?

16 января 2010 года следственный судья⁷ Вим де Трой приказал арестовать административную верхушку тюрьмы Сен-Жиль: директо- ра (женщину), ее заместителя и сотрудника, ответственного за про- пускной режим.

Что же такое натворили эти трое, что вызвало применение к ним такой суровой меры, как арест?

В этот день (воскресенье) следственному судье необходимо было срочно допросить одного задержанного, чтобы, как пояснил Люк Энар (председатель суда, в котором работает Вим де Трой), решить вопрос с мерой пресечения для этого арестанта. Прибыв после обеда в тюрьму в сопровождении своего секретаря и сотрудников полицейского уча- стка аэропорта Брюсселя, судья не смог заехать в тюрьму на собствен- ном (частном) автомобиле. Руководство тюрьмы заявило ему, что ав-

⁵ Конституционный совет Франции – аналог конституционных судов в других странах.

⁶ Сенат – верхняя палата французского парламента.

⁷ Следственный судья – во Франции и ряде других стран судья, который принимает решение об ограничительных мерах на стадии предварительного следствия (ордер на арест, обыск, постановление об изъятии, временное лишение водительских прав). Следственный судья проводят также обеспечительные допросы обвиняемого и свиде- телей.

томобиль необходимо оставить за воротами тюрьмы, как того требуют правила безопасности. По существующим правилам во внутренний двор тюрьмы имеют право въезжать лишь автозаки.

После возникшей перепалки судья, видя, что руководство тюрьмы не идет ему навстречу, попросту приказал арестовать директора и двух сотрудников, которые и были доставлены в полицейский участок го- рода Завентема.

Как утверждает Люк Энар, никакого ареста не было, просто судья пригласил троих пенитенциарных сотрудников «на беседу».

В свою очередь, Генеральная дирекция пенитенциарных учрежде- ний Бельгии считает, что речь идет именно о незаконном аресте. Как утверждает в специально выпущенном по этому поводу Генераль- ной дирекцией коммюнике, «три сотрудника из числа персонала были лишены свободы в воскресенье с 18 часов 5 минут до 20 часов 20 ми- нут. Их обязали сдать ключи и средства связи и угрожали надеть на них наручники».

В связи с произошедшим случаем Генеральная дирекция жестко заявила, что «правила и процедуры безопасности, касающиеся допус- ка в тюрьмы, обязательны для всех, включая директора, министра или следственного судью. Любой человек, которому необходимо попасть в учреждение, должен пройти через металло- и рентгенодетектор. Так- же запрещено, – говорится далее, – парковаться во внутреннем дворе учреждения. И только директор тюрьмы может в исключительном слу- чае разрешить парковку».

Эти правила и процедуры, говорится далее в коммюнике, были уси- лены в рамках борьбы с побегами, которых в 2010 году произошло все- го три. «Установленные процедуры абсолютно не мешают следствен- ному судье исполнять свои обязанности... Является совершенно не- приемлемым тот факт, что следственный судья попытался уклониться от необходимого контроля», – делает вывод Генеральная дирекция.

В коммюнике также сказано, что сотрудники тюрьмы Сен-Жиль ра- ботают с высоким профессионализмом, соблюдая действующие про- цедуры.

Свое возмущение произошедшим высказал и пенитенциарный профсоюз. «Это уж слишком, – заявил представитель профсоюза Ги Милис. – Магистрат⁸, какие бы он функции ни исполнял, должен прой- ти через контроль, как и все остальные. У нас уже были подобные про-

⁸ Магистрат – чиновник судебной власти (судья, следователь, прокурор) в Италии, Франции и некоторых других зарубежных странах.

блемы в других тюрьмах и с другими следственными судьями, много о себе возмнившими».

У бельгийских журналистов, освещающих это происшествие, возник и еще один очень серьезный вопрос. Дело в том, что тюрьма Сен-Жиль расположена в зоне ответственности полиции Брюсселя, тогда как задерживали директора тюрьмы и ее сотрудников полицейские из города Завентема. У журналистов возникло подозрение, что брюссельские полицейские отказались выполнять незаконный приказ следственного судьи, и тогда он использовал ничего не подозревающих полицейских из Завентема.

Этому факту также очень удивился министр юстиции и потребовал провести расследование.

«Я не спущу это дело на тормозах, – заявил Стефан Деклерк, – я не позволю, чтобы какой-то там следственный судья наплевал на действующие правила по обеспечению безопасности».

После такой отповеди, поступившей от Генеральной дирекции пенитенциарных учреждений Бельгии и министра юстиции Стефана Деклерка, бельгийские СМИ полагают, что арестован может быть уже сам следственный судья.

Бунт и пожар в тюрьме на юге Англии

Как сообщили в пенитенциарной службе страны, порядка сорока осужденных участвовали в поджоге нескольких зданий тюрьмы Форд, расположенной около города Арундел, на юге Англии.

С точки зрения профсоюза охранников тюрем, этот инцидент ярко демонстрирует риски, заложенные в проектах, касающихся сокращения бюджета юстиции, на которые решило пойти правительство, реализуя свою политику жестких мер экономии.

Бунт начался около полуночи, прямо в первую новогоднюю ночь. В субботу после обеда десятки охранников в защитном снаряжении сопровождали две пожарные машины, въехавшие во внутренний двор пенитенциарного учреждения, чтобы погасить огонь, охвативший одно деревянное здание. Телевидение продемонстрировало кадры и других горящих зданий, которые были подожжены во время той ночи, когда начался бунт.

К вечеру казалось, что силы правопорядка взяли под контроль ситуацию.

Сообщений о травмах, нанесенных заключенным или охранникам (для оказания помощи в наведении порядка сюда было направлено 140 человек), не поступало.

Тюрьма Форд является центром заключения «открытого типа», в котором осужденные, как правило, не запираются в своих камерах и имеют право работать за пределами учреждения.

Министр по делам тюрем Криспин Блант сообщил, что 150 осужденных, участвовавших в бунте или поджегших свои камеры, будут переведены в тюрьмы со строгим режимом.

Марк Фримен, помощник генерального секретаря профсоюза охранников тюрем рассказал, что мятеж начался, когда охранники захотели провести тесты на употребление алкоголя в отношении ряда заключенных.

По его мнению, беспорядки получились столь массовым из-за недостаточного количества охранников. Он поставил под сомнение бюджетную политику, объявленную весной 2010 года коалиционным правительством консерваторов и либералов.

«Мы понимаем, что администрация пытается сократить численность охранников, работающих здесь (в тюрьме Форд), и я думаю, что этот случай должен послужить напоминанием об опасности, которую представляют собой заключенные, даже те из них, которые находятся в учреждениях открытого типа», – заявил Марк Фримен в интервью каналу *Sky News*.

США: за самое больное

Житель Нью-Йорка, который жалуется на то, что во время его пребывания в окружной кутузке местная тюремная крыса укусила его за penis, имеет право привлечь власти округа к юридической ответственности. По сведениям телерадиовещательной корпорации *BBC* именно такое решение вынес судья, к которому обратился искусанный мужчина.

Как рассказал сам 54-летний Питер Соломон, которому после этого несчастного случая пришлось пройти курс лечения против бешенства, охранники, поместившие его именно в этот тюремный блок, прекрасно знали, что там водятся эти грызуны. Он также сказал, что в этой тюрьме плохо с ним обращались и даже избивали. По его мнению, все это происходило потому, что у него черный цвет кожи.

Адвокаты, представляющие округ Нассау, в котором и располагается эта тюрьма, требовали, чтобы его жалоба была признана неприемлемой. Привлеченные к делу эксперты заявили, что они не видят доказательств серьезных последствий этого инцидента.

Питер Соломон, афроамериканец и ветеран войны во Вьетнаме, утверждающий, что он прошел курс лечения по причине посттравматического расстройства, содержался в тюрьме в 2007 году в ожидании

суда по обвинению в угрозах расправы, которые он высказывал в адрес своей жены.

Бастилия открывает свои тайны

В Париже, в библиотеке Арсенала (Национальная библиотека Франции располагается в нескольких зданиях, одним из которых является бывший арсенал. – *Сост.*), открылась выставка, рассказывающая об истории знаменитой тюрьмы, которая символизировала собой произвол, присущий абсолютизму.

С 15 июля 1789 года некий Паллуа заключил торговое соглашение с властями на снос крепости, которая служила королевской тюрьмой со времен кардинала Ришелье. Этот человек понимал, что он собирается разрушить целый миф. И он вырезал из 83 кусков разрушенной Бастилии макеты знаменитой темницы в память о временах угнетения и отправил их во все департаменты Франции. Один из этих макетов вместе с двадцатью семью ключами от этой крепости, отправленный 14 июля 1790 года в Конституционное собрание, выставлен на нынешней экспозиции.

Символ беззакония, царившего при абсолютизме, Бастилия являлась местом, куда заключали без всякого судебного решения – бывало на несколько дней, а бывало и пожизненно – не только протестантов, писателей, издателей, содомитов, но также и таких персонажей, как Фуке (суперинтендант финансов при Людовике XIV, выходец их купцов, впавший впоследствии в немилость. – *Сост.*), Железная маска, Калиостро и даже... Вольтер. Из этого перечня хорошо понятно, почему парижане в первую очередь постарались разрушить это страшное место.

Когда маркиз де Сад, после пребывания в Венсенской крепости, был переведен в 1784 году в Бастилию, ему было 44 года и он еще почти ничего не написал. Но когда возникла необходимость перевести его из Бастилии в богадельню в Шарлетоне, оказалось, что маркиз прямо-таки спал на написанных им в Бастилии произведениях: «Сто дней Содома», «Жюстина, или Несчастья добродетели», «Алина», «Валькур»...

Благодаря пенсии, которую получала его супруга Рене-Пелажи, он избежал участи питаться лишь сухим хлебом и водой. У него была возможность обставить свою камеру мебелью и украсить гобеленами, получать не только тонкие вина и изысканные блюда, книги... но и различные «престижные безделушки», секс-игрушки того времени, которые Рене-Пелажи специально заказывала для него у специалиста-краснодеревщика. Самые скандальные свои произведения Сад дает читать лейтенанту Дю Пюже, служившему в Бастилии. Несмотря на все

эти «тепличные» условия, маркиз во время прогулок по крепостной стене тюрьмы все время кричит о том, что тюремщики издеваются и обижают заключенных.

Настал день, когда он был переведен в Шарлетон, город, в котором через несколько лет де Сад обрел свободу и в котором он закончил свои дни в 1814 году.

Боливия: Пальмасола, женская тюрьма

Пальмасола – это деревня за решеткой. Четыре сотни осужденных женщин свободно разгуливают по оживленным улочкам. Здесь же играют дети, а иногда можно увидеть и приехавших на свидания мужчин. Многие отбывают здесь наказания вместе со своими малолетними детьми, отцы которых слишком бедны, чтобы взять на себя заботу о малышах на свободе. А у некоторых ребятишек отцов и вообще нет.

«Здесь не преступники, здесь лишь бедняки, – говорит одна заключенная, – а богатые покупают себе свободу».

«Мне дали 10 лет за фальсификацию документа, – рассказывает 37-летняя Клара. – А я не просто могла послушаться моего начальника. Да я даже не знала, что это называется коррупцией. Он-то заплатил и на свободе, а я здесь... И муж мне теперь не доверяет и очень редко приезжает навестить. К счастью, мой 17-летний сын по-прежнему любит меня...»

В женской тюрьме, которая называется Санта-Круз, жизнь женщин протекает организованно. Здесь можно найти камеры-магазины, нечто вроде своеобразных ресторанов, телевизионные залы и общий умывальник. Все здесь находится под управлением самих женщин.

Распределение должностей зависит не от того, какое преступление совершила та или иная дама, и не от того, на какой срок ее сюда определили. Положение в местной иерархии зависит исключительно от покупательной способности той или иной осужденной. Каждая прибывающая сюда женщина обязана купить себе место в камере. Ну а степень комфортности камеры зависит от ее покупательной способности. По закону, конечно, это все запрещено, но администрация тюрьмы, молчание которой также продается, закрывает на все глаза.

Здесь правит та, кто богаче других. В течение двух последних лет «рынок недвижимости» (распределение по камерам) находится в кризисе, так как численность заключенных сократилась. Хотя плата остается достаточно высокой (между 250 и 2500 долларами), цена за камеру упала на 30%.

Самые богатые живут в просторных и светлых камерах, в самом безопасном секторе. Ну а те, кто беднее, вынуждены спать вместе со своими детьми в камерах, где отсутствует всякая гигиена. Однако между женщинами, имеющими детей, существует некая солидарность, основанная на обеспечении безопасности малышей.

У Жаклины, например, есть сын. Но сообщить отцу ребенка о том, что он является папой, она не может, так как этот самый папа тоже сидит в тюрьме, но во Франции.

Женщины и здесь, в тюрьме, умудряются забеременеть. Некоторым это дает надежду, что исполнение наказания отложат и выпустят на волю. Рожать им приходится за пределами тюрьмы, в городской больнице, где после родов они остаются лишь на трое суток и под охраной двух сотрудников тюрьмы.

Ежегодно выделяемые государством деньги на содержание тюрем не покрывают даже расходы на питание. В пищу заключенным добавляются успокоительные средства и контрацептивы. От местной воды женщины часто болевают, но оказываемая медицинская помощь явно недостаточна. Те из женщин, которые не получают помощи из-за решетки, стараются найти хоть какую-то работу на местном, очень маленьком, производстве или, чтобы выжить, занимаются распространением наркотиков. Кстати, алкоголь и наркотики здесь дешевле, чем на воле, и очень распространены.

Все это результат недостатков системы, отданной в полное распоряжение заключенным. Государство не заботится о своих узниках, оно и не охраняет их, и не занимается ими. По всей видимости, с женщинами-заключенными грубо обращаются и во время предварительного следствия в полиции. Судьи – коррумпированы, адвокаты – некомпетентны и занимаются вымогательством денег у семей этих женщин.

Жизнь в Пальмасоле – отражение боливийского общества, в котором ничтожная часть от всего населения использует богатства страны к собственной выгоде. А тюрьма является лишь инструментом наказания, в которой нет места проектам по реабилитации. После своего освобождения одни женщины хотели бы работать, другие – продолжить образование или обучиться художественному ремеслу, ну а большинство из них попросту мечтают о том, чтобы больше не попасть в тюрьму.

Справка составителя

Пенитенциарная система Боливии

В 67 пенитенциарных учреждениях по состоянию на июль 2010 года содержалось **8700** заключенных, в том числе: подследственных –

78,7%, женщин – **12,2%**, несовершеннолетних – **9,1%**, иностранцев – **6,8%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **87** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **165,5%**. Смертная казнь отменена за общеуголовные преступления. Условия содержания очень тяжелые: тюрьмы переполнены, качество пищи и медобслуживания низкое, распространены инфекции. По местным законам, дети до шести лет имеют право жить в камере вместе с родителями. В результате в целом по стране за решеткой находится более 1000 детей. Жены и мужья имеют право посещать супругов в тюрьме в любое время и ночевать в камере.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма Сан-Педро, Ла-Пас**, построенная в период колониализма в 1952–1954 годах. Прозвана городом в городе – камеры без решеток больше похожи на обычные квартиры. С арестантом заключается официальный договор на проживание и оплату жилплощади. В зависимости от финансовых возможностей арестант может иметь от пары метров в «коммунальной» камере до нескольких комнат, образующих тюремную квартиру. Существует рейтинговая система, по которой камеры получают от 0 до 5 звезд. Питанием заключенный обеспечивает себе сам: может покупать продукты и готовить еду в камере или питаться в одной из тюремных забегаловок. Многие заключенные и члены их семей занимаются мелким бизнесом. Дети дошкольного возраста посещают два тюремных детсада. Подавляющее большинство в Сан-Педро – подследственные по делам о наркотиках. **Самый известный заключенный** – Амадо Пачеко, осужденный за транспортировку 4,2 тонны кокаина на персональном самолете. В тюрьме он прославился тем, что достроил второй этаж к своей камере, чтобы обеспечить привычный уровень комфорта.

Шедевры Лувра в тюрьме

Впервые в истории репродукции шедевров музея Лувра выставлены в прогулочном дворе тюрьмы Пуасси, недалеко от Парижа. Эта выставка продлится три месяца.

Выставка, названная «По ту сторону стен», является своеобразным плодом сотрудничества между Лувром и этим пенитенциарным учреждением строгого режима, в котором содержатся заключенные, приговоренные к длительным срокам отбывания наказания.

Десять осужденных-волонтеров отобрали по одному шедевру Лувра из списка полотен, представленного музеем.

Арестанты для своего просмотра выбрали следующих художников: Мантенья, Мурильо, Жерико, Ла Тур, Ле Лоррен.

Затем выбранные картины были воспроизведены в натуральную величину, с высоким разрешением и вставлены в старинные рамы. С их появлением прогулочный двор сразу же преобразился. А когда наступают сумерки, эффект усиливается еще больше, так как все картины подсвечиваются.

С помощью одного писателя десять заключенных, выбиравших картины, снабдили каждый «свою» небольшим текстом, вывешенным рядом с произведением искусства. При размещении картин, так чтобы выставка в прогулочном дворе приобрела некую целостность, заключенные воспользовались помощью дизайнера.

Во время открытия этой выставки, предназначенной исключительно для заключенных, президент-директор музея Анри Луаретт напомнил собравшимся, что призвание Лувра состоит в том, чтобы его шедеврами могли любоваться все.

Тюрьма Пуасси, располагающаяся в старинном монастыре, насчитывает 230 осужденных. У 80% из них сроки лишения свободы превышают двадцать лет.

«Эта тюрьма – очень грустное место. А эта выставка – своеобразный способ вырваться из нее, очутиться на воле», – сказал 30-летний Джованни, выбравший картину Клода Желе, более известного как Ле Лоррен.

«Когда я вижу эту выставку, серые стены как будто бы пропадают», – объясняет другой заключенный, 57-летний Патрик.

Жан-Мари, которому недавно исполнилось 44 года, выбрал картину Теодора Жерико, которая называется «Скачки», потому что «скачущие лошади символизируют обещания путешествия. И потому еще, что финиширующие лошади означают начало новой жизни», – подумав, добавил Жан-Мари.

Каталог выставки, созданный совместно Лувром и Министерством юстиции, уже напечатан и снабжен текстами, написанными заключенными.

Бельгия: проект по привлечению военнослужащих в охранники тюрем провалился

Почти сто военнослужащих стали тюремными охранниками за два с половиной года. Этот результат очень далек от поставленной цели...

Все начинается с констатации двух фактов: 1) Министерство обороны должно сократить свой персонал; 2) Министерство юстиции испытывает большой некомплект пенитенциарных сотрудников.

Казалось, все очень просто. Заинтересованные министры – юстиции Стефан Деклерк и обороны Питер Декрем – в апреле 2008 года

подписали соглашение о взаимодействии. По этому соглашению только в 2008 году предусматривалась переаттестация пятисот военнослужащих в тюремные охранники. За два с половиной года всего лишь около ста солдат решились сменить службу...

Если быть точным, то в 2008 году таких желающих было 83 человека. В 2009 году, по подсчетам газеты *De Morgen*, численность переаттестовавшихся сократилась до 15 человек, из которых трое – резервисты. А в 2010 году? Цифры до сих пор неизвестны (чиновники, занимающиеся этим вопросом, якобы находятся в отпуске). Но, по словам представителя профсоюза военнослужащих Патрика Десси, «практически ни один солдат не принял это предложение».

Причина: последние изменения статуса тюремных офицеров, которые определяют, что «замещение их постов более недоступно для лиц, имеющих категорию D (солдаты и матросы)», объяснил министр обороны, отвечая на письменный парламентский запрос. «И в то же время армейский персонал категории C (унтер-офицеры), к которому, согласно званиям и возрасту, предъявляются более высокие требования, в Министерстве обороны выполнял обязанности, которые требуют большей ответственности, чем та, которая предписывается тюремным охранникам».

Есть и другие факторы, объясняющие провал проекта. «Военнослужащий и тюремный охранник – две совершенно разные профессии, – утверждает представитель профсоюза тюремных служащих Мишель Якобс. – Некоторые военнослужащие к концу стажировки все же привыкли к новой работе, но большинство решило вернуться в Министерство обороны».

Военнослужащие предпочитают участвовать в операциях за пределами страны, воспринимая такие командировки как некий подарок. Такие командировки позволяют им получать тройное жалование... Ну и наконец: обещание, что каждый из перешедших на службу в тюрьму, получит работу вблизи от постоянного места жительства, не выполнено.

Алжир: условия в тюрьме Эль-Хара не отвечают международным стандартам

Катрин Доп Аноко, президент комиссии по пыткам и член рабочей группы по экономическим, социальным и культурным правам в Африке, заявила, что количество заключенных в тюрьме Эль-Хара превышает 2100 человек, что не соответствует международным нормам. Она добавила, что перелимит в этой тюрьме составляет 900 человек.

Госпожа Доп также указала на то, что, несмотря на усилия, принимаемые государством с целью улучшения условий содержания заключенных, эти условия все еще далеки от требуемых международных норм. В кулуарах конференции Катрин Доп заявила, что поставила в известность членов африканской комиссии по правам человека о том, что в тюрьме Эль-Хара она видела женщин-заключенных с малолетними детьми.

Она также обратила внимание на малый размер камер и сделала запрос, соответствуют ли условия содержания в заключении, медицинское обеспечение и качество пищи международным нормам. Во время своей пресс-конференции она указала на то, что Алжир нуждается в строительстве новых центров заключения и выразила удовлетворение, что эти проекты уже находятся в стадии реализации. И действительно в стране в настоящее время строится 91 тюрьма, две из которых будут открыты в ближайшее время.

По словам госпожи Доп, «этот вопрос касается не только Алжира, поскольку многие другие страны также испытывают нехватку мест в тюрьмах». Она уточнила, что вопрос предварительного задержания и его продолжительности обсуждался во время ее встречи с Министром юстиции Тайебом Белаизом.

Африканская делегация, которая находилась с визитом в Алжире в течение недели, констатировала, что в стране достигнут большой прогресс по сравнению с предыдущими годами в области прав человека и наличествует политическая воля алжирского правительства по улучшению условий содержания заключенных. Относительно практики применения пыток, делегация подчеркнула, что они в Алжире запрещены, и в стране принимаются необходимые правовые положения с целью их полного запрета.

Африканская делегация также отметила полную отмену смертной казни в Алжире. Представители делегации обсудили права женщин и детей и потребовали запретить всякую их дискриминацию, введя законодательство статью, позволяющую женщинам в полной мере участвовать в политической жизни.

Необходимо отметить, что африканская делегация посетила множество учреждений, в том числе тюрьму Эль-Хара, комиссариат полиции города Биртута и центр приема женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, города Бусмаила. Члены делегации имели встречи с министрами юстиции, внутренних дел, иностранных дел, национальной солидарности и председателем Верховного суда.

Страсбург: косметические процедуры в тюрьме

«Приятель придет ко мне сегодня на свидание, так что сделайте меня красивой», – говорит Алиса, заключенная следственного изолятора, расположенного в Страсбурге, в котором открылся первый во всех французских тюрьмах салон красоты.

«Подобных примеров во Франции больше нет», – убеждает журналистов Арман Перего, президент регионального отделения общества Красного Креста, по инициативе которого и при поддержке пенитенциарной администрации (ПА), был реализован этот проект.

«Что-то подобное есть в тюрьме Флери-Мерожис, но это совсем не то, что здесь. Мы переоборудовали неиспользуемое помещение, предназначенное для грудных детей, в самый настоящий салон, где можно отдохнуть и расслабиться», – уточняет представитель ПА.

В конце коридора, в который выходят двери от 18 камер, предназначенных для тридцати заключенных женщин, находится комната площадью в 20 кв. метров. Помещение выкрашено в успокаивающие светлые тона, а красивая люстра и зеркала делают атмосферу какой-то душевной.

Раз в месяц на 45 минут женщины могут довериться опытным рукам косметолога, которая сделает им массаж, глубокую очистку кожи и косметическую маску. В течение еще 15 минут заключенная займется своей прической, так как здесь же есть и небольшой салон-парикмахерская.

Директор следственного изолятора Ален Реймон считает, что все это дает женщинам возможность «восстановить свое достоинство, которое они, как многие из них считают, потеряли».

«Конечно, все это бесплатно», – уточняет г-н Перего, подчеркивая, что Красный крест вложил в организацию этого салона, где шторы скрывают решетки на окнах, 4000 евро.

Жюли Вог, 32-летняя косметолог из пригорода Страсбурга, работает здесь бесплатно. Ее целью является «изменить» не только физический облик этих разных по возрасту обитательниц женского отделения тюрьмы, но и моральный.

«Как я здесь оказалась? Увидела телепередачу о том, как сюда уже в течение трех лет приходят парикмахерши и помогают здешним женщинам ухаживать за волосами, я обратилась к их руководителю Яннику Кремеру, – рассказывает г-жа Вог. – А он направил меня в Красный Крест, в котором он является активистом, и проект воплотился в реальность».

Г-ну Перего нравится утверждать, что «достоинство женщины зависит от рук парикмахера и ухода за собой» и что важно показать «жен-

щинам, которые рано или поздно выйдут на свободу, что гражданское общество их не забыло».

Этот следственный изолятор расположен в западной части города Страсбурга, и в нем содержится 673 заключенных, тогда как мест здесь всего 444. В 2008 году здесь впервые во французской пенитенциарной системе был реализован необычный проект, по которому заключенным предлагалось на регулярной основе заботиться о голубях, морских свинках, кроликах и других животных, которых они приручали и которые помогали им переносить тоску и одиночество.

В 2011 году в Иране казнят более 1000 человек

По данным *Human Rights Watch*, в Иране в 2011 году должны казнить рекордное число заключенных – более одной тысячи человек.

Казнь Сахры Бахрами, имевшей двойное гражданство – Ирана и Нидерландов, является последним примером, показывающим «абсолютное отсутствие прозрачности» в Иране относительно постоянного увеличения применения смертной казни. Об этом говорится в заявлении HRW.

Ури Розенталь, глава внешнеполитического ведомства Нидерландов, заявил, что он «глубоко потрясен» казнью Сахры Бахрами, и назвал эту казнь «актом, предпринятым варварским режимом». Нидерланды заморозили все контакты с Ираном. По сведениям многочисленных неправительственных организаций, уровень казненных в Иране на душу населения является самым высоким в мире.

По данным Международной амнистии, в 2009 году в Иране было казнено не менее 388 человек и страна находилась на втором месте в мире по числу казненных, после Китая.

Неправительственные организации полагают, что в 2010 году число казненных в Иране по сравнению с 2009 годом значительно увеличилось.

Учитывая повешение Сахры Бахрами, HRW полагает, что с 1 января 2011 года в Иране уже было казнено не менее 74 заключенных. А по подсчетам агентства Франс Пресс, основывающимся на публикациях в иранских средствах массовой информации и несколько отличающимся от данных HRW, в этот период было казнено не менее 66 человек.

«В подобном темпе власти страны легко могут казнить более 1000 человек до конца 2011 года», – заявила Сара Ли Ватсон, директор представительства Human Rights Watch на Ближнем Востоке.

По данным этой организации, смертные казни в Иране демонстрируют «обострение кризиса в области прав человека после сомнительных президентских выборов 2009 года», когда Махмуд Ахмадинежад получил мандат на второй президентский срок.

46-летняя Сахра Бахрами была арестована в декабре 2009 года в Тегеране, когда она участвовала в протестных акциях против переизбрания Махмуда Ахмадинежада, и была приговорена к смерти за хранение и продажу кокаина. Родившаяся в Иране, Сахра Бахрами натурализовалась в Нидерландах, где прожила многие годы. Но Иран не признал ее двойного гражданства.

Швейцария: стать тюремным надзирателем

Камерная перенаселенность, которая преследует швейцарские тюрьмы и время от времени является причиной массовых волнений, как следствие требует все большего числа тюремных работников. Репортаж из тюрьмы Шан-Доллон, в которой располагается Женевская школа по подготовке тюремного персонала.

Комплекс зданий тюрьмы Шан-Доллон, служащей следственным изолятором, располагается в предместье Женевы таким образом, что случайно в него не попадешь. Так что все, кто сюда стремится добровольно, знают, зачем им это нужно. Знают и тюремные работники. «Еще когда я была маленькой, я хотела работать в полиции или в охране. Я выбрала эту профессию потому, что это "живая" работа и не надо сидеть на одном месте. Есть и социальный аспект, который меня привлекает», – замечает 24-летняя ученица школы Ясмينا, у которой сейчас идет первая неделя практики.

Это решение может показаться странным, если принять во внимание, что работать придется в переполненной тюрьме, а сами условия труда довольно тяжелые. Однако претендентов вполне хватает. «В прошлом году мы изучили 841 досье кандидатов на службу. 35 человек были отобраны для январского курса обучения и 20 – для сентябрьского», – объясняет Жерар Марийе, сотрудник, ответственный за подготовку персонала. Чтобы попасть на учебу в Женевскую школу по подготовке тюремного персонала, необходимо пройти жесткий отбор. Собеседования, интеллектуальные и личностные тесты... Используется и однодневная стажировка. Прошедшие все испытания лица должны пройти медобследование и представить заверенную полицией обширную анкету. «Важно понять, подходит ли эта работа для кандидатов и нет ли у них страха перед заключенными», – подчеркивает Жерар Марийе.

В эту сессию было набрано всего 17 учеников, из них – только две девушки. «Этой работой интересуются многие женщины, но набор осуществляется по мере надобности», – замечает Жерар Марийе. Априори

ри женщин всегда отбирают меньше. Но существуют ли реальные трудности, мешающие женщинам выполнять такую работу?

«Я не чувствую, что есть какие-то проблемы, мне кажется, что пол не имеет значения, и я никогда не испытывала страха», – утверждает Ясмينا. Это мнение разделяет и Мэрилин, надзирательница из Шан-Доллон с семилетним стажем.

С точки зрения заинтересованных лиц, должно царить равноправие. Не важно, мужчина ты или женщина. Важен принцип: не позволяйте страху одолеть себя и сохраняйте хладнокровие. «Не всегда можно управлять эмоциями заключенных, но именно мы должны уметь их успокоить. Нужно быть одновременно и не очень снисходительным и не очень сварливым», – говорит 28-летний Александр, который работает на практике четвертый день, один из них он уже провел в непосредственном контакте с заключенными. «Как мне сказали, участок, на который меня поставили работать, не является самым легким. Но все прошло хорошо. Достаточно немного улыбаться, умело обращаться с дверьми камер и не обходиться грубо с заключенными».

Раньше Александр был поваром. «Профессия надзирателя меня привлекала все больше и больше, я консультировался во многих ассоциациях, занимающихся социальными проблемами, и я решил, что мне подходит роль наставника людей из неблагополучных слоев общества. И потом здесь очень четкий распорядок, знаешь, когда работа начинается и когда она заканчивается. В общем, не как на кухне». Впрочем, Александр намерен служить здесь 30 лет, чтобы занять высший пост в системе охраны. Провести почти всю жизнь в тюрьме – он этого не боится, видно, что у молодого человека есть амбиции.

«Как раньше воспринимался тюремный надзиратель? Ключник, с огромными ручищами и пустой головой. Сегодня так уже никто не считает. Придавая огромное значение безопасности, мы все же в первую очередь обращаем внимание на человеческие качества», – замечает Жерар Марийе. Безусловно, и мужчины, и женщины, которые обеспечивают порядок в тюрьме, никоим образом не похожи на «тюремного Терминатора». «Поначалу я ожидала, что увижу что-то похожее на телесериал "Побег из тюрьмы", разные там камеры с решетками, но быстро поняла, что все совсем не так», – улыбается Ясмينا.

Шан-Доллон – конечно, не панамская тюрьма, даже если учесть, что здесь на 270 мест приходится 451 заключенный, бывает, что в камерах содержится вдвое больше человек, чем положено. В коридорах первого этажа охранники спокойно разговаривают, провожая по камерам заключенных, послушно возвращающихся с ежедневной про-

гулки. «Все вполне спокойны, видимо, очень замерзли», – улыбается Александр, сопровождавший сегодня заключенных.

«Случаи агрессии, конечно, бывают, но вовсе не каждый день. Чтобы их не допустить, надо постоянно быть бдительным и держать заключенных на расстоянии. Но, как правило, мы всегда ощущаем наличие напряженности в тюремном блоке или в отдельно взятом заключенном, и нам удается эту напряженность снять. Молодым сотрудникам всегда оказывают помощь те, кто служит давно и у кого большой опыт, – мы всегда можем на них положиться», – подчеркивает Жерар Марийе. Во время подготовки и обучения персонала тактику подавления беспорядков преподают инструкторы швейцарской полиции, у каждого из которых имеется, как минимум, «черный пояс» в области боевых искусств.

В тюрьме Шан-Доллон, для которой 2010 год стал весьма напряженным (случались и массовые беспорядки, а в октябре произошло нападение на пятерых охранников), сейчас, кажется, царит спокойствие. Время 11 часов 30 минут, и заключенные тянутся за обедом, который теперь раздается не по камерам, а на этаже.

На третьем этаже северного крыла Александр наблюдает, как заключенные мужчины готовятся обедать, он перебрасывается с ними двумя-тремя словами, желает приятного аппетита, улыбается. В соседнем отделении женщины тоже ожидают, когда им принесут обед. Обыденная сценка из жизни тюрьмы. Изучение искусства тюремного работника теперь не кажется таким уж тяжким. Конечно, мы всё это видим с нашей стороны, через окна, которые приглушают и маскируют шум, и поэтому видим не всё...

Справка составителя

Женевская школа по подготовке тюремного персонала готовит сотрудников для всех тюрем кантона Женева. В западной части Швейцарии это самая большая подобная школа.

Осуществляется набор стажеров в возрасте от 22 до 35 лет.

В 2010 году по причине значительной нехватки персонала школа решила добавить еще один учебный курс – в сентябре. Если для январского набора обучение длится шесть месяцев, то для сентябрьского оно сокращено до четырех месяцев.

После принятия присяги новобранцы закончат свое обучение в Швейцарском центре по подготовке пенитенциарного персонала во Фрибурге. Там они получают федеральный диплом тюремного работника.

Практический курс стажеров в Женевской школе проходит в различных секторах тюрьмы. Задачи надзирателя: осуществление надзора за прогулками, приемом пищи, принятием душа, за работой в мастерских и за работой обслуживающего персонала из числа заключенных.

Тюремный надзиратель обеспечивается медицинской страховкой, и ему оплачиваются все медицинские расходы. Он имеет право на пенсию по достижении 58 лет.

В 2010 году во всей Швейцарии только 128 человек получили федеральные дипломы тюремного работника. В этом году учебу начали 158 человек.

Франция: тюрьма будет окружена третьей стеной

Центральная тюрьма для осужденных к длительному тюремному заключению, расположенная в городе Мулен-Изер (Франция), вскоре будет окружена третьей стеной безопасности. На сегодняшний день эта тюрьма и так считается самым продвинутым в этом отношении пенитенциарным учреждением Европы.

Это строительство обойдется в 1,6 млн евро. Правда, представители профсоюза пенитенциарных работников пенитенциарного центра города Мулен-Изер (в который входит центральная тюрьма и следственный изолятор) считают, что все это не более чем «пыль в глаза». Ровно два года назад Кристоф Кидер и Омар Эль-Хадж совершили побег из этой тюрьмы, взяв в заложники двух охранников. «Они заставили заложников открыть центральный вход, который выходит прямо на парковку. С помощью принадлежавшего охране оружия преступники прошли два пояса безопасности. При тех же условиях они смогут пройти и третий. Тем более что новую стену не планируется снабдить передовым постом, в котором бы находился охранник».

И этот новый пояс безопасности планируется построить вокруг центральной тюрьмы, предназначенной для заключенных двух типов: осужденных к длительным срокам лишения свободы и относящимся к категории особо опасных. А вообще в этом пенитенциарном центре сейчас содержится: в центре – 89 осужденных (всего мест 126), в следственном изоляторе – 157 заключенных (всего мест 146).

Это будет стена, устойчивая против машин, предназначенных для тарана. Кроме того, на стене будет установлена и высокая решетка. Эта стена будет выше, чем две внутренние стены, сделанные из армированного бетона, окружающие помещения, в которых содержатся осужденные. Похоже, этот третий пояс безопасности будет эффективен прежде всего против перебросов извне различных пакетов. А это

часто случается. Например, в октябре 2008 года между вышками был обнаружен вещевой мешок, в котором находился резак и пилы по металлу.

Три пояса безопасности должны быть во всех подобных центральных тюрьмах, подчеркивают в Межрегиональной пенитенциарной дирекции региона Рона-Альпы (Овернь). Как, впрочем, и высокие смотровые вышки, возведенные в Мулен-Изер в прошлом году.

Межрегиональная пенитенциарная дирекция озвучила и другие цифры, связанные с затратами на реконструкцию этого пенитенциарного центра: «300 000 евро будут потрачены на переоборудование комнат свиданий (после побега), 350 000 евро – на реконструкцию крыши, чтобы сделать ее полностью непроницаемой, 250 000 евро – на лифты, 150 000 евро – на спортивный зал, 50 000 евро на реконструкцию корпуса "Б", 750 000 евро – на учебный центр для сотрудников в следственном изоляторе».

Но денег все равно не хватает. Застопорился проект строительства нового корпуса для несовершеннолетних. Работы должны были начаться еще 15 декабря. «Внедрение этого проекта не подвергается сомнению», – уверяют в Межрегиональной пенитенциарной дирекции. Но пока что нет ни графика строительства, ни плана финансирования.

Швейцария: ученики за решеткой

В течение уже 25 лет благотворительная организация *Auxilia Formation* помогает осужденным швейцарских тюрем повышать знания. Более всего востребовано изучение английского и французского языков, но заключенные также учатся, как «жить на свободе».

«Открыть одну школу означает закрыть одну тюрьму». Эта фраза Виктора Гюго могла бы в некоторой степени служить девизом организации *Auxilia Formation*. Учителя-добровольцы, члены этой организации, работающие в тюрьмах, убеждены, что обучение в тюремной среде является фактором предупреждения рецидива и важным средством содействия возвращению заключенных в общество.

С этим мнением согласен и Поль Лоосли, директор региональной тюрьмы Тун (Берн), для которого обучение в тюрьме «является непосредственным вкладом в достижение одной из основных функций нашего уголовного права: предупреждение новых преступлений и ресоциализация заключенных».

Хелен Кремер, президент организации *Auxilia*, – опытный педагог, она 25 лет проработала в Японии. По ее мнению, «идея, что можно искоренить преступность, является плодом воображения».

Но, послушав рассказы о работе возглавляемой ею организации, которой в этом году исполняется 25 лет, сразу же возникает ощущение, что обучение в тюрьмах в целом может принести обществу только пользу.

Тюремное обучение является относительно новой идеей. В Швейцарии, в которой имеется 124 тюремных учреждения, в которых в 2010 году содержалось 6181 заключенных (94,2% – мужчины, 69,7% – иностранцы), потребности в обучении остаются высокими.

Это в большой степени относится к следственным тюрьмам, где работа организации особенно приветствуется.

В тюрьме Шан-Доллон (Женева) *Auxilia* организует заочные курсы (английский язык, математика), а три преподавателя-добровольца раз в неделю проводят индивидуальные занятия с 9 заключенными по изучению французского языка и математики.

Как говорит Жан-Пьер Метроз, один из преподавателей-добровольцев, ученики, как правило, всегда очень благодарны, а учиться для них – это один из способов «сохранить свое достоинство».

Но спрос на обучение далеко не удовлетворен. И несмотря на то, что в Шан-Доллоне на постоянной основе ежедневно работают два преподавателя, чья деятельность оплачивается государством, около 80 заключенных, которые хотели бы учиться, находятся в «листе ожидания».

Жан-Пьер Метроз, однако, удовлетворен тем фактом, что, несмотря на большие проблемы, существующие в Шан-Доллоне (540 заключенных на 270 мест; 90% – иностранцы), атмосфера здесь кажется относительно спокойной. А уважение со стороны заключенных (никакого «тыканья»!) – вообще безгранично.

Проще говоря, со своими тридцатью преподавателями-добровольцами *Auxilia* является лишь дополнительным игроком в этом секторе, и – парадоксально – если ситуация в швейцарских тюрьмах станет лучше, то организации нечего там будет делать.

Именно это подчеркивает Андре Кюн, профессор криминологии Лозаннского университета. Он считает, что «различные ассоциации вроде *Auxilia* выполняют огромную и незаменимую работу. Но в идеальной системе им нет места, потому что забота о заключенных (включая и образовательный аспект) должна осуществляться исключительно государством...».

Швейцарская *Auxilia* (аналогичные организации существуют во Франции, Бельгии и Испании) была основана в 1984 году французской преподавательницей Симоной Пейн, переехавшей затем в Швейцарию. Благодаря случайной встрече с директором тюрьмы Буа-Мерме (кантон Во) Симона Пейн через прессу обратилась к гражданам с просьбой найти добровольцев, готовых учить заключенных. Так и родилась организация *Auxilia*.

Обучать здесь – тяжелая задача, потому что заключенные зачастую почти неграмотны. А кроме того, они еще и сами о себе невысокого мнения. Поэтому преподаватель должен иметь не только безграничное терпение, но и быть большим гуманистом.

Только в 2008 году в 18 швейцарских тюрьмах *Auxilia* провела 216 занятий (из них 13 заочных). Три четверти из них – это языковые уроки (французский и английский языки).

С 1998 года *Auxilia* стала известна в Швейцарии и за границей своими инновационными занятиями, называемыми «подготовка к освобождению». Эти уроки были оценены весьма положительно. Они направлены на то, чтобы помочь заключенным, которые вскоре будут освобождены, представить себе конкретные ситуации, ожидающие их на воле.

Речь идет, например, о том, как и каким образом объяснить потенциальному работодателю те обстоятельства и причины, по которым человек оказался в тюрьме. Не скрывая при этом правду, но и не унижая самого себя.

Auxilia существует на частные пожертвования. В то же время многие кантоны участвуют в финансировании организуемых ею занятий.

Бельгия: борьба с побегами становится эффективной

Всего десяти заключенным удалось сбежать из бельгийских тюрем в 2010 году, тогда как в 2009 году бежало 34 человека.

Если не учитывать происходившие то в одной, то в другой тюрьме забастовки, 2010 год для пенитенциарной системы можно назвать относительно спокойным – по сравнению с предыдущими годами не было зафиксировано ни одного экстраординарного побега, подобных тем, которые произошли в 2009 году: один побег был совершен с помощью вертолета, а другой – с помощью веревочной лестницы.

Ничего подобного в 2010 году не было, пенитенциарная администрация зарегистрировала лишь 10 побегов, и только три из них были совершены непосредственно из тюрем. Остальные же побеги произошли во время этапирования заключенных в больницу, во дворец правосудия и т. д.

Таким образом, количество побегов сократилось более чем в три раза.

О таком снижении с гордостью заявил Лоран Семпо, официальный представитель дирекции пенитенциарной администрации. Это снижение он объяснил введением в действие плана по обеспечению безопасности, который был разработан и принят в 2009 году.

«Мы провели ряд необходимых мероприятий, направленных на предотвращение побегов. Особенно хотелось бы отметить, что были разработаны и доведены до сведения не только руководства тюрем, но и сотрудников, непосредственно работающих с заключенными, четкие и ясные инструкции, указывающие, что они должны быть особенно бдительными в том, что касается побегов. Все эти меры позволили предотвратить целую серию попыток совершить побег», – заявил Лоран Семпо.

Пилотный эксперимент, начатый в 2010 году и касающийся борьбы с повсеместным и незаконным использованием заключенными GSM (мобильных телефонов. – *Сост.*), также внесет свой вклад в снижение числа побегов. И этот эксперимент, как показывают результаты, уже приносит свои плоды.

Таким образом, все эти меры привели к тому, что заключенным стало гораздо тяжелее не только «наострить лыжи», но и соблюсти секретность при подготовке к побегу.

«Не исключено также, что часть планировавших сбежать заключенных отказались от своих попыток, видя, что другие потерпели в этом деле неудачу, а также из-за того, что подавляющее большинство сбежавших были пойманы и возвращены в тюрьмы», – добавил Лоран Семпо.

США: розовые трусы от шерифа Арпайо

«Хотите посетить мою тюрьму?»

По правде говоря – нет, такого желания сегодня мы не испытывали. Мы приехали в Аризону, чтобы подготовить репортаж об иммиграции, о печально знаменитом законе SB- 1070, который по-прежнему применяется и вызывает множество нареканий.

Но шериф Джо Арпайо настолько горд своей репутацией «самого крутого шерифа Америки», доставляющего своим подопечным заключенным кучу неприятностей, что мы быстро соглашаемся. В своем офисе, находящемся в центре города Феникса (столица штата Аризона. – *Сост.*), шериф повесил огромное деревянное панно, рекламирующее его тюрьму, состоящую из палаток. «Тяжелая работа, короткие волосы, питание на 35 центов в день (примерно 10 рублей. – *Сост.*), ниж-

нее белье розового цвета... Никаких сигарет, никаких фильмов, никакого кофе, никаких журналов с симпатичными девчонками».

«Не хотите проводить свое время так, не совершайте преступлений», – написано на плакате. А чуть выше этого лозунга – объявление: «Есть свободные места», означающее, что в тюрьме шерифа Джо всегда найдется местечко для тех, кто нарушает законы.

На входе в *Tent City* – «палаточную тюрьму» шерифа Джо – нас встречает молодой охранник. Офицер Голдман, не пожелавший назвать свое имя, предупреждает: «То, что вы увидите, – уникально. Ни в одном другом штате не осмелились построить подобную тюрьму». Поначалу все кажется обычным: решетки и колючая проволока, раздвижные двери, которые открываются только по команде охранника, отданной по радиосвязи... А потом – шок: сотня заключенных во дворе, который одновременно является и спальней, все в полосатых костюмах и в розовом нижнем белье (розовое все – носки, трусы, майки, полотенца).

Это розовое нижнее белье – еще одно в ряду других «великих» изобретений шерифа Арпайо, которые принесли ему славу на все Соединенные штаты Америки.

«Как и все, что я делаю, этому есть официальные и неофициальные причины, – объясняет шериф. – Официальная причина – если нижнее белье белое, то заключенные любят надевать на себя два или три комплекта сразу и ходить так вплоть до своего освобождения. Ну а неофициальная причина – они ненавидят розовый цвет...»

Джо Арпайо и не скрывает, что ему нравится унижать или даже издеваться над своими заключенными.

«Я им не разрешаю смотреть телевизор, – рассказывает он, – а если и разрешаю, то только сводку погоды, чтобы они знали, как холодно будет завтра... Еще я разрешаю смотреть кулинарные передачи, чтобы они могли видеть все те замечательные блюда, которые им не дают в тюрьме».

«Мы тут постоянно голодные, – кривится один заключенный. – Кормят здесь только два раза в сутки. Утром нам дают по два куска хлеба, кусочек мяса или арахисовое масло и один апельсин. Вечером – что-то типа похлебки. С голоду не умрешь, но есть хочется постоянно».

Заключенных, говорящих на правильном английском, мало (большинство – мексиканцы, осужденные за малозначительные преступления – максимум к одному году лишения свободы). Они предпочитают не жаловаться на условия содержания, опасаясь присутствия сопровождающих нас охранников.

«Что здесь лучше, чем в обычной тюрьме – здесь не находишься сутки напролет в камере», – говорит еще один заключенный, уже бывавший в «классической» тюрьме.

В *Tent City* заключенные страдают от жары, которая здесь в летние месяцы просто изнуряющая (в мае жара доходит до 33 градусов по Цельсию), и от ночного и зимнего холода. Здесь они круглый год живут под открытым небом, их койки от непогоды защищены лишь натянутым брезентом. Но заключенные могут свободно перемещаться по двору или проводить время в помещении столовой, где есть кондиционер.

Ну а розовое белье?

«Ужасно, – признается один заключенный, – все его ненавидят».

«Это женское белье», – добавляет еще один.

А третий рассуждает: «В принципе мы в тюрьме, а здесь много всего, что нам не нравится».

Хотя шериф Арпайо хвалится тем, что заставляет заключенных страдать и что он является самым безжалостным стражем охраны общественного порядка, его переизбирают с 1992 года. И все же в *Tent City* есть и кое-что интересное. Если ты, например, отработал в тюрьме один день, то срок заключения у тебя уменьшается тоже на один день.

«У заключенных вообще-то есть выбор: или отбывать наказание здесь, или отправиться в обычную тюрьму, – объясняет офицер Голдман. – Многие как раз предпочитают отбывать здесь именно потому, что можно сократить срок».

Что касается еды, то, хотя вид у нее не очень аппетитный, зато большое внимание уделяется различным диетам. Подносы с едой снабжены цветными наклейками, которые означают, что здесь, например, блюдо приготовлено не из свиного мяса, а это блюдо – вегетарианское или прокрученное через мясорубку (для тех заключенных, у которых проблемы с зубами и которым трудно жевать). Есть специальные диетические блюда, есть блюда без лактозы...

Что еще более интересно: эта тюрьма, которой так гордится шериф Арпайо, кажется, не имеет последователей. Со времен ее основания в 1993 году формула отбывания наказания «как в *Tent City*» не стала востребованной где-либо еще в США.

Пытки в египетских тюрьмах

В опубликованных свидетельских показаниях осужденные, содержащиеся в тюрьмах, находящихся под контролем египетской армии,

утверждают, что их заставляли раздеваться догола, избивали и подвергали воздействию электрическим током.

Эти заключенные были арестованы во время антиправительственного восстания, буквально накануне дня, предшествовавшего отставке египетского президента Хосни Мубарака, которая произошла 11 февраля.

После свержения Хосни Мубарака армия взяла контроль над страной и пообещала передать власть гражданскому правительству в ближайшие месяцы.

Базирующаяся в Лондоне правозащитная организация Международная амнистия обратилась к армии с просьбой немедленно положить конец пыткам и освободить участников протестных акций, все еще находящихся в заключении.

«Египетские военные власти публично заявили о том, что после многих лет репрессий они намерены создать условия для свободы и демократии, – заявил Малколм Смит, региональный директор «Международной амнистии». – Теперь они обязаны превратить свои слова в действия».

Армия не комментирует утверждения о пытках и не сообщает, сколько протестовавших жителей все еще находится в заключении. Командование армии заявило, что оно рассмотрит просьбы об освобождении заключенных.

28 января египетская армия была призвана попытаться восстановить порядок, в то время как полиция исчезла с городских улиц из-за массовых манифестаций. Пытки со стороны полицейских и других представителей сил правопорядка в течение многих лет являлись распространенной практикой в Египте; обиды, связанные с такого рода злоупотреблениями, способствовали развитию восстания, которое началось 25 января.

Количество недовольных методами, к которым прибегает армия в деле управления страной в переходный период, увеличивается. Группы молодежи и защитников демократии заявили, что до сих пор почти ничего не сделано, чтобы ускорить реформы и чтобы включить гражданское население в процессы принятия решений.

Свидетельства заключенных манифестантов, подвергшихся грубому обращению со стороны военных, многочисленны. 29-летний мужчина рассказал, что 3 февраля он был заключен под стражу в одном из помещений Египетского музея, откуда можно было видеть площадь Тахрир – центр народного протеста.

«Меня называли предателем и иностранным агентом, меня заставили раздеться догола, обыскали все нижнее белье и приказали лечь на пол, лицом в пол», – рассказал этот человек представителю Международной амнистии. «Затем меня избили кнутом и наносили удары ногами по спине и по рукам. Затем меня избили ногами еще раз».

Этот человек, имя которого скрывается из соображений его безопасности, утверждает, что после избиения он был переправлен в другое место, где его подвергали пытке электротоком и угрожали изнасиловать. После этого он был доставлен в военную тюрьму, находящуюся на северо-востоке Каира. Там он был вновь подвергнут избиению. Недели спустя, по словам мужчины, он был внезапно освобожден.

Ливия: четверо убитых, сотни сбежавших

Четверо заключенных, пытавшихся сбежать из тюрьмы Эль-Джедайда, находящейся недалеко от столицы Ливии Триполи, были убиты 18 февраля силами правопорядка. Об этом корреспонденту Франс-пресс сообщил источник в ливийской службе безопасности.

«Заключенные пытались сбежать из тюрьмы Эль-Джедайда, но попытка побега была пресечена охранниками, которые были вынуждены стрелять по заключенным, угрожавшим охранникам расправой», – рассказал анонимный источник, уточнив, что силы правопорядка усилили охрану и контролируют ситуацию в тюрьме.

В тот же день, утром, многочисленные заключенные подняли мятеж в тюрьме города Бенгази и совершили массовый побег. Бенгази является вторым по величине городом Ливии и контролируется противниками режима Муаммара Каддафи.

«В тюрьме Аль-Куифийя произошли массовые беспорядки, и большому числу заключенных удалось сбежать», – рассказал корреспонденту Франс Пресс Рамадан Брики, главный редактор газеты «Курина», издающейся в Бенгази.

Газета «Курина», близкая Сейфу Аль-Исламу, сыну ливийского лидера полковника Муаммара Каддафи, немного позже на своем интернет-сайте уточнила, что число сбежавших заключенных оценивается как «более чем одна тысяча человек».

Как стало известно от того же источника в ливийской службе безопасности, силам правопорядка через некоторое время удалось задержать около 150 сбежавших.

Канада: проблемы с наркотиками в тюрьме города Труа-Ривьер

Комиссия по профзаболеваниям отклонила требование профсоюза охранников исправительной системы об увеличении количества патрулей вокруг тюрьмы города Труа-Ривьер, которые занимаются предотвращением поступления в пенитенциарное учреждение наркотиков. Профсоюз, однако, настаивает на пересмотре этого решения.

В решении, объявленном в начале января 2011 года, комиссия сделала вывод, что поступление наркотиков в исправительное учреждение города Труа-Ривьер вовсе не обязательно может привести к агрессии и нанесению вреда здоровью и безопасности охранников.

Административный судья Мартен Расин также отметил в своем решении, что агрессивность и насилие в тюремной среде далеко не всегда проистекают из-за употребления наркотиков и что представленные доказательства того, что агрессивное поведение заключенных всегда связано с приемом наркотиков и влияет на здоровье и безопасность охранников, не находят подтверждения.

«Мы разочарованы, потому что мы считаем, что здоровье и безопасность сотрудников являются приоритетными в местах службы, подобных этому. Все, что мы хотим, – предупредить возможность агрессии в отношении охранников. Кстати, такие случаи уже были», – говорит Стефан Лемэр, президент профсоюза охранников исправительной системы.

Г-н Лемэр признает, что дирекция пенитенциарного учреждения уже отреагировала на эту ситуацию. Предусмотрено, что будут внесены определенные улучшения в работу с тем, чтобы снизить возможность проникновения в учреждение наркотических препаратов.

В частности, предусмотрено установить в непосредственной близости от забора заградительные сетки, подобные тем, что используются около полей для игры в гольф, которые будут препятствовать перебросу наркотиков через забор.

Дирекция учреждения также намерена выкупить лесистый участок земли, располагающийся в непосредственной близости от учреждения, и вырубить на нем деревья, чтобы улучшить обзор. Руководитель профсоюза, считая эти меры весьма похвальными, тем не менее сомневается в их эффективности.

«Все это, конечно, улучшает ситуацию. Вопрос лишь в том – в какой степени. Заградительные сетки – это новинка. Такого еще не было. Прямо сейчас нельзя сказать, насколько это будет эффективно. Но мы полагали раньше и полагаем сейчас, что дополнительный

патруль, без сомнения, даст положительный эффект», – абсолютно уверен г-н Лемэр.

Основываясь на рекомендациях адвокатов, г-н Лемэр считает, что профсоюз обязательно будет обжаловать принятое комиссией решение.

«Закон должен носить социальный характер и быть направленным на предотвращение насилия в отношении охранников. А в принятом решении нам как бы говорят, что охранник непременно должен попасть в больницу. Мне кажется, что лучше предупредить правонарушение, чем потом лечить человека», – заключает г-н Лемэр.

Рекордное число заключенных в бельгийских тюрьмах

В последний уик-энд численность заключенных, находящихся в бельгийских тюрьмах, превысила 11 000 человек. Как сообщил Лоран Семпо, официальный представитель генеральной дирекции пенитенциарной администрации, это означает новый рекорд. «Впервые в истории мы достигли такой численности», – заявил он в интервью газете *De Morgen*. Всего же бельгийские тюрьмы располагают 9179 местами.

18 февраля в бельгийских тюрьмах содержалось 10 974 человека, и за последующие два выходных дня к ним добавилось еще 70 заключенных. В настоящее время особое напряжение с размещением ощущается в следственных изоляторах. Например, следственная тюрьма города Форест располагает лишь 400 местами, тогда как здесь находятся под стражей 679 заключенных.

Г-н Семпо утверждает, что дважды в течение года случаются периоды, когда численность заключенных резко возрастает. Следующий такой пик, как предполагается, произойдет в сентябре.

Подавший прошение об отставке министр юстиции Стефан Деклерк уделяет большое внимание планам правительства по строительству новых тюрем и утверждает, что, не смотря на текущие трудности, эти планы претворяются в жизнь.

«На данный момент ситуация очень тяжелая, и возможны различные инциденты, – предупреждает сенатор Мартина Тельман. – Еще более осложняет ситуацию то, что вся тюремная инфраструктура отнесится к XIX веку».

Франция: у сотрудницы тюрьмы нервы постоянно напряжены

Равенство, смешанный состав... Последние преграды в ряде профессий рухнули для представительниц «слабого пола». Кто же они эти

дамы, выполняющие работу, которая в принципе как бы зарезервирована за мужчинами?

За стенами следственного изолятора города Блуа (Франция) сорок сотрудников, двенадцать из которых женщины, обеспечивают функционирование этого пенитенциарного учреждения.

Софи, мать семейства, мужественно носит форму надзирательницы.

«Я окончила университет, вырастила детей и только потом подала заявление о приеме на работу. Я сдала несколько конкурсных экзаменов и выбрала работу в пенитенциарной администрации».

Назначенная на должность в 2005 году, Софи начала свою карьеру в учреждении, предназначенном для «долгосрочников». Немного позже ее перевели в Блуа.

Ее работа проходит в непосредственной близости от заключенных. Она открывает и закрывает камеры тюрьмы, в которой содержатся исключительно мужчины.

С утра ее первая задача – проверить численность заключенных и их физическое состояние. Весь рабочий день посвящен обслуживанию заключенных: раздать пищу, сопровождать на свидания, на встречи с адвокатами, на спортивные мероприятия.

«Заключенные мужчины иногда стараются нас обмануть. Мы к этому готовы. Для женщины главное – вовремя показать, что она готова применить властные полномочия. Нужно уметь заставить себя слушать. А наша женская чувствительность не должна при этом проявляться».

В помещениях, где содержатся заключенные, надзирательница никогда не ходит одна; конфликтные ситуации возникают постоянно.

«Конфликт может возникнуть из ничего. Мы должны быть готовы ко всему и уметь управлять ситуацией».

В этой «игре» нервы подвергаются постоянному испытанию. Психологически надзирательница всегда мобилизована, чтобы противостоять вербальной агрессии, различным провокациям, угрозам или неприличным жестам. Тем более что подавляющее большинство заключенных не любит и не считает для себя возможным подчиняться женщине.

Софи не чуждо человеческое сострадание, и она надеется, что ей удастся привить заключенным человеческие ценности.

«Я прекрасно понимаю, что моя работа постоянно связана со стрессом и различными рискованными ситуациями, но мне нравится моя профессия. В глубине души я всем им хочу помочь. И я радуюсь, когда встречаю на улице бывшего заключенного, которому удалось reintegrироваться в общество».

Ежедневно Софи с твердостью, но и с достоинством, несет бремя этой профессии, в которой постоянное напряжение является верным спутником.

Канада: министр отвергает результаты исследования преступности

Федеральный министр общественной безопасности Канады Вик Тоуз недооценивает важность нового аналитического отчета, критикующего политику, проводимую правительством и касающуюся увеличения числа тюрем. Согласно выводам этого исследования, правительство вовсе не собирается снижать уровень преступности.

Адвокат-криминалист из Торонто Эдвард Гринспен и криминолог из Университета города Торонто Энтони Доб 22 февраля опубликовали отчет, озаглавленный «Сделайте расчеты: уровень преступности снижается».

Это исследование основывается на данных Федерального агентства статистики Канады, из которых следует, что число преступлений насильственного характера снижается начиная с 2000 года. Прошлым летом Федеральное агентство указало, что количество убийств, нападений при отягчающих обстоятельствах, агрессивных сексуального характера и краж начиная с 2009 года постоянно уменьшается.

Правительство Стивена Харпера рассчитывает израсходовать миллиарды долларов, проводя более жесткую политику в том, что касается лишения свободы. Этот вопрос может стать очень важным на следующих выборах. Меры, предлагаемые правительством, предусматривают огромные расходы для провинций, которые уже борются с переполненностью тюрем.

По словам г-на Тоуза, уровень преступности не имеет ничего общего с конкретным опасным преступником, который будет разгуливать по улицам. Министр добавил, что правительство сосредоточит свои усилия на том, чтобы засадить за решетку тех лиц, которые представляют опасность для общества.

Г-н Тоуз также заявил, что снижается вовсе не уровень преступности, а скорее количество заявлений.

Консерваторы обращают внимание на увеличение отдельных видов преступлений насильственного характера – покушений на убийство, вымогательств, преступлений совершенных с помощью огнестрельного оружия, налетов.

Замечания министра являются откликом на спорное критическое исследование, опубликованное в этом месяце, о том, как Федераль-

ное агентство статистики Канады компилирует свои данные. Этот отчет, заказанный Институтом Макдональда-Лорье и выполненный Скоттом Ньюарком, ранее работавшим советником в правительстве Харпера, был резко раскритикован криминологами, посчитавшими, что в угоду политике в нем были сильно искажены данные юридической статистики.

«Навязывание более суровых наказаний и увеличение количества заключенных в тюрьмах не поможет снижению преступности», – заявил 22 февраля криминолог Доб.

Тюрьма вчера и сегодня (рассказ французского заключенного)

40-летний Пьер на себе испытал, каково оно – отбывать наказание в совершенно новой тюрьме в городе Нанси. Такую же собираются построить в городе Люттербахе.

После того как какое-то время Пьер отбывал свое наказание в небольшой и ветхой тюрьме в городе Кольмар, он был переведен в суперсовременный пенитенциарный центр, расположенный в городе Нанси-Максевиль, сданный в эксплуатацию в июне 2009 года и характеризующийся как идеальная тюрьма нового поколения. Проект тюрьмы в Люттербахе, подвергаемый критике со стороны различных организаций, занимающихся ресоциализацией, такой же, как в Нанси-Максевиль, и рассчитан на 700 заключенных.

«Когда меня этапировали из Кольмара в Нанси, я потерял все, – рассказывает Пьер. – У меня хроническая болезнь, и я перестал получать правильное лечение. Регулярные свидания из-за отдаленности тюрьмы прекратились... И хотя условия содержания в новой тюрьме соответствуют нормам в материальном плане (индивидуальные камеры размером 9 кв. м, с туалетом и душем), жизнь здесь более тяжелая, чем в небольших тюрьмах, типа той, что в Кольмаре.

Тем не менее Пьер рассматривает себя как лицо привилегированное, потому что он имел возможность каждое утро ходить на работу в мастерскую. Эта работа давала ему возможность получать немного денег, на которые он мог «подкормиться». Во второй половине дня он учился в классе.

Ежедневная жизнь в отделениях для заключенных полна стрессов.

«Все похоже на подземную автостоянку – этот узкий коридор, освещенный неоновыми лампами. В каждый коридор выходят двери из пятидесяти камер. Это очень тяжело. Днем заключенные там перемещаются свободно. Охранник всего один на 60 человек, но видео-

камеры кругом. Нет никакой возможности остаться наедине с самим собой – постоянный шум и напряжение».

Здесь отсутствуют человеческие отношения, и тюрьму Пьер характеризует словом «завод».

«Это настоящие джунгли, днем и ночью. Чтобы справиться, я старался, если это возможно, вообще не выходить из камеры. Я принимал транквилизаторы, а вечером, чтобы заснуть, снотворное».

У охранников мало полномочий, и они с трудом могут исполнить просьбы заключенных. Они и между собой мало общаются – все заменяют камеры видеонаблюдения, расположенные на всех этажах.

«Меня этапировали в Нанси под предлогом того, что здесь, в городской больнице, имеется отделение, в которое при необходимости на лечение принимают заключенных. Но на самом деле в новой тюрьме я получал гораздо худший медицинский уход, так как все было очень сложно в административном плане».

В тюрьме Нанси очень сложно предпринять что бы то ни было.

«Чтобы попасть на прием к врачу, надо отправить заявление. Когда у меня случилось недомогание, я должен был обратиться к старшему надзирателю, описать, в чем заключается недомогание, и только потом меня принял врач... Здесь только два процедурных кабинета на 600 заключенных и врачи могут лечить только тех, кто нуждается в неотложной помощи и у кого сильные проблемы с наркоманией... Я был вынужден выправить себе сертификат, разрешающий в чрезвычайных ситуациях связаться с кабинетом моего врача-специалиста по телефону».

Еще одна проблема: трудности с доступом на спортивную площадку и в спортивный зал по причине отсутствия свободных «окон» во времени; эти спортивные объекты предназначены для всех категорий заключенных (подследственных, осужденных, женщин, несовершеннолетних), которые не должны пересекаться между собой. Время ожидания встречи с консультантом по ресоциализации и пробации также сильно затянуто.

Наконец, эта «тюрьма-завод» доставляет массу неудобств родственникам, прибывающим на свидания с заключенными.

Единственный положительный момент: Пьер смог провести довольно много времени со своей матерью в жилом блоке (маленькая квартира, предназначенная для свиданий с семьями). Таких жилых блоков в старых тюрьмах нет.

Но современные здания и имеющийся комфорт в камерах совершенно не компенсируют того, что заключенные имеют в менее ультра-модерновых учреждениях: возможность иметь отношения с людьми.

«Да, все это, – считает бывший заключенный тюрьмы Нанси, – отражает модернизацию, но вовсе не гуманизацию... Ресоциализация может происходить, только если имеются контакты с другими лицами. В Нанси создана такая тюрьма, чтобы сэкономить на персонале, надзиратели заменяются на целую систему знаковых и звуковых сигналов, установленных у каждой двери. Ощущение как будто бы тебя посадили в клетку... Многие чувствуют себя сломанными такой структурой. Им будет еще труднее реинтегрироваться в общество».

Составил и перевел с французского Юрий Александров

Основная тема нашего номера – пересмотр в порядке надзора приговора суда, вступившего в законную силу.

Тем, кто говорит о несовершенстве российского уголовно-процессуального надзорного законодательства, хочу напомнить: в УПК РФ надзорное обжалование хотя бы не ограничено никаким сроком в отличие от гражданского процесса, где уже через 6 месяцев после вступления судебного решения в законную силу можно «сушить

весла» и ложиться на печку. И тем не менее при российском уровне коррупции, разгильдяйства, пренебрежения к чужому благополучию, счастью и свободе количество судебных ошибок просто не может не зашкаливать за 5–10% (а некоторые исследователи, не без ссылки на конкретные исследования, говорят и про 15–25%). Тем не менее количество приговоров, пересмотренных в порядке надзора, не превышает 1%. Российские надзорные инстанции крайне вяло и неохотно используют свои возможности по исправлению судебной ошибки и восстановлению разрушенной справедливости.

В этом номере мы постараемся дать практические рекомендации осужденным, их защитникам, родственникам, работникам УИС, сотрудникам правозащитных организаций о том, как действовать, чтобы хоть немного повысить шансы на успех при надзорном обжаловании приговора.

<...>

Андрей Бабушкин, руководитель правозащитной организации «Комитет за гражданские права», главный редактор альманаха РТЖ

Коллективная жалоба заключенных ИК-1

«Мы совершили в своей жизни ошибки, глубоко об этом сожалеем и отбываем за содеянное наказание, установленное приговором суда. Однако считаем, что имеем право на уважение личности, на жизнь и здоровье, на заработную плату в соответствии с действующим трудовым законодательством и на передачи от родственников...»

В «Союз заключенных» поступила коллективная жалоба от осужденных, отбывающих наказание в ИК-1 (Республика Коми). Под жалобой подписались 12 человек. Они указывают на неадекватное поведение сотрудников учреждения, несправедливую оплату своего труда, суровые наказания за жалобы и др.

Мы, Канев Е.Г., Дмитриев М.М., Сназин С.Н., Журавлёв Р.О., Козлов М.Н., Санталов В.А., Тишин Н.А., Уляшов С.В., Лихачёв М.В., Кондрашов И.Н., Попов Н.А., Михеев С.В., отбываем наказания по приговорам суда в ФБУ ИК-1 УФСИН России по Республике Коми, место нахождения учреждения: 167000 Республика Коми, г. Сыктывкар, поселок Верхний Чов. Начальник учреждения – полковник внутренней службы Набиев Г.З.

Примерно в течение четырех-пяти месяцев в нашем учреждении творится произвол администрации. Это выражается в том, что запрещены к передаче в посылках сахар, газеты, журналы, книги. Очень часто администрация учреждения производит обыски, при которых все вещи заключенных вытаскиваются из сумок на пол, топчутся. Некоторые нужные вещи после таких обысков пропадают.

Заключенные в нашем учреждении работают по 13 часов в сутки. Получают заработную плату в размере 50–70 рублей в месяц. Из на-

шей заработной платы производятся всякие удержания, законными которые не назовешь.

Еда в учреждении, которой нас кормят, даже на грамм не соответствует установленным нормам, питательности и калорийности. Почти все из нас по причине употребления такой еды получили заболевания желудочно-кишечного тракта. Тот, кто приговорен на долгие годы отбывания наказания, получая регулярно такую еду, рискует не выйти живым на свободу вообще.

Питание осужденных улучшается только в дни приезда всевозможных проверок и комиссий. В эти дни дают еду, которую можно есть. Как только комиссии и проверки уезжают, все встает на свои места.

Такое поведение сотрудников администрации учреждения вызвано тем, что некоторые заключенные написали жалобы на нарушение своих прав со стороны сотрудников администрации учреждения. А непосредственно авторов жалоб сразу избили и посадили в карцер. Их заставляют написать, что они от жалобы отказываются, применяя при этом незаконные методы воздействия: необоснованное заключение в карцер, лишение посылок, нанесение побоев и др.

Одного заключенного избили так, что сломали ему руку, о чем также было написано заявление. Заявителей тут же избили и посадили в карцер.

После жалоб осужденных к нам в учреждение 12.03.2011 г. приехала уполномоченный по правам человека в Республике Коми Завьялова Людмила Васильевна.

После опросов и проверки Завьялова Л.В. отдала все материалы начальнику учреждения, и сразу же все недовольные произволом администрации, авторы жалоб были избиты и помещены в уже ставший традиционным для несогласных карцер.

Мы совершили в своей жизни ошибки, глубоко об этом сожалеем и отбываем за содеянное наказание, установленное приговором суда. Однако считаем, что имеем право на уважение личности, на жизнь и здоровье, на заработную плату в соответствии с действующим трудовым законодательством и на передачи от родственников.

Целью любого наказания является перевоспитание осужденного, переосмысление его жизненной позиции в сторону полезности для общества и государства. Но те методы, которыми это перевоспитание вдалбливается в наши хрупкие, отощавшие тела дубинками сотрудников администрации учреждения, побуждают в заключенных только ненависть и злобу. Такие чувства явно не способствуют исправлению.

Статья 2 Конституции РФ гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

А в нашем учреждении государство в лице сотрудников администрации всячески попирает эту конституционную норму, имеющую, к стати сказать, прямое действие (**ч. 1 ст. 15 Конституции РФ**).

Согласно **ч. 1 ст. 21 Конституции РФ**, достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

А в порядке **ч. 2 той же статьи**, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Статья 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, основные права осужденных, устанавливает:

1. Осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания. Администрация учреждения или органа, исполняющего наказания, обязана предоставить осужденным указанную информацию, а также знакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказаний.

2. Осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона.

(в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 161-ФЗ)

3. Осужденные независимо от их согласия не могут быть подвергнуты медицинским, научным или иным опытам, связанным с испытанием лекарственных средств, новых методов диагностики, профилактики и лечения заболеваний, а также проведением биомедицинских исследований.

(часть третья в ред. Федерального закона от 19.07.2009 № 191-ФЗ)

4. Осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания (далее – вышестоящие органы), суд, органы прокуратуры, органы государственной власти и органы местного самоуправления, общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

(в ред. Федерального закона от 01.07.2010 № 132-ФЗ)

5. Осужденные – граждане Российской Федерации дают объяснения, ведут переписку, а также обращаются с указанными в части четвертой настоящей статьи предложениями, заявлениями и жалобами на государственном языке Российской Федерации либо по их желанию на государственном языке субъекта Российской Федерации по месту отбывания наказания. Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства вправе давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с указанными в части четвертой настоящей статьи предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы осужденным даются на языке обращения. При отсутствии возможности дать ответ на языке обращения он дается на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением или органом, исполняющим наказания.

6. Осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения.

6.1. Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия.

(часть 6.1 введена Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ)

7. Осужденные имеют право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

(в ред. Федерального закона от 09.03.2001 № 25-ФЗ)

8. Для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи.

9. Осужденные к аресту или лишению свободы – иностранные граждане имеют право поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а граждане государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, – с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных.

(в ред. Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ)

10. Порядок осуществления прав осужденных устанавливается настоящим Кодексом, а также иными нормативными правовыми актами.

11. При осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, а также ущемляться права и законные интересы других лиц.

Уважаемые государственные чиновники всех рангов, зачем принимать тогда такие правильные законы, если каждый из пунктов указанной статьи, относящийся к нам, презрительно попирается! Где же вы их набираете, этих неуравновешенных, самолюбивых, корыстолюбивых исполнителей наказаний, которым в пору занять место рядом с нами на нарах лет на двадцать! Вот и сейчас, попросив юриста составить настоящую жалобу, мы ждем очередных побоев, оскорблений и карцера, который обязательно будет в нашей жизни после того, как о настоящей жалобе узнает администрация учреждения. Но, несмотря на это, мы не пишем нашу жалобу инкогнито. **Мы открыто указываем в ней свои имена.**

Мы понимаем, что тюрьма не курорт, что мы все когда-то совершили преступление (признаем себя виновными или нет – сейчас не важно). Но ведь нас не приговаривали к лишению здоровья или жизни, к уничтожению в нас личности. А по прошествии некоторого времени таких репрессий со стороны администрации учреждения мы не знаем, кто из нас дождется свободы, а дождавшись ее, каким он выйдет из этих стен.

Этой жалобой мы не просим уменьшить нам сроки наказания или признать нас невиновными или еще что-то в таком духе. Эта жалоба – крик души осужденных, призывающих соблюдать закон тех, кто его написал, тех, кто его применил, и тех, кто его исполняет. Хочется верить, что мы живем в правовом государстве.

В настоящей жалобе мы указали только на самые вопиющие нарушения наших прав со стороны сотрудников администрации учреждения. На менее значительные уже никто из осужденных не обращает внимание.

С уважением и надеждой на законность и справедливость, осужденные:

1. Дмитриев Михаил Михайлович, 6 отр.
2. Сназин Сергей Николаевич, 7 отр.
3. Журавлёв Роман Олегович, 6 отр.
4. Козлов Михаил Николаевич, 6 отр.
5. Санталов Владимир Александрович, 7 отр.
6. Тишин Николай Александрович, 6 отр.
7. Уляшов Сергей Викторович, 9 отр.
8. Лихачёв Михаил Васильевич, 7 отр.
9. Кондрашов Игорь Николаевич, 6 отр.
10. Попов Николай Анатольевич, 6 отр.
11. Михеев Сергей Викторович, 7 отр.

России не нужна «Спарта по-астрахански»

Волонтер Санкт-Петербургской Гражданской комиссии по правам человека провел одиночный пикет недалеко от Городского психоневрологического диспансера со стационаром № 7. На пикете были розданы листовки Комиссии.

Волонтер протестовал против нарушений прав человека, существующих в психиатрических учреждениях. Одной из важнейших проблем является постановка необоснованных психиатрических диагнозов детям-сиротам, проживающим в различного рода российских сиротских учреждениях, помещение их в психиатрические больницы в наказание за плохое поведение.

20 марта 2011 года «Ольга и волонтеры» из Астрахани на блоге опубликовали запись под названием «Оппозиционно настроенная мать – Спарта по-астрахански»¹.

В записи рассказывается о происходящем в Разночиновском психоневрологическом интернате для умственно-отсталых детей (Астраханская область). В нем проживает 250 детей. В интернате находится множество тяжелых, лежащих, слепых, глухих и парализованных детей. В палатах стоят по 10–20 кроватей, а то и больше. Лежащих детей кормят, смешав первое и второе или через зонды.

Особая проблема – отсутствие обучения детей, которых считают «необучаемыми». На блоге приведена история о девочке Кристине, которую волонтеры спасли. Вот что написано о ней в блоге: «Слепая девочка попала в Разночиновку и за несколько недель превратилась в

скелет, обтянутый кожей, лежащий в кровати, отказывающийся от еды и попросту умирающий. Наши волонтеры увидели ее в таком состоянии, подняли шум, и ребенок был срочно доставлен в больницу и спасен. Сейчас Кристина живет в другом интернате. Необучаемый и ранее лежащий ребенок ходит, занимается с педагогами и радуется жизни...»

Блоггер информирует и о других детях: «Волонтеры вытащили из Разночиновки еще одну почти слепую малышку – Олесю. В Разночиновке она была “необучаема”, а сейчас живет в интернате в Сергиевом Посаде. Занимается, обожает петь, посещает храм, общается с множеством людей. Ее педагоги признаются, что Олесю ждет длительная адаптация к жизни после Разночиновки... Глухонемым детям тут тоже не положены учителя. В старшей группе есть девочка Лариса. Она глухонемая, но активная, живая и вездесущая. Ее никто никогда не учил ни азбуке, ни языку жестов. Но она придумала свои жесты. Когда я приезжаю, мы садимся рядом, обнимаемся и разговариваем... В последние мои приезды Лариса лежала в коридоре на полу и горевала. Мир без звуков и без общения угнетал ее. Она лежала на голом полу, и все просто перешагивали через нее. Вся эта группа, где находится Лариса, это мои любимые девочки, они все необучаемые. В группе нет ни одного педагога... Если сказать необучаемым девочкам, что я могу передать шефам привет и письма от них, то они садятся за стол, берут бумагу и пишут письма для своих друзей-волонтеров... Необучаемые пишут... Просто некоторым повезло – кого-то грамоте научили друзья, кто-то лежал в больнице, и ему попалась сердобольная соседка по палате. Для сироты это очень важно – обучаемый ты или нет. Потому что после Разночиновки будет распределение по другим интернатам. Самые “тяжелые” попадут в другие, подобные этому, учреждения. Те же, кто более перспективен, окажется в учреждении, где можно жить по-человечески. Но у руководства Разночиновского детского дома нет цели сделать так, чтобы как можно большему количеству детей обеспечить хорошее будущее...» Следует отметить, что Конституция России гарантирует право на получение образования всем российским детям без исключения.

Блоггер описывает и палату для «тяжелых», но не лежащих и не умеющих разговаривать детей. Там кто-то лежит на полу, закутавшись в одеяло, кто-то сидит, раскачиваясь из стороны в сторону. У мальчика Вовы – детский церебральный паралич, он плохо ходит, но обладает хорошим живым умом. Однако это не мешает руководству учреждения держать мальчика в палате, где с ним даже некому поговорить...

¹ <http://mirizka.livejournal.com/5373.html?view=142845#t142845> – по состоянию блога на 31.03.11 г.

Известно, что одна из интернатовских девочек покончила с собой, продолжает автор публикации в блоге. Приводится воспоминание о девочке, которая всю ночь своим телом грела умирающую в палате подругу. Утром проснулась, а подруга уже умерла...

Нужно сказать, что происходящее в интернате Астраханской области – это, увы, проявление старой советской системы, хорошо описанной Александром Августом в автобиографической повести «Каникулы», опубликованной в правозащитном альманахе «Неволя» (№ 21-2010). Там описывались те вопиющие злоупотребления в отношении сирот, которые существовали в психиатрической больнице².

Блоггер требует прокурорских проверок деятельности Разночиновского интерната по изложенным в блоге фактам. К этим требованиям присоединяется волонтер Гражданской комиссии по правам человека Санкт-Петербурга. Мы также полагаем, что России не нужны подобные гигантские психоневрологические интернаты, а нужны небольшие комфортные семейного типа детские дома.

Корпус был нережимный, отделение терапевтическое: дизентерийные, запорные, те, кто уже после психиатра был по-настоящему нездоров даже для туалета и нуждался в помощи медиков. Всех согнали в десять комнатенок, которые пусть с натяжкой, но палатами назвать все-таки было можно – закрываются они лишь на ночь, и даже туалет как в нормальной больнице, отдельно, а не в «палате», как в других корпусах. А тут – два унитаза на сто пятьдесят человек. Рай, куда все рвутся из «лечебных» корпусов.

Но прочие элементы тюрьмы и дурдома присутствуют и смешаны: по коридору разгуливает мент, легко опознаваемый по лампасам на брюках, которые чуть-чуть, но все же предательски выглядывают из-под белого халата.

И точно так же, как в обычной дурке, есть надзорка, на шестнадцать персон, которая по старой дурдомовской традиции может находиться только напротив туалета. Когда оттуда сквозняком заносит запахи, надзорники обычно шутят: «Дышите глубже, Сочи проезжаем!» Замаскированная, но – больница.

Если посмотреть на «План эвакуации людей во время пожара», который висит на стене перед самым входом, то отделение напоминает русскую букву «Г» и делится, стало быть, на две части: длинная ножка – обычная часть, для висельников и «саморезов» средней тяжести, где все передвигаются сами, пусть даже и на одной ноге, как Мишаня, и верхняя, маленькая, часть, где есть несколько боксов для тубиков с открытой формой и «саркофаг», как его в народе называют, для «мумифицированных». Вход на маленькую половину под страхом наказаний и «прессов» запрещен всем пациентам и даже санитарам. Это, можно сказать, секретный объект «спеца». И санитары там уже в принципе не нужны. Только если кого-нибудь выносить потребуется.

² <http://index.org.ru/nevol/2010-21/07-avgust.html> – по состоянию сайта на 31.03.2011 г.

Персонал говорит, будто туда нельзя потому, что можно подхватить ТБЦ. Но в народе слухи ходят, что причина всему – именно «мумифицированные». Если их на той половине нет, то и строгости режима прекращаются.

«Мумифицированные» – это те, у кого длительное время, по году-два, большой передоз в нейролептиках был, и от этого человека парализовало. Бывает, не полностью парализует, а частично, одну половину. Но все равно – это уже «мумия». У персонала есть даже такая страшилка:

– Выступать будешь – на маленькую половину отправят!

А попасть туда страшно: «мумифицирование» уже не лечится, и шансов вырваться со спеца даже в простую, вольную, дурку – ноль! Что, психиатр дурак, что ли, сам себе приговор подписывать?! Поэтому «мумифицированных» активно «лечат», а потом куда-то уносят ночью на носилках накрытых простыней с головой.

Маленькой половины и «саркофага» пациенты боятся.

Вся братва из надзорки столпилась на кроватях в углу, на самых удобных местах, в нетерпении ожидая конца смены: каждая смена несет что-то новое в жизни, иногда эти изменения приятны.

– Маршев! – заглядывает в надзорку медсестра. – Почему на укол не пришел? Это же антибиотик – его нельзя пропускать. Мне через пять минут смену сдавать, ты что думаешь-то?

Боря Маршев, или в миру Борох, шевелится на кровати и неохотно пихает ноги в шлепанцы.

– От этой заразы зад болит так же, как от аминазина, – бубнит он себе под нос. – И слабость такая же. Понт-то какой от этого лечения? – но плетется к выходу из палаты.

– А резаться не нужно было и вскрывать животы, тогда бы и антибиотики не кололи, – бросает ему вслед санитар.

Он устал за смену, ему все это до чертиков надоело: следить за «саморезами» и «недоделанными самоубийцами». Водить их на перевязки. И все это для того, чтобы он снова «вскрылся» через месяц-два. Он слышит каждую смену весь этот бесконечный треп симулянтов.

Лечился бы на лечебном корпусе, чего сюда-то рвался? Чего там галоперидола и аминазина не было?

И, оторвавшись от газеты, санитар скидывает ноги со спинки кровати – «шлагбаум» открыт.

Вслух ответить санитару нельзя, за это и в терапевтическом отделении могут «под молотки пустить», поэтому Борох недовольно ворчит себе под нос, что, мол, попробовал бы сам-то галоперидола или

аминазина – не порезался бы, а повесился. И «не для понта, а по-настоящему». И исчезает с медсестрой в коридоре.

Боря в отделении личность легендарная, его знает весь персонал как злого «самореза». После того как его пытались лечить ЭСТ, Борох напуган, он вскрывается, режется и поджигает себя с регулярностью, которая пугает даже психиатров: его не задерживают ни в одном отделении и кидают, словно футбольный мяч, по всей дурке. Такого «самореза» не хочет иметь в своем отделении никто! А быть отправленным за очередное харакири в «электроцех» на ЭСТ он сам боится! Чуть-чуть поправят здоровье и подключат провода к башке. А потом будет поздно. И у него без всяких перерывов идет один суицид за другим. Лечиться дальше Борох не желает ни за какие коврижки!

– Да лучше сдохнуть, чем идиотом быть, – говорит он.

– Но кто же тебя такого выпишет? – вразумляет его на обходе заведующая терапевтического. – Это же не тюрьма, тут срока нет – будут лечить, пока не прекратишь все это. Пока не вылечат.

– А зачем такая свобода – после ЭСТ или двух лет галоперидола? – резонно возражает Борох. – Если ты уже дурак?

Начинает шевелится разбуженный этим разговором Мишаня, парень лет двадцати. Он выкидывает из-под одеяла здоровую ногу, и, опершись на спинку кровати обеими руками, ловко, как кузнечик прыгает на одной ноге к двери: что-то ему фальшивые доктора повредили в ноге, когда укол сульфазина на штрафном корпусе ставили, с тех пор правая нога онемела, плохо слушается и сохнуть начала: говорят, иглой в нерв попали. Костыли Мишани не дают.

– Какие костыли в сумасшедшем доме?! Тебе что, на трудотерапии работать? Мешки таскать? Костыли – это оружие! Передвигайся так, на одной ноге, а с костылями любой дурак сможет! – шутит на обходе его лечащий врач.

Мишаня не возражает – куда попрешь-то? Тут прокурору не пожалуешься и не напишешь! И передвигается на одной ноге.

За эту ловкость и умение скакать Мишаню зовут Кузнечиком.

Санитар кидает «шлагбаум» на спинку кровати и опускает на колени газету.

– Куда? – спрашивает он.

– Курнуть, – неосторожно сознается Мишаня, совершив тем самым стратегическую ошибку: «по своим делам» в туалет на терапевтическом выпускают, а курнуть – это уже роскошь.

– Время-то ты знаешь сколько? Уже смена, сейчас считать пойдут, а ты куришь? Терпи! – Он снова упирается взглядом в газету.

Кузнечик прыгает назад, к своей шконке. Говорят же, все в этом мире относительно – где-нибудь «на штрафном» курнуть можно и втихаря, если, конечно, есть что-то припрятанное. А тут, в надзорке, не покуришь.

Сестра приводит назад Бороха и сдает его санитару, и почти сразу заходит новая смена: корпусной начинает считать людей.

– А там кто? – показывает дежурный мент на кровать, стоящую рядом с Ку– зничиком.

На ней лежит кто-то, накрывавшись с головой.

– Ну-ка сдерни с него одеяло! – приказывает он санитару.

Санитар, ухватившись за угол одеяла рукой, тянет его на себя.

Из-под одеяла, щурясь на свет и протирая пальцами заспанные глаза, появляется Геббельс. Он точь-в-точь как его настоящий тезка – такой же худой и маленький, но имя свое получил не за рост и внешнее сходство, а за талант убедительно что-нибудь впаривать. Геббельс, если ему это очень нужно, уболтает даже трактор, чтоб тот сам завелся. Иногда приколисты зовут его по имени тезки: Пауль Йозеф.

Геббельс ненавидит санитаров лютой смертью, он тут, в терапевтическом, по их вине: в штрафном корпусе, пока он сутки в укрутке лежал, они ему печень активно сапогами массировали. Так, чтобы синяков не было. Сейчас у Геббельса от той «процедуры» развился цирроз или что-то похожее, и с тех пор у него в голове только планы мести, один страшнее другого. Самая большая мечта Геббельса, которой он поделился однажды под кайфом: встретить бы хоть одну из этих падл где-нибудь в этапке, где законы тюрьмы действуют, а не тюремного дурдома.

– Зубам тесно? – вкрадчиво спрашивает у него санитар. – Или не знаешь, что укрываться с головой не положено? И руки должны лежать на одеяле. Я их, по инструкции, видеть должен. Повторять больше не буду!

На выручку Геббельсу вовремя приходит новая смена санитаров-зюков: у них полчаса разница с ментами.

– Привет, – с порога приветствует пришедший санитар своего коллегу.

Глаза у него раскосые, лицо круглое как луна и имя явно не русское – Абай.

– Абай по-казахски, – с гордостью объяснял он на своей первой смене всей палате – знашит «наблюдательный, предусмотрительный, бдытельный».

– Так тебя, значит, к нам за имя твое направили, – ехидно замечает Геббельс.

Дерзость неслыханная для дурки.

Ростом Абай метра два, может чуть поменьше, и вес соответствующий – за сотку, а силы у него немерено, как у коня.

– Батыр, – издевается у него за спиной Геббельс.

Абай любит демонстрировать свое здоровье и силу.

Все сидят еще в палате минут пять, дожидаясь конца проверки, потом начинают потихоньку, по одному по двое выходить в туалет.

– Ну ты принес? – полушепотом, неразборчиво для постороннего уха, давит из себя Борох.

Заказ Абаю на чай он делал давно и, как это принято, с предоплатой, но до сих пор ничего не получил. Зэки могут покупать чай в магазине, для «сумасшедших» же этот продукт – табу.

Чтобы не нарушать конфиденциальность переговоров и не смущать торгующиеся стороны своим присутствием, Мишаня, словно одноногой кенгуру, прыгает к выходу, сосредоточенно делая вид, что ему срочно туда нужно «по своим делам», хотя все это лишнее: он в курсе всех торговых сделок с Абаем, даже можно сказать в доле: будет чай – Борох его не обойдет.

Абай, не спрашивая, открывает ему дорогу. Сейчас можно его выпустить, не задавая пустых вопросов «зачем?» Сейчас он тут лишний.

Следом тянется Геббельс.

– Ну что? – спрашивает Борох.

– Нэ-э, – с азиатским акцентом говорит Абай. – Нэвозможно. Ныкак. Мэня корпусной вэс смотрит. Куртка снимать заставляла. Штаны тоже. Вэздэ заглядывает. Провэряэт. Патом. Прынэсу позжэ, – с трудом выговаривает он недавно выученное слово. – Следующий смэна. Ти што, мнэ нэ веришь? – и искренне заглядывает Бороху в глаза.

Абай уже третий год работает санитаром, но до сих пор путает падежи и окончания и говорит с казахским акцентом. Его даже пытались принуждать посещать школу, чтобы улучшил свой русский, на что он сказал:

– Моя дэсять классов кончал. Зашем ещо раз? Моя все понимает по-русски.

Правда, у него как-то странно выглядит это понимание: когда ему нужно что-то пропустить мимо ушей по финансовым или другим соображениям, он «не понэзать» и говорит это именно так, с жуткими «э», но если это в его интересах, то не было случая еще, чтобы он что-то недопонял.

– Ты мнэ нэ веришь? – переспрашивает он.

Он явно намеренно провоцирует конфликт: если сейчас Борох скажет «да, не верю», это означает неприкрытую конфронтацию, и тогда Абай за недоверие и обиду, нанесенную «батыру», открытым текстом заявит, что «нычэго нэ получышь» – с санитаря взятки гладки. Жаловаться не пойдешь. И за оскорбленное достоинство начнет потихоньку прессовать всю надзорку. С табаком. С туалетом. С таблетками. «Самы выноваты!» И весь удар на себя примет Борох: вся палата будет на него зла. Тут тонкая политика.

– В следующую так в следующую, – охотно соглашается Борох, сделка-то была частная, а протест расценят как официальный. – Я пойду в туалет, курну.

Абай явно динамил. Быть такого не может – два месяца подряд и все «ныкак». Нужно было посоветоваться без лишних ушей, потому все потянулись потихоньку в туалет.

– По русски без акцента говорить не может, а туда же, с-с-сука, динамит...открывает конференцию Мишаня, заняв с сигаретой самое почетное место – на унитазе.

– Я знал, что этим все кончится! – Геббельсу только дай посудачить о подлостях санитаров. – Ты на харю этого Чингисхана посмотри – пояснять никому ничего не нужно! На ней же написано: тюрьма или дурдом. Аферист. Сыдыт ворона на дуба и клюет своя нога! Вай-вай! – похоже и зло передразнил он. – Зверя надо лечить. Зверь косит: это не акцент! Это дефект речи, – и бросает окурок в ведро.

– Это как – лечить? – не понял мысли Борох, он после ЭСТ тормозит иногда. – За нападение на санитаря казнят. Как Степана Разина. Хорошенько нечего будет.

План рождался быстро, почти на ходу и подсобными средствами.

– Я же сказал – лечить! Не бить же. Это же понятия совсем разные, неужели не понимаешь? Например, к логопеду направление выпишем. Будем лечить, одним словом, – начинает он впаривать Бороху с интонациями и голосом заведующего отделением. Мишаня хихикает.

– А как? – Борох непонимающе пожимает плечами.

– Медикаментозно, как еще? – проясняет свою мысль Геббельс. – Это же больница, а дефект речи современная психиатрия давно уже лечит! – Он хитро смотрит на собеседников и высокомерно поднимет подбородок. – Нужно слабительное искать. Если не поможет, так хоть научит.

Геббельс уже явно что-то замыслил злое и сейчас обдумывает.

– Чего «слабительного»? – подает голос Мишаня. – Где его найдешь-то? Кому назначили – тому действительно нужно, и он не отдаст.

И если искать начнем открыто, заметит кто-нибудь – и сдадут. «Стеналазу» нужно. Этого-то добра сколько хочешь! Даже спрашивать не нужно – в унитаз выкидывают. По углам найдем. Под кроватями.

– А как? – снова тормозит Борох. – Что он совсем на колпаке, что ли, чтобы нейрорептики жрать?

– Да в жратву, – продвигает свою идею Мишаня.

– Не-е, – задумчиво смотрит в угол Геббельс, он уже захвачен идеей. – Стелазин в жратву таблетками не зарядишь – он же пурпурно-синий. И вкус у него подозрительный. Обратит внимание. Капли нужны. А капли, сами знаете, достать невозможно. «Галю» нужно! Кстати, она к тому же кислая: в сметану или простоквашу зарядить – самый раз! И она же белого цвета, под сметану! А сметанки мы у тубиков полстаканчика прикупим? Как? А сколько вообще галоперидола нужно, чтобы человека в узел завязало?

– Меня с колеса завяжет, – говорит Кузнечик.

– Колесо ненадежно: он же здоровый! Батыр! Чабан! – плюется Геббельс. – А самое большое, что могут назначить врачи нам, – пять колес. По пять миллиграмм. Но назначают-то по три раза в день. Или даже по четыре. Стало быть, до ста миллиграммов в день. Но это предел. Значит, – уставившись пустым взглядом в угол, подсчитывает Геббельс, – разовая доза для джигита – десять-пятнадцать колес, то есть пятьдесят – семьдесят пять миллиграмм. Все как в аптеке: мы же его регулярно догонять не сможем! Возможность будет только одна.

– А не сдохнет? – чешет затылок Борох.

– Вряд ли, – с сомнением качает головой Геббельс. – Нам почти такие же дозы назначают годами. Но с непривычки ему будет очень хорошо! Гораздо лучше, чем нам с чая!

– Обдумать все нужно и решить к вечеру. Пошли по шконкам, по одному, не толпой, а то этот сын степей чего-нибудь заподозрит. – И, бросив окурок в помойное ведро, Геббельс первым выходит из туалета.

Заряженную галоперидолом сметану Абай съел в обед с аппетитом и не отказываясь: как известно, на халяву и уксус сладкий. Съев все до последней капли, все ж напоследок посетовал:

– Кислый сметана. И нэмого горький.

Потом долго гонял даунов-уборщиков по этажу и особенно по надзорке, заставляя подбирать каждую пылинку с пола, и под конец уже под вечер, заставил исполнять их русские народные песни, хлопал в ладоши и говорил:

– Вай, хорошо.

Только после этого немного успокоился и присел на стул, стоящий перед входом в палату.

Абай резвился и развлекался в надзорке уже больше восьми часов после «приема медикамента,» и его не брали никакие колеса!

Братва была удивлена таким мужеством и стойкостью.

С точки зрения науки, феномен был необъясним, и все смотрели на это с удивленно раскрытыми ртами: «галя» валит с ног всех. Даже мамонтов и динозавров.

– Я же говорил: двенадцать колес мало! Нужно было двадцать! – зло шипел Геббельс на последнем, перед самым отбоем, перекуре. – Что этому коню от двадцати штук галоперидола будет?! А теперь чего? Уже не добавишь!

– Я бы от такой дозы даже по-пластунски передвигаться не смог, – сознается Мишаня.

– Подождите, подождите, не может такого быть, чтобы вообще без всяких последствий. Двенадцать колес галоперидола – слона должно свалить! Подождите, – успокаивал всех Борох.

– Чэрээ пать минут отбой, – заглянул в туалет Абай.

Но, видимо, это было только вступительное слово к кинофильму. Основные события начали разворачиваться ночью.

Мишаня проснулся от непонятных воющих звуков. Абай ходил по палате туда-сюда, задрал к потолку голову и с высунутым наружу языком, с которого стекала, словно у голодной собаки, слюна, и – так во всяком случае казалось – выл на луну, заглядывавшую сквозь решетки в окна. Мишане в дурке приходилось видеть всякое, но от картины съехавшего с рельс санитары и ему сделалось не по себе и чуть-чуть жутковато.

– Ты чего это? – с отвисшей от удивления челюстью, не сообразив со сна в чем дело, испуганно спросил он.

Абай принялся подвывать и жестикулировать руками, показывая на шею и на вывернутый наружу язык.

Мишаня особой сообразительностью в быту не отличался, но тут быстро въехал что к чему и, чтобы не заржать на всю палату, принялся тормозить за ногу Геббельса.

Внезапно голос у Абая прорезался, и он выдавил из себя, говоря кому-то в потолок и заикаясь:

– Продуло меня на сквозняке. Всю смэну в дверях сыдышь. Может, у сестры чего попросить? Позови ее! – канючит он у Геббельса.

Но язык снова отказывался слушаться его и упрямо лез наружу с такой силой, что разворачивал шею на девяносто градусов.

Абай замолчал и, закрыв глаза, вышагивал перед входом.

Потом сел на стул. Через секунду встал и опять принялся ходить. Через минуту снова сел. Встал. Взял книгу и принялся читать. Но тут же отложил ее и начал опять разгуливать перед входом туда-сюда. Задрал к потолку голову. Вытер рукавом халата текущую изо рта слюну.

Вся проснувшаяся палата молча наблюдала редкое кино: санитары крутило от нейролептиков. И у него явно начиналась непосидуха: это когда, например, человек ну очень-очень хочет есть, у него волчий аппетит, но в последний момент, когда ложка с кашей уже во рту, он вдруг ясно осознает, что все это – бред, ошибка и заблуждение: есть он совсем не хочет! У него вообще нет аппетита. И даже противно ощущать пищу во рту! И выплевывает кашу. Но, выплюнув ее, он тут же сожалеет об этом: он же не может ошибаться – он хочет есть! Очень-очень! У него же волчий аппетит!

Дурдом, одним словом.

– Мошет курнуть? – со слабой надеждой спрашивает у всей палаты Абай. Похоже, он потерял уже все ориентиры, и представление об авторитетах у него стерлось: санитар у больных совета никогда не спросит. Для него пациенты – не люди, а человекообразные.

– Мошет, пройдет? Если курнуть? А я не умру? – вдруг спрашивает он и принимается прощупывать у себя пульс: теперь у него началась «галоперидольная измена» и страх. Такое под «галей» бывает – вдруг наваливается страх и боязнь всего: тебя побьют санитары, не дадут жрать, у тебя остановится сердце! Тогда ужас подстерегает повсюду.

– Да-да, курни, это расслабит! – охотно соглашается Геббельс. – А еще лучше чифирнуть, ну хотя бы купчика выпить: сам знаешь, чай простуду лечит. А от простуды не умирают, ты не расстраивайся.

Геббельс – это хитрая bestия, он знает, что после «галочки» курить вообще нельзя. А пить крепкий чай – тем более. И если Предусмотрительный сейчас закурит или чифирнет – тогда ему кранты: одним домкратом и одной лебедкой от судорог его уже не расправят!

– На вот. – Геббельс предательски тянет ему сигарету. – Последняя, – вздыхает он. – У меня только спичек нет.

Санитар делает три затяжки и кривится:

– Горко. Нэ хошу.

– Тогда нужно заварить, – советует Геббельс. – Покрепче.

– У меня всё в раздевалке, посиди.

Абай бросает пост – неслыханное нарушение! – и минуты через три тащит заварку чая из раздевалки – а говорил «нышего нету»!

Через пятнадцать минут он уже пьет чай, сваренный Геббельсом на газетах в туалете.

Они рады этому оба: Абай тому, что после чая ему сделалось все-таки легче, Геббельс в предвкушении интересного продолжения. Он сидит в углу и пьет честно заработанный чай из кружки Абая.

– Ты, логопед, – ноет Мишаня, – оставь пару глотков!

Спина у Абая то выгибалась в немыслимую дугу, то снова распрямлялась, язык не слушался, и изо рта текла слюна и пена. Он лег отдыхать на пол: видимо, в башке у него произошло короткое замыкание, и она совсем отказала.

Дежурный мент, увидев все это, страшно перепугался и вызвал корпусного, Петровича, мужика лет сорока пяти, который отработал в тюремной дурке полжизни и объяснять ему, что это такое, было не нужно:

– Колес нажрался? – с серьезно-упрекающим видом спросил он у лежащего на полу санитаря. – Ты меня уже достал. После смены пойдешь в кондей. С меня хватит.

И пошел к выходу.

– Петрович! Не бросай меня! Я умираю! – орал Абай на хорошем русском языке, без какого-либо акцента. – У меня паралич! Петро-ович! Убери меня лучше в кондей! Мне страшно здесь с ними! Я боюсь их!

– Я же говорил, что это был не акцент, а дефект речи. Видишь, вылечился? – хитро сощурившись, говорит Геббельс и тут же вздыхает с сожалением: – Но со слабительными, пожалуй, галоперидол был бы еще интересней.

Гражданская комиссия по правам человека в Санкт-Петербурге

cchrspb@mail.ru www.cchr.spb.ru

«Воспитание» детей по-психиатрически: «тормознем» нервную систему...

В Гражданскую комиссию по правам человека Санкт-Петербурга обратился Н.Н. Егоров с жалобой на психиатра, обследовавшего его семилетнего сына Станислава. На предшкольном психиатрическом осмотре врач за «чрезмерную» любознательность поставил Станиславу диагноз «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ) и порекомендовал «тормознуть его нервную систему» препаратом «сонапакс».

Станислав ходил в специальный детский садик из-за того, что он очень живой и подвижный ребенок. Персонал детского сада отнесся к нему с должным вниманием, и Станислав успешно справился с его программой. Он успешно прошел предшкольную медицинскую комиссию, однако из-за посещения коррекционного садика потребовалось и заключение психиатра.

Мать отвела Станислава на прием в амбулаторное отделение Центра восстановительного лечения (ЦВЛ) «Детская психиатрия». В кабинете психиатра Станислав проявил «излишнюю» любознательность – с интересом изучил и потрогал все находящиеся там предметы. При этом, по словам матери, ему никто и не запрещал это делать. Однако, несмотря на то что на все вопросы психиатра ребенок ответил верно, это послужило поводом к постановке ему (с одного осмотра!) диагноза СДВГ. Психиатр сказала, что с таким диагнозом Станислав со школьной программой не справится, предложила коррекционную школу. Также Станиславу был выписан «сонапакс» для того, чтобы «тормознуть его нервную систему».

Вообще-то препарат «сонапакс» применяется для лечения тяжелых психических расстройств, таких как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, абстинентный синдром, выраженное психомоторное возбуждение. Естественно, препарат обладает целым букетом тяжелых побочных эффектов: обмороки, спутанность сознания, психомоторные нарушения, возбуждение, бессонница, галлюцинации, эмоциональные нарушения, нарушение терморегуляции, снижение судорожного порога, нарушение зрения, тошнота, рвота, бронхоспастический синдром, заложенность носа. Наверно, ни одному родителю не придет в голову разрушить физическое и психическое здоровье ребенка лишь для того, чтобы он был менее подвижным. Тем более что подвижность совершенно не мешает Станиславу в полном объеме усваивать необходимые знания.

Родители Станислава, Егоровы Николай и Ольга, считают назначение своему сыну «сонапакса» абсолютно незаконным и необоснованным. Гражданская комиссия по правам человека в этом разделяет их мнение. Данный случай показывает, что, несмотря на обратные утверждения, разрушительный диагноз-ярлык «СДВГ» ставится российским детям и для его лечения используются опасные для здоровья препараты.

В статье по материалам Международной гражданской комиссии по правам человека «Навязывание психиатрических препаратов детям. Разрушение работоспособной системы образования»¹ приводятся примеры обычных средних школ Великобритании, Австралии, Канады, США и некоторых школ Мексики. Ощущение, что это клиники для душевнобольных, потому что дети там выстраиваются в очередь за ежедневной дозой стимулирующего препарата, применяемого и при СДВГ. Иногда и сами школьники незаконно торгуют наркотиками, продавая те самые препараты, которые им назначали для того, чтобы справиться с предполагаемыми трудностями в обучении. Гражданская комиссия по правам человека Санкт-Петербурга убеждена: недопустимо, чтобы подобная ситуация повторилась и в российских школах, поэтому мы помогли Н.Н. Егорову написать заявление в защиту прав его сына в Комитет по здравоохранению Санкт-Петербурга.

Эдуард Михайлов

Чуйская долина, или Прощание с детством

Автобиографическая повесть

Глава 1

1980 год. Средняя Азия. Ташкент. Район Кара-Камыш.

Когда над спящим городом сгущаются сумерки (а ночи в Ташкенте такие черные, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видать), во дворах, на лавочках, где когда-то сживали еще отцы, собирается молодежь. В основном это взрослые, знающие друг друга с пеленок парни. Одни отслужили в армии, другие только собираются туда, кто-то учится в вузе, а кое-кто успел отмотать срок в тюрьме. Все они давно освободились от родительской опеки, и их имена уже не выкрикивают из окон матери с наступлением темноты. Они самостоятельны и серьезны. Независимы, но дружны. Ни гитар, ни девушек рядом нет – это уже в прошлом. Почти у каждого есть своя семья, и ночные посиделки во дворе давно превратились в своеобразный мальчишник, где по кругу ходит косяк анаши, не возникает конфликтов и отсутствуют случайные лица. На тот момент мне было 13 лет, и я был, пожалуй, единственным обитателем беседки такого возраста, если не считать моего друга-сверстника Марсика, которому, к сожалению, не всегда удавалось ускользнуть из-под контроля строгой татарской семьи в ночное время. Войти в круг этих взрослых парней и остаться с ними в равных отношениях было делом не простым, однако я очень хотел этого. И стремился. За довольно короткий промежуток времени мне это удалось, о чем не премину рассказать в свое время. Поскольку на описываемый период у нас с Марсиком своей конопки не водилось, мы поставили себе задачей поиск и покупку папирос, чтобы хоть таким образом наше доленое участие в «травокурении» было практически оправданным. Надо сказать, папиросы в Узбекистане были страшно дефицитным товаром в ту пору, и найти их в свободной продаже не представлялось возможным. «Беломорканал» привозили из России бары-

ги и в короткий срок продавали их целыми чемоданами с пятикратной наценкой. Иногда пачку папирос можно было увидеть как бы невзначай лежащей возле теток, продающих семечки, однако это считалось большой удачей. Днем, вытряхнув из копилки-поросенка необходимую сумму, мы с Марсиком устремлялись на поиски папирос и, в общем, редко возвращались во двор с пустыми руками. Копилка, которую мы так безжалостно трясли, принадлежала старшей сестре Марсика – Гульке, студентке, красавице и почти невесте. Разумеется она не догадывалась о нашем «крысятничестве», иначе, как говорил Марсик, «вони было бы на целый месяц... с первого класса копила, дура...». Отношения между ними были, мягко говоря, не «братские», и они постоянно грызлись, словно кошка с собакой. Между тем добыча папирос становилась делом все более хлопотным, что весьма серьезно портило нам с Марсиком настроение. Случай, раз и навсегда решивший эту проблему, произошел довольно скоро, поскольку Провидение тщательным образом следит за процессом чередования двухцветных полос, из которых скроены наши судьбы. В нашем дворе, в однокомнатной халупе, проживал одинокий дед, ветеран Второй мировой. Свою левую ногу, по самое бедро, он оставил где-то на полях сражений, и весь свой нехитрый, ежедневный путь до пивбара и обратно, проделывал на костылях. Обе щеки старика были пробиты насквозь немецкой пулей, страшные шрамы от которой он скрывал под густой щетиной. Весь квартал знал этого деда, поскольку он был завсегдатаем ежегодных праздничных мероприятий по случаю Дня Победы, когда в рамках культурной программы его, увешенного орденами, уже не «вязавшего лыка», приводили под руки в школу и на торжественной линейке показывали нам, соплякам, как музейный экспонат. Раза три в неделю инвалида навещала жившая в центре дальняя родственница, полная и молчаливая женщина средних лет, которая готовила еду из привезенных с собой продуктов, стирала и вывешивала на балконе вещи деда, убиралась в квартире и уезжала к себе, чтобы через пару дней вернуться опять. Дед абсолютно ни на чем не заморачивался и начиная с обеда только и занимался своим любимым делом: глушил пиво в летнем павильоне до самого его закрытия. В пивной не было предусмотрено сидячих мест, и несколько часов кряду дед, словно оловянный солдатик, мужественно торчал у стойки, опираясь на костыли. Хозяин павильона Тахир поначалу предлагал инвалиду стул, но тот отмахивался, желая оставаться строевым солдатом, и безграничная любовь к пиву, видимо, придавала ему сил. После закрытия

пивбара дед с завидным постоянством ковылял на своих трех «ногах» по узкому тротуару в сторону дома, и на его старом коричневом пиджаке звонко бились друг о друга всегда начищенные до зеркального блеска ордена. Лицо ветерана в такие моменты было красным от выпитого за день, и вид его, всегда гордый, я бы даже сказал, бравоый и торжественный, наводил на мысль, что перезвон медалей на собственной груди сам дед воспринимал как звучащее в голове «Прощание славынки». В общем, старый был предсказуем и стабилен, как таблица Пифагора, однако мой интерес к нему тогда вызвала одна-единственная деталь: папироса в зубах. Встретить в Ташкенте на улице человека, курящего папиросу, было совершенно нереально. Как позднее выяснилось, «Казбек» ветерану поставляло государство в виде льготного обеспечения, без задержек и в любом необходимом количестве. Дед как начал дымить «Казбеком» еще до войны, так и продолжал это делать. Что-то, а страна умела стабильно заботиться о своих защитниках, когда речь заходила о поглощении никотина...

Глава 2

Возвращенная родителями из детских садов малышня, рассыпавшись по всему двору, забивала перепонки своими дикими визгами. Мы с Марсиком сидели на толстой ветке старого карагача и уныло наблюдали сверху за этим глупым племенем, словно сошедшим с ума после освобождения из своей примитивной тюрьмы с надзирателями-няньками. Скорее бы полночь! Тогда все эти «насекомые» будут досматривать десятый сон, наполняя влагой свои пеленки, а хозяевами дворов станут взрослые и серьезные люди.

– Гляди, ща грохнется! – Марсик восторженно кивнул в сторону дороги.

Посреди тротуара, широко расставив костыли, стоял пьяный в хлам дед-ветеран. На этот раз он имел далеко не торжественный вид и, глядя прямо перед собой, пытался сохранить контроль над остатками угасающего сознания. Двигаться вперед он был явно не в состоянии, и все, что оставалось несчастному, так это лишь балансировать от одного костыля к другому.

– Пошли-ка, – скомандовал я, и мы прыгнули на землю, рискуя придавить копошащихся под деревом «козявок».

Почти одновременно с нашим приземлением раздался треск падающих на асфальт костылей. Опоздали. Дед лежал на земле и смотрел в небо выцветшими от времени глазами. Ордена замерли на груди, и эта пугающая тишина создавала пугающую иллюзию, будто дед помер.

Потрясающе вежливые в такие моменты прохожие, старательно и аккуратно обходили ветерана, чтобы, не дай бог, ненароком не наступить на костыли, раскинувшиеся по ширине всего тротуара. Ты лежи, дед, не стремайся! Они не думают о тебе плохо и не оглядываются, проходя мимо. Ты проливал кровь за тактичное и доброе поколение.

С трудом подняв деда на единственную ногу и крепко придерживая с боков костыли, мы с Марсиком повели его домой. Наблюдавшая за этой картиной из окна первого этажа дородная хохлушка тетя Оля, крикнула нам, когда мы поравнялись с ее балконом:

– Вы, пацаны, потом пощупайте его, може, чего поломал! Вот же упился, пень древний...

Тете Оле было под шестьдесят, однако ее здоровью мог смело позавидовать любой портовый грузчик. Во дворе она слыла конфликтным и резким человеком, потому что всегда выражалась прямо, без околичностей, и часто говорила в лицо все, что думала о человеке. Ее откровенно побаивались и сторонились, но и она никому не навязывалась. Зато дети ее обожали и на Пасху бежали христосоваться в первую очередь к тете Оле, которая никого не оставляла без крашеного яичка и кусочка сладкого кулича. Взрослые поговаривали, что эта крепкая женщина отсидела десять лет в послевоенное время, и я хорошо помню их застольный разговор с моей мамой несколько лет назад.

«Теть Оля, за что же тебе дали десять лет?» – спросила ее мама.

«По приговору. За кражу двухсот метров пошивочного материала. Я тогда на ткацкой фабрике работала». – Тетя Оля лукаво улыбалась.

«Куда ж тебе столько понадобилось? – не унималась мама. – Да и как же ты выносила? Не за один раз, что ли?»

«За один, за один». – Тетя Оля лихо опрокидывала рюмку водки в огромный, как акуля пасть, рот, и, занюхав хлебной корочкой, продолжала: «В карман сунула и пошла. Наивная же ты, Галка! У тебя где нитки-иголки лежат?» – вдруг совершенно неожиданно спросила она.

В некотором недоумении мама принесла из комнаты ларчик, из которого тетя Оля выудила катушку ниток, где на деревянной основе была приклеена этикетка. Поднеся ее к глазам мамы, она сказала: «Читай!»

На катушке было написано: «Нитки черные х/б 200м».

«А куда деваться, милая? – говорила тетя Оля погрузневшей вдруг маме. – Молодая девка, работаю ткачихой, а хожу вся в дырах. Не пришить, не заштопать. Вот и "пришилась"»...

Довольно запоздало выйдя замуж, тетя Оля, тем не менее, родила здоровых и красивых детей; вначале сына Сашку, а затем Таньку.

– Ладно, тетя Оль, поглядим, – отвечал ей запыхавшийся Марсик, хотя и так было видно, что дед цел и невредим.

Дотащив старика до квартиры и уложив в постель, мы, уходя, лишь прикрыли за собой входную дверь. А на следующий день...

– Ладно, что хоть на спину шваркнулся, а если бы вперед головой?

Я говорил наигранно трагическим тоном, сидя напротив лежащего в постели ветерана.

– Уххх... Зря я водки у Тахира попросил. Вот тебе и ерш вышел, мать его за ногу!

Дед с трудом поворачивался к стоящей на табуретке рядом с кроватью трехлитровой стеклянной банке, на 2/3 заполненной окурками. Каждый раз, стряхивая туда пепел, старик кряхтел и охал, видимо, все-таки отбив себе что-то при падении.

– А ты чей будешь? – наконец начал он приходить в себя.

– Здешний. С шестьдесят первого. Мишки Муравья сын, – ответил я.

Старый прищурился и какое-то время ловил меня в фокус воспаленных глаз.

– Похож, – крякнул он в итоге. – А что, Муравей вышел аль сидит еще?

– Сидит. – Понимая, что разговор уходит в сторону, я решил перейти к делу: – Короче, дед! Лежи дома и никуда не ходи! Каждый божий день я буду покупать и приносить тебе сюда твое пиво. А ты должен будешь давать мне за это десять папирос. Идет? – медленно и с расстановкой произнес я, про себя думая, что, если не согласится на десять, опущу планку до пяти.

– Зачем папиросы? Я тебе могу на сигареты давать, – оживился старый.

– Нет. Мне нужны только папиросы, – по-деловому твердо сказал я.

– «Беломор» пойдет? – спросил он. – У меня с прошлого года лежат, да я их не могу курить. Кашель нападает.

– Пойдет. – У меня поднималось настроение и хотелось поскорее свалить из этой провонявшей старческим духом берлоги.

– Тебе Тахир отпустит или мне записку написать? – дед уже копошился в чреве потертого жизнью, как и он сам, кошелька.

– Не надо записок. Скажу, что для тебя, он мне поверит.

Спустя полчаса дед наслаждался своим любимым и, очевидно, единственным доставляющим радость бытия напитком, а я с папиросами в кармане стучал в дверь квартиры Марсика, чтобы поделиться с ним хорошими новостями...

Глава 3

Детство мое проходило в два этапа. Первый – до 11 лет и второй – после. Помнить себя я начал в детском саду, с весьма необычного момента. Наверное, с аппетитом я уже тогда не очень дружил, потому как остатки обеденного хлеба повадился прятать в ящике с игрушками, на следующий день открывая для себя вкус замечательного хрустящего сухарика. Наблюдая за грызущим сухарь малышом, персонал садика ломал головы: что, как, откуда? Основные помещения детсада располагались на верхнем этаже старого двухэтажного здания, где в коридоре была привинчена к стене ведущая на чердак лестница. Это была **ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ЛЕСТНИЦА!** Если кто то из детей заперол какой-нибудь косяк, ему объявляли, что он сейчас же идет на чердак, к **ОГРОМНЫМ ЧЕРНЫМ КРЫСАМ**, хватали несчастного за руки-ноги и волокли к **ЛЕСТНИЦЕ**. Поскольку все обитатели сада привыкли к мысли, что на чердаке **ЖИВУТ КРЫСЫ**, у напакотившего ребенка случалась страшная истерика. Стоя у подножия этой кошмарной **ЛЕСТНИЦЫ-ЭШАФОТА**, с мокрыми глазами и нередко штанишками, дети клятвенно умоляли нянек простить их, ведь они **НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ** баловаться. Изрядно напуганного малыша возвращали в группу, и я уже тогда обратил внимание, что дальше этого дело ни разу так и не пошло. Одна демонстрация **ЛЕСТНИЦЫ** и вид крышки люка на **ЧЕРДАК** – предел всех угроз. Очень скоро за мной началась слезка, с тем чтобы наконец выяснить, откуда у меня ежедневно появлялись сухарики, и, когда в очередной раз я по пояс, с головой, залез в ящик с игрушками, поглубже запихивая кусочек свежего хлеба, меня схватили что называется, за руку. В тот раз меня отчитали воспитательницы, довольные разгадкой детективного ребуса, не забыв для профилактики напомнить о **ЧЕРДАКЕ**. Однако на следующий же день меня с зажатой в кулаке краюшкой вновь извлекли из глубины ящика с игрушками, и разговор на этот раз был коротким, словно приговор: «Все! На **ЧЕРДАК** его! К **КРЫСАМ!**» Обычно при этих словах дети падали в полуобморочном состоянии, и их, брыкающихся и орущих во весь голос, приходилось волоком тащить к жуткой **ЛЕСТНИЦЕ**. Я же был спокоен, как тибетский лама, чем немало удивлял своих «мучителей» в халатах. Меня взяли за руки и подвели к **ЛЕСТНИЦЕ**, где кто-то из «конвоя», осознавая нестандартность ситуации, вынужден был задать вопрос:

– Что, смелый такой, да? А вот мы сейчас поглядим, что от тебя останется скоро!

Сказать честно, мне было страшновато оттого, что персонал говорил убедительно, и меня раздирали сомнения. Однако я сказал тогда фразу,

которую привожу полностью: «Крысы не водятся на крыше. Их дом в подвале. Там, – я показал рукой наверх, – там живут только птицы».

Надо сказать, я до сих пор не понимаю, откуда появилась тогда в моей голове эта информация. В итоге все закончилось тем, что перед обедом в группу начали приносить из кухни поднос с жареными сухариками, и их могли грызть все кто хотел, но почему-то, кроме меня, они никому не пришлись по вкусу. Что касается крыс, то, уже будучи взрослым, я с удивлением узнал, что они все-таки могут водиться на чердаках. Пусть и в деревнях.

Ближе к пятилетнему возрасту я влюбился в дочку воспитательницы, которая была со мной в группе, и, когда однажды составил из кубиков с алфавитом ее имя – КАТЯ, – персонал вдруг оказался приятно удивлен моей способностью читать. Меня начали нещадно эксплуатировать, сажая с книжкой сказок перед группой и уходя по своим делам, те, в чьи обязанности входило ежеминутно находиться с нами. А я все читал, читал, читал... Позднее, в школе, я выделялся отличными оценками по всем предметам, в то время как мое поведение оставляло желать лучшего. Не то чтобы я был не в меру хулиганист, но, отстаивая (чаще всего) собственную индивидуальность и попадая время от времени в нехорошие ситуации, я почему-то всегда оказывался крайним. Баловаться сигаретами я, правда, начал рано, после второго класса, за что бывал регулярно бит строгой мамой. Едва учуяв исходящий от меня запах табака, она тут же отправлялась в ванную за желтым рифленным шлангом от стиральной машины. Шланг тот был довольно старым, и при каждой экзекуции от него отлетал кусочек. Несмотря на жесткое воспитательное воздействие, курить я не прекращал, и при каждом последующем «запале» старый шланг продолжал укорачиваться.

Моя мама работала на заводе железобетонных изделий, где плела арматуру. По сей день профессия «арматурщица» режет мне слух своим неженским названием. Приходя домой с работы и валясь с ног от усталости, она первым делом садилась со мной за уроки и была строгой, но справедливой и безумно любящей меня матерью. Отец мой оказался в тюрьме, когда я был еще очень мал, и мама рассказывала, что брала меня на свидание с ним, чего я, к сожалению, не помнил. Срок у отца был большой, и в какой-то момент мои родители развелись. Мне неведомы причины их развода, и я знаю лишь то, что мама продолжала оставаться одна. До конца...

Глава 4

1978 год. Первого сентября я должен был идти в школу, так как начинался пятый год моего среднего образования, однако этому не суждено было случиться. В этот день Единственный Родной мне Человек навсегда оставил меня в этом огромном, полном опасностей Мире. В одиннадцать лет мое обычное и привычное детство закончилось, и уже другая женщина, распахнув объятия, приняла меня под свою опеку. Имя ей – ОДИНОЧЕСТВО. Детский приемник-распределитель, куда меня привезли инспекторы детской комнаты милиции, являл собой вместилище сирот обоих полов, от грудничкового возраста до четырнадцати лет, детей от родителей, лишенных родительских прав, и разного рода маленьких шаромыжек полукриминального толка. Здесь я увидел другой мир, где вдруг ставшие чужими для всех дети обретали заложенную в каждом по-своему, но не востребовавшую ранее самостоятельность. Полтора месяца пробыл я в этом странном обществе, где дети думали и говорили по-взрослому. Я довольно быстро влился в коллектив и мало-помалу начал привыкать к своему новому положению. Однако в детском доме, куда меня вскоре привезли, я вдруг почувствовал себя ничтожным и совершенно никчемным существом.

Это был самый лучший в СССР детский дом, имевший статус образцово-показательного. Директриса, возглавившая его сразу после войны, была дамой весьма влиятельной, часто ездила в Москву и была хорошо известна самому Брежневу. На лацкане ее строгого пиджака всегда красовалась звезда героя, и в Кремле ее уважительно называли Ташкентской Мамой. Здание детского дома было похоже на Дворец пионеров, с колоннами у парадного входа и лепным орнаментом по всему фасаду в духе соцреализма. Внутри просторно, чисто, уютно и светло. Вышколенную вежливость персонала можно сравнить разве что с современным европейским уровнем. Хорошо одетые воспитанники всегда улыбки, и безмятежный вид их говорил о здоровой и благополучной атмосфере. Пожалуй, я бы остался в этом раю, если бы не одно-единственное обстоятельство. Каждый поступающий туда воспитанник, похоже, заранее отбирался еще в детприемнике, потому как по дороге в детдом начальница этого самого приемника, капитан милиции, читала мне нотации в салоне казенного микроавтобуса:

– У тебя появился шанс благополучно устроить свое будущее. Из этого Дома вышло много известных и уважаемых ныне людей. Если ты не зацепишься за это, ты – дурак...

На месте меня ждало собеседование. Капитанша, очевидно поручившаяся за меня, заметно волновалась, стоя у огромной черной две-

ри Директрисы. Зашли в кабинет мы вместе, но сидящая за внушительным столом властная женщина одним коротким взмахом руки отправила капитаншу за дверь, указав мне на стул. После расспросов о моем прошлом, она начала объяснять мне, какой образцовый детдом она возглавляет и как непросто сюда попасть. Потом показала стоящие в углу мешки с письмами от бывших своих воспитанников и достала объемный фотоальбом. Я смотрел на людей в генеральской форме, в летных шлемах, строгих костюмах и галстуках, и каждый из этих людей был чем-то знаменит – со слов самой Директрисы. Я определенно начинал ей нравиться, поскольку собеседование затянулось на добрый час. Все это время я молчал, а она говорила и говорила, перебирая различные варианты моего «достойного и счастливого будущего».

– Здесь есть два строгих правила, обязательных для всех без исключения. – Наконец она, явно удовлетворенная собой, подвела итог: – Первое: у нас НЕ КУРЯТ! Даже персонал, не говоря уже о воспитанниках. И второе: все дети называют меня Мамой. Когда в будущем ты будешь входить в этот кабинет, ты должен обращаться ко мне не иначе, как «Мама». Если у тебя нет вопросов ко мне, можешь идти, и пусть сюда войдет Оксана Дмитриевна.

Я поднялся со стула и пошел к выходу, но на середине большого кабинета остановился, повернулся к директрисе и сказал: «Я не буду называть вас Мамой».

Она откинулась на спинку высокого кресла, и ее лицо, вмг потеряв заботливое выражение, стало злым и холодным. Пристально сверля меня прищуренными глазами, она скорее прошипела, чем произнесла:

– Меня, милый мой, генералы Мамой зовут. – При этом она постукивала пальцем по лежащему на столе фотоальбому. – И генералами их сделала именно я... А ты как был НИКТО, так НИКЕМ и останешься. Оксану Дмитриевну зови!

– Ну что, что? – пытливо глядела на меня за дверью капитанша.

– Вас зовет, – глядя в пол, ответил я.

Через минуту с моим личным делом под мышкой Оксана Дмитриевна нервным шагом двигалась к машине, держа меня за руку и не глядя в мою сторону. Видимо, она очень хотела мне помочь в этот критический период моей жизни, и была по-женски сильно расстроена...

Глава 5

Ближе к вечеру я опять оказался в знакомом мне приемнике-распределителе, куда на следующий день поступил подросток, ставший мне самым близким другом на следующие два года. Звали его Алим. Он

был на год младше меня, и из его левой ноздри почему то всегда текло, независимо от погоды. В приемнике его все знали, поскольку этот узбеченок поступал туда уже в третий или четвертый раз. Алим был удивительно свободолюбивым пацаном, регулярно убегавшим из дома только лишь для того, чтобы жить на чердаках и в подвалах. Его отец занимал какую-то серьезную номенклатурную должность в Андижане, и все огромное семейство Алима проживало в очень хороших, отнюдь не бедных условиях. Мать пацана скончалась от какой-то тяжелой болезни год назад, и, не найдя общего языка с отцом, Алим покинул родительский дом. Приехав в Ташкент, он быстро сдружился с местными беспризорниками и промышлял с ними мелким воровством на базарах. Когда мы с ним познакомились, он с восторгом рассказывал мне об их ночлежках, месте встреч у кафе «Буратино», о базарах и ментах, кражах и побоях в случае поимки.

Мне был совершенно чужд тогда мир, о котором с улыбкой счастья на лице рассказывал маленький беглец, но качества, которыми он обладал, прежде всего чуткость и отзывчивость, честность и готовность поделиться последним, вызывали у меня уважение к этому человеку. Алим очень боялся и сильно ненавидел своего отца, равно как и старших, взрослых уже братьев. Поздний ребенок в семье, он явно отставал в развитии от сверстников, но его человеческая доброта с лихвой компенсировала слабо развитые способности к обучению и делала его скорее мудрым, чем наивным. Больше всего на свете он любил свою свободу, и это притом что дома у него было все что угодно, в том числе и обеспеченное богатым отцом будущее.

Моя мама была обычной труженицей, и жили мы довольно скромно. Однако я до сих пор убежден: не покинь она так рано этот бренный мир, мое будущее оказалось бы намного светлее. Во всяком случае, я бы точно не знал многого из того, что сегодня хочется забыть навсегда. От чего же освобождала Алима эта странная штука, СВОБОДА? Когда тяжелые ворота приемника с грохотом открывались, чтобы впустить какую-нибудь машину с хозяйственным грузом, лицо Алима, всегда улыбающееся, вдруг становилось тревожным. Он знал, что скоро заедет черная «Волга» и из нее выйдет хмурый отец с двумя старшими сыновьями, которые молча возьмут его под руки и поведут к машине. Он будет кричать и плакать, но его никто не услышит. Дома его изобьют и привяжут во дворе, словно собаку, но добрая сестра украдкой принесет ему ключ от замка, и, освободившись от цепи, он вновь убежит. В Ташкенте есть близкие его духу люди, подвалы, базары, и Алим непременно будет там. Непременно. Через неделю нашего

совместного проживания в приемнике он смотрел на меня печальными, заплаканными глазами через заднее стекло черной «Волги», увозящей его в Андижан, а я махал ему вслед рукой и думал, что мы обязательно когда-нибудь встретимся. А еще через неделю меня привезли в другой детский дом, где приняли без всяких проволочек и собеседований, что явно говорило о классе заведения. Весь процесс приема-сдачи занял минут пятнадцать, и, вверив меня какой-то тетке в белом халате, Оксана Дмитриевна умчалась в своем «рафике».

– В баню пойдешь? – спросил белый халат.

– Вчера мылся, – мотнул я головой, и тетка повела меня в вещевую капертку, где во множестве висели на вешалках и лежали в аккуратных стопках чистые и выглаженные вещи.

– Размер свой знаешь? – спросила она.

– Сам выберу.

Я не знал своих размеров.

– Ну, выбирай. А я пока на кухню, узнаю, что там осталось с обеда.

Свою одежду вот в этот бак брось.

Тетка исчезла.

Не спеша я выбрал себе приличную одежду и обувь по размеру. Она была не новой, но в хорошем состоянии. Больше всего меня радовала рубашка из байки в черно-красную клетку. В детстве люди особенно пижонисты. В хорошем настроении я сидел в пустой столовой, где для меня накрыли обед из двух блюд и с компотом. Встав из-за стола довольно сытым, я вышел в большой холл, где увидел совершенно неожиданную картину, оказавшую непосредственное влияние на мое последующее поведение. В несколько шагах от меня, с длинной, похожей на учительскую указку палкой в руке, стояло существо с плоским затылком и явно выраженным синдромом Дауна на лице и дико орало во всю глотку: «В школу всем! В школу всем! В школу всем! В школу всем!» Вид у него был пугающим, как у всех даунов, и, выкрикивая одну и ту же фразу, будто заезженная пластинка, ОНО замахивалось палкой на всех проходящих мимо. Шарахаясь в стороны, воспитанники продолжали свой путь, и было видно, что все привыкли к этому чудовищу и в общем-то не боятся его. Из глубины коридора появился седой старикан в очках, который был вторым виденным мной здесь взрослым человеком. Проходя мимо идиота, старикан крикнул ему громко, так, что вокруг все слышали:

– Давай-давай, гони этих БЛЯДЕЙ в школу!

Застыв на месте истуканом, я пытался как-то переваривать увиденное, и мои мысли беспорядочно метались от дауна к старикану, так что

я не мог сразу понять, чье именно поведение меня крайним образом возмущало. Очень скоро ясным стало лишь одно: ЭТО НЕ МОЙ ДОМ. Повернув голову влево, я увидел открытые настежь двери центрального входа, и они словно невидимый, но мощный магнит втянули меня во двор. Свежесть мелко моросящего ноябрьского дождика заставила меня пожалеть о том, что я не взял болоньевую куртку из тех, что во множестве видел в капертке, однако возвращаться назад я был не намерен. Куда мог податься ставший внезапно одиноким и бездомным пацан? Конечно же туда, где ему было все до боли знакомо...

Глава 6

Район Кара-Камыш (черный камыш) получил свое название от некогда бывших на месте этой окраины Ташкента болот. Теперь здесь расположены заводы, фабрики, биржи – одним словом, тянущаяся на несколько километров промзона. В основном – русскоязычное население, которое проживает в четырехэтажных домах, образующих уютные зеленые дворики, складывающиеся в кварталы. Каждый из этих кварталов имеет свою инфраструктуру: школу, детсад, магазин, рынок... Общие лишь милиция и поликлиника, да еще кинотеатр «Нукус». По окраинам тянутся кишлаки с постройками из саманной глины, где проживают игнорирующие блага цивилизации аборигены Средней Азии – узбеки. У них свои школы и своя территория, негласно отделенная от нашей «нейтральной полосой» в виде трамвайного полотна, дороги или речки, которых в городе бесчисленное множество. В Ташкенте вообще очень много воды, и хитрая система гидросооружений тянет свои рукава-арыки практически через каждый двор. Удивительно красивый город Ташкент. Когда я появился в родном дворе, солнце уже село за горизонтом, и огни квартир были единственным источником света. Из окон тети Оли лилась громкая музыка, и многоголосый хор пьяных гостей пытался перекричать Магомаева: «Это свадьба, свадьба пела и плясала...» Потом кричали: «Горько!», и с улицы было хорошо видно, как поднимался из-за стола двухметровый Сашка и целовал всю в белом невесту, красавицу из соседнего двора – Светку. Сашка женится!

Сын тети Оли Саня был символом мужества для всех пацанов нашего квартала. Год назад он вернулся из армии, где служил в ВДВ, к величайшей нашей гордости, и я хорошо помню тот день. Приехал он совершенно неожиданно, и тетя Оля начала спешно хлопотать у плиты, пока Саня с батей, расположившись на балконе, взялись за бутылочку водочки. И надо же было случиться именно в тот день, что одного из

наших пацанов поймали узбеки на нейтральной полосе и порядком избили. Очень быстро образовалась большая толпа с обеих сторон, и началась массовая драка.

Надо сказать, что естественные для российской молодежи драки «стенка на стенку» в Средней Азии возникали исключительно на национальной почве. Между собой же любые конфликты было принято решать один на один, и в этом была своя, восточная философия – никто, кроме тебя, не будет отвечать за твои поступки. Так вот, в той большой потасовке между подростками наши пацаны явно уступали организованности и дерзости узбекской группировки, и кто-то, прибежав во двор за подкреплением, увидел на балконе Сашкину тельняшку, истошно завопил: «Саня, Саня! Там наших бьют!»

Уже хорошо поддатый к тому времени, Саня без лишних расспросов натянул на затылок голубой берет с эмблемой раскрытого парашюта и прямо с балкона ловко выпрыгнул во двор. Пьяный батя лишь расстроено махнул ему вслед рукой. И вот картина: идет полупьяный двухметровый десантник в парадной форме, а за ним гурьбой, с арматурой, цепями и финками, рвутся в бой полсотни оголтелых подростков. В общем, полкишлака разнесли к чертям собачьим. А тетя Оля ждет его у дороги и материт всех малолеток по-черному. Самому же Сашке – полотенцем по морде! Саня, как щенок побитый, берет с башки долой и трусцой до хаты. Два года из него делали машину для разрушения, а тут случай такой подвернулся: "Наших бьют!" Сам Бог велел пар выпустить. Не знаю, из-за того ли случая, но с тех пор и по сей день, у меня сохранилось стойкое уважительное отношение к «десантуре».

Свадьба! Сегодня Саня вступал в другую, взрослую жизнь. Постояв немного под окнами тети Оли, я вошел в подъезд, где была наша квартира, и поднялся на второй этаж. На двери белела полоска бумаги с гербовой печатью, где по ободу шла надпись: «РОВД. С-Рахимовский р-н., г. Ташкент. Уз.ССР». И уже от руки – для непонятливых: «Опечатано». Сорвав бумагу, я смял и бросил ее тут же. Дверь заперта. Замок прежний. Запах старого дерматина, такой знакомый с детства, уносил меня назад, в прошлое, и на мгновение вдруг подумалось, что стоит тихонько постучать в дверь, как из глубины квартиры послышатся мягкие шаги и дверь отворится. Какое-то время я стоял в этой кричащей тишине, а затем, будто спохватившись, спустился вниз и прижался к теплой батарее. «Как же попасть в квартиру?» – усиленно размышлял я. У растущей прямо под окном вишни были слишком тонкие и хрупкие для моего веса ветки. Да и окно наверняка плотно закрыто. В памяти всплыл случай, когда я учился еще в первом классе: мама, забрав

меня из школы, никак не могла найти ключ от квартиры, очевидно обронив его где-то. Мы проделали с ней весь путь до школы и обратно в его поисках, но так и не нашли. На лестничной площадке нам встретился Шухрат, соседский парень с четвертого этажа, который был знаменит во дворе тем, что играл в свое время за юношескую сборную «Пахтакура». Мама попросила его выбить дверной замок, но вместо этого умный татарин обошел дом с торца и, приметив тонкую трубу, идущую от электрического распределителя и служащую изоляцией для проводов, ловко забрался по ней к нам на балкон.

Радостная и благодарная мама пыталась сунуть ему в карман железный рубль, но гордый Шухрат увернулся, и, сбегав по лестнице, устремился по своим делам. Много позднее, к удивлению всего двора, его посадили. В какой-то, неизвестной мне до сих пор, ситуации Шухрат жестоко покалечил двоих дружинников, переломав им чуть ли не все лицевые кости. Говорили, что те двое были пьяны, и это спасло парня от большого срока. Дали ему три года. Вспомнив об этом, я вышел из подъезда и завернул за угол дома. В Ташкенте редко кто стеклит балконы верхних этажей, начиная со второго, да и на первых обходятся в основном фигурными решетками. Вот и наш балкон зиял сейчас черной пустотой. Забравшись на электрический щит, я обнаружил, что труба, по которой карабкался Шухрат, прилегает к стене дома слишком плотно, чтобы ее можно было обхватить пальцами. Как же ему это удалось тогда? Побродив возле стоящих рядом гаражей, я нашел кусок деревянного бруска сантиметра три толщиной и, оттянув с силой злосчастную трубу на себя, втиснул его в образовавшуюся щель. На балкон я забрался быстро и легко. Дверь и окно в единственную комнату были заперты изнутри на шпингалеты, но радовало то, что инструменты мама всегда хранила именно на балконе, в шкафу. С чудовищным треском мне пришлось выламывать отверткой форточку, поскольку другого выбора у меня не было. В какой-то момент скрипнула балконная дверь у соседей сбоку, и я затаился. Впервые в жизни я лез к себе домой, словно вор. Странные и незабываемые переживания. Воздух в квартире был спертый и тяжелым. Визуально все вещи были на месте, словно ничего не произошло за последние два месяца. Не было электричества, его явно отключили. Вода была, и, умывшись, я расположился на диване. Пыль чувствовалась повсюду даже в полной темноте. Лежа на спине, я смотрел в угол, где на черной тумбочке трельяжа светлым пятном выделялся овальный предмет. Я хорошо знал его. Оттуда, из темноты, обрамленная в портретную рамку, на меня глядела молодая и улыбающаяся мама. Я тоже улыбался ей, и ручейки

слез обильно стекались за воротник байковой в черно-красную клетку рубашки...

Глава 7

Утром меня разбудил сильный стук в дверь. На лестничной площадке громко переговаривались женские голоса. Подкравшись к двери, я прислушался и довольно скоро понял, что соседки из квартир сбоку и сверху возмущаются сорванной кем-то опечаткой. И только теперь я пожалел, что сделал это. Привлек ненужное внимание и больше ничего. Ладно хоть только смял и бросил там же ленту, которую старательная и во всем любящая порядок тетя Соня сейчас приклеивала на место.

Войдя на кухню и открыв дверцу холодильника, я сразу понял источник тяжелого воздуха в квартире: все продукты давно испортились. Внизу, в овощном лотке, словно лопнувшие мячики, лежали сморщенные и покрытые плесенью две круглые дыньки. Их содержимое вытекло и уже успело засохнуть, осталась лишь кожура. Мама купила их 31 августа, чтобы на завтра угостить меня после первого учебного дня, и накрыла газетой. Она любила делать сюрпризы, но я знал про эти дыньки и помалкивал до «завтра». Кто бы мог подумать, что это «завтра» перевернет весь мир с ног на голову... Из шифоньера я достал свою старенькую болоньевую куртку, о которой не единожды вспоминал вчера на холоде, и, вынув из карманов пакетики с нафталином, которые мама клала буквально во все вещи, надел ее на себя. Запасной ключ от входной двери лежал на месте и, прислушавшись к тишине на лестничной площадке, я наконец осторожно отворил дверь. Лента с печатью, не успев высохнуть в месте склейки, отошла с одного конца и, заперев замок снаружи, я прилепил ее на место.

Было раннее утро, и сильно хотелось курить. На одной с нами площадке, проживал шестнадцатилетний Вовка. Здоровенный балбес, он слыл известным во дворе хулиганом, в то время как родители его были людьми очень интеллигентными и серьезными. Старшая сестра Вовки, Надежда, окончила школу с золотой медалью и позднее вышла замуж за сотрудника КГБ. Сам же Вовка был, что называется, оторви-башка. Однажды, когда он забивал шомполом порох в ствол поджига, случайным выстрелом ему оторвало полмизинца. Мать свалилась в обморок, а ему хоть бы что. Даже не пикнул. Жуть какой волевой парень. Родителей своих Вовка уважал и старался по пустякам не расстраивать, поэтому сигареты свои никогда не заносил в квартиру, а прятал в подъезде, в электрической щитовой, куда я время от времени запускал

руку, получая от него хороших подзатыльников. Я открыл дверцу щитовой. Пачка «Стюардессы» и коробка спичек, не нарушая традиции, лежали там и теперь. Вынув несколько сигарет, я вернул пачку на место и вышел на улицу.

Занятия в школе еще не начались, и я одиноко сидел на лавочке в прозрачном от поздней осени яблонево саду, изредка затягиваясь зажатой в кулаке сигаретой и опасливо поглядывая на двор соседнего со школой дома. Там, в обычной трехкомнатной квартире под номером один, располагалась детская комната милиции. Два месяца назад меня увезли в приемник именно оттуда, и я хорошо знал всех трех сотрудников. Начальницей была русская женщина по имени Анжела, которой совершенно не шла милицейская форма. Несмотря на свои тридцать с хвостиком, она была довольно стройной бабой, но лицо ее, обильно сдобренное пудрой и украшенное ярко-красной помадой, казалось не красивым, а вызывающе вульгарным. От количества духов, которые она выливали на себя, щеколало в ноздрях и хотелось чихнуть. У нее были зеленые, редкостно наглые для женщины глаза и зачесанные бабранкой на затылке волосы, вытравленные перекисью водорода. Все желтые детали из легких сплавов, положенные милицейской форме, ослепительно блестели на ней, словно гирлянды на новогодней елке. Иногда Анжела приходила к директору нашей школы, и тогда все старшеклассники, оборачиваясь, глазели на ее вихляющий из стороны в сторону зад и красивые, едва прикрытые форменной юбкой выше колен ноги. Ей явно нравилось, когда на нее глазели несмышленные подростки. В летние выходные дни ее можно было заметить в уголке одного из многочисленных местных пляжей, где она отдыхала в компании здоровых и угрюмых узбеков из оперативного состава нашего РОВД, и вообще в районе о ней всегда ходили нехорошие сплетни.

В рабочем подчинении у этой женщины с немилейским именем состояло двое инспекторов – Юсуп и Хайрулла. Первый был невероятно худым и долговязым типом лет двадцати семи, он даже в невыносимую жару носил черный твидовый пиджак и затянутый под нестандартно большим кадыком синий галстук. Он был настолько сухим, что по его черной, как пиджак, физиономии можно было смело изучать строение костей черепа. Юсуп плохо говорил по-русски, но этот факт, видимо, не являлся препятствием для работы в милиции республики Узбекистан. Несколько флегматичный и беззлобный, два месяца назад по дороге в приемник, он накормил меня в столовой, а на выходе купил мороженое. Хайрулла, словно в противовес Юсупу, был маленького роста и хорошо упитан. Я ни разу не слышал от него ни еди-

ного русского слова и вполне допускаю, что этот язык был ему совершенно незнаком. Этакий бабай кишлачного типа, он постоянно находился за рулем ведомственной «Нивы», и, похоже, на этом его служебные функции заканчивались, поскольку я не могу представить себе, как этот первобытный человек составляет какие-то протоколы. В общем, Анжела подобрала себе таких исполнителей, на фоне которых ее начальствующая роль выглядела несомненной.

Глава 8

Знакомая бежевая «Нива» появилась у подъезда с квартирой под номером один почти одновременно с первыми учениками, заполняющими школьный двор. Я не желал светиться перед всеми знакомыми и искал встречи лишь с одним из них – Марсиком, поэтому быстро сменил позицию, чтобы перехватить его еще до подхода к школе. Марсик жил через подъезд от меня, и, хотя учились мы с ним в параллельных классах, во дворе всегда находились вместе с тех пор, как начали помнить себя. Купались, мастерили рогатки, гоняли мяч, курили – одним словом, вели обычный для каждого маленького человека образ жизни. Его родители были деловыми, серьезными людьми и не вникали в соседские отношения. Зато у меня дома Марсик чувствовал себя своим в доску, и моя мама относилась к нему с равным, как и ко мне, вниманием. Наш двор был поровну населен русскими и татарами, а также имелись корейцы, башкиры, украинцы, евреи – в общем, большой дружный интернационал. Однажды, когда мы с Марсиком были еще совсем сопливыми, моя мама, купив немного шоколадного масла, кормила нас бутербродами из этого удивительно вкусного продукта. После того случая мы каждый день бегали в магазин и подолгу смотрели сквозь витрину на огромный куб этого самого масла, тыча пальцем в стекло и о чем-то перешептываясь между собой, пока продавец Рустам не прогонял нас ленивым взмахом руки: «Кыш! кыш!» Шоколадное масло даже померещилось нам в толстом слое солидола, которым были смазаны петли гаража. Мы только-только начинали постигать мир, и многого еще не знали, поэтому, когда Марсик, не удержавшись, все же лизнул тот самый солидол и отрицательно помотал мне башкой, я понял: ЭТО НЕ ШОКОЛАДНОЕ МАСЛО. Как-то раз мы нашли во дворе обороненный кем-то бумажный рубль и недолго думая понеслись в магазин. Протянув деньги огромному (нам все тогда казалось огромным) Рустаму в белом колпаке на бритой голове и волосатыми до самых ногтей руками, мы, ткнув пальцем в витрину, возбужденно крикнули: «Масла!»

– На все?– спросил Рустам, и мы, словно китайские болванчики, закивали головами.

Продавец сдвинул вбок перегородку, взял огромный нож, и, к нашему с Марсиком ужасу, начал отрезать кусок не от ШОКОЛАДНОГО, а от СЛИВОЧНОГО масла! Хлопая глазами, мы молча смотрели на этот беспредел, и у нас не хватило духа вымолвить что либо. Черт! Мы же не сказали ему КАКОЕ именно масло нам нужно. В итоге, получив сверток, мы вышли из магазина в крайне скверном настроении. Откусив по разу и найдя сливочное масло довольно отвратительным на вкус, мы выбросили сверток в урну, однако наше сознание навсегда сохранило опыт – нерешительность не приносит плодов.

И вот теперь, после двухмесячной разлуки, я ждал своего друга детства в стороне от школы, которая к тому времени уже перестала быть МОЕЙ. Несколько последующих дней я приходил сюда регулярно и, когда после обеденной перемены ученики расходились по классам, входил в пустую столовую, где добрейшая повариха тетя Рая кормила меня так сытно, будто это был последний раз в моей жизни. Как мог я когда-то обманывать эту милую женщину, натирая ртутью от градусника трехкопеечные монеты и всучивая ей за двадцатикопеечные...

– Иди сюда, сынок! Садись, сиротка, сейчас я тебя покормлю, – чередуя русские и татарские слова, говорила тетя Рая.

Дай бог ей здоровья, если она еще жива! Вечером, дождавшись Марсика после школы, мы бродили с ним в стороне от двора, пекли в золе костра принесенные им из дома картофелины, а с наступлением темноты он уходил домой. Я же с мерами предосторожности проник в свою квартиру, чтобы рано утром, скрепив слюной край бумажной ленты, покинуть ее опять. Ночь давалась мне тяжело, поскольку рядом была лишь печальная мачеха по имени ОДИНОЧЕСТВО.

Глава 9

Этот день с самого утра выдался неудачным. В электрической щитовой не оказалось Вовкиных сигарет. Скорее всего, он ушел из дома раньше меня, потому что спичек тоже не было. В обед молодая школьная повариха сказала мне, что тетя Рая не вышла на работу, и это означало, что до вечера я останусь голодным. Часам к двум Марсик ушел с уроков, и я с нетерпением ожидал его в палисаднике позади дома. Он должен был принести что-нибудь из еды, и я периодически выходил за угол, всматриваясь в сторону его подъезда. Марсик задерживался, очевидно набивая дома собственный желудок. В очередной раз проходя мимо торцевой части дома, я машинально поднял голову в сторо-

ну нашего балкона и тут же вздрогнул от неожиданности. В темно-синем плаще и черной кепке-аэродроме там стоял Юсуп. Друг друга мы заметили почти одновременно, и инспектор инстинктивно отпрянул назад, но было уже поздно. Я заметил его и только теперь обратил внимание на виднеющийся из-за кустарника зад бежевой «Нивы» у подъезда. Рванув с места, я бежал сколько было сил и куда глядели глаза. Оказавшись на окраине района, я наконец перевел дух, справился с паническим страхом и попытался мыслить рационально. Долговязый Юсуп стоял на балконе нашей квартиры, куда я, словно вор, забрался несколько дней назад. В машине явно сидел Хайрулла. У них есть ключи, и они пришли именно за мной. Что же теперь делать? Во дворе появляться нельзя, там засада. Марсик наверняка сейчас ищет меня с бутербродами под курткой... Что за день! Одолеваемый тягостными мыслями и не находя ответов на возникшие неожиданно вопросы, я крался по палисадникам позади чужих домов. С балкона на первом этаже на меня залаяла маленькая собачонка непонятной породы. Я поднял глаза и поверх собачьей морды увидел несколько сушеных рыбин, висевших на веревке словно стираное белье.

Голод вернулся ко мне с удвоенной силой. Выломав из ограды длинный шест с загнутым на краю ржавым гвоздем, я какое-то время пытался подцепить им одну из рыбин, но гвоздь лишь скользил по ней, обдирая сухую чешую. Маленькая псина теперь уже заливалась, взяв непомерно длинную и высокую ноту, что нагоняло на меня панику. Избрав грубый, но быстрый метод, я зацепил саму бельевую веревку, и с треском дернул ее на себя. Рыбины, больно ударив меня по голове, свалились к моим ногам, и, схватив одну, я ринулся прочь от этого балкона. Когда ругань собаки в мой адрес стихла далеко позади, я остановился и, переведя дух, занялся своей добычей. Пойманная еще летом, рыба оказалась на удивление жирной и вкусной, хотя и сильно соленой. С жадным аппетитом я на ходу выгрызал из нее самые мягкие места и не заметил, как оказался на тротуаре вблизи большой, окаймляющей район дороги. Здесь было многолюдно, и, занятый своей рыбой, я брел в потоке спешащих по своим делам прохожих. Вдруг сзади кто-то схватил меня за локоть так резко, что рыба, выскользнув из моих пальцев, ударила меня прямо в лицо. Левый глаз мгновенно зажгло от попавшей в него соли. Развернув меня к себе, Юсуп расстегнул мою куртку и резко рванул пояс штанов. Несколько пуговиц звонко покатались по асфальту, и мои штаны мешком свалились с меня, упав на ботинки. Машинально я поднял их одной рукой, и прижал к животу.

– Зачем бегал? – спросил немного возбужденный Юсуп, явно не рассчитывая на ответ.

Он действовал быстро и привычно. Более нелепого и отвратительного положения мне еще не приходилось переживать за свою короткую жизнь. Я стоял, плененный Юсупом, поддерживая рукой спадающие штаны, а мой левый глаз нещадно зудел от соли, и я не мог его даже почесать, так как за другую руку меня крепко держал долговязый инспектор. Одна-единственная рыба заставила меня потерять контроль над собой и ввергла в целую пучину проблем. Ах, как же я был недоволен собой тогда! Мы стояли у проезжей части, и Юсуп мотал башкой по сторонам в надежде увидеть бежевую «Ниву».

Они с Хайруллой явно разминулись. И ведь не поленились же прочесывать по периметру весь район... Возле остановки стоял ярко-зеленый «Москвич», где за рулем, изнывая от ожидания клиентов, скучал средних лет бабай в тубетейке. По верхней кромке лобового стекла тянулись кисточки из макраме, а внизу и слева красовался портрет Сталина. Тогда я еще ничего не знал о культе личности, а портреты Сталина на стеклах многих автомобилей считал само собой разумеющимся событием, потому что привык к их виду с малых лет. Мы подошли к «Москвичу», и Юсуп, показав бабаю удостоверение, сообщил, что поймал малолетнего преступника, и что они с напарником разминулись, и что надо проехать до отделения всего несколько кварталов...

Юсуп говорил по-узбекски, как бы прося помощи у бабая. В школе я был любимчиком преподавателя узбекского языка, поскольку благодаря замечательной от природы памяти опережал по этому предмету всех однокашников. Никогда я не понимал, как взрослые люди, прожившие в Средней Азии всю жизнь, не знают языка, на котором говорят вокруг. Добрая русская лень... Бровь у бабая в тубетейке была одна, и проходила она по узкому лбу сплошной черной линией, не прерываясь у переносицы. Нахмутив ее и поглядев в мою сторону, он кивнул головой в глубь салона, и мы с Юсупом разместились на заднем сиденье, где я наконец смог промокнуть воротником рубашки свой слезящийся глаз. «Москвич» со Сталиным на стекле тронулся.

– Что он украл? – нарушила тишину тубетейка, хмуро поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

– Мотоцикл, – не стал разочаровывать его отвернувшийся к окну Юсуп.

– У моего племянника в прошлом году украли мотоцикл. Это, наверное, их шайка сделала. – Бабай опять злобно глянул на меня.

– Допросим. Выясним, – вяло прыгнул вверх кадык Юсупа, по-прежнему не поворачивавшего головы от окна.

– «Ковровец» синего цвета, – сказал бабай без особой надежды в голосе. – Да они, наверное, уже продали его по запчастям. – Нахмуренная бровь появилась на миг в зеркале.

– Хорошо. Узнаем, – лениво отозвался Юсуп, которого, похоже, тяготила беседа с бабаем. Он опять выглядел флегматичным и молчаливым.

Бабай грязно выругался в мой адрес. Я с ненавистью смотрел в пустое зеркало, и появившаяся там вскоре бровь удивленно прыгнула вверх:

– Он понимает по-нашему?

Юсуп посмотрел на меня, пожал плечами и опять отвернулся к окну:

– Не знаю...

Глава 10

Тяжелая железная дверь детской комнаты милиции была незаперта. Как только мы с Юсупом вошли в прихожую, из кухни возникла Анжела.

– Ну наконец-то! Ты почему из детдома сбежал?! – изобразив строгий вид, накинулась она на меня. Крепко удерживая пояс штанов, я молча разглядывал носки своих ботинок.

– От мина тож бегал. Дургой канес раен паймал иво, – без злобы сказал Юсуп. Он был явно удовлетворен выполненным поручением.

– Ну и долго ты собираешься так бегать?! – Размахнувшись, Анжела влепила мне хорошую затрещину и тут же с досадой уставилась на свои ухоженные пальчики. – Блядь! Ноготь сломала об этого ублюдка!

И она со злостью пнула меня острой шпилькой в колено. Мой здоровый глаз наполнился влагой, и носки ботинок начали терять форму, расплываться... Мне стало очень обидно, что совершенно посторонняя баба пинает меня, словно собаку, на глазах у мужика.

– А где Хайрулла? – повернулась она к Юсупу.

– Иво ищет. – Тот кивнул в мою сторону.

– Тогда, как приедет, сразу ведите его в приемник. Рабочий день заканчивается, – она поглядела на часы. – Фу! Что за псиной от него несет?! – Анжела с гримасой отвращения обнюхивала ладонь, которой только что ударила меня.

– Рыба ел. – Юсуп скалил свои белоснежные и крупные, словно лопаты, зубы.

– Кстати. Я бутерброды приготовила. Пойдем перекусим. Закрой его пока там. – Она махнула рукой в сторону дальней комнаты и, стуча каблуками по паркету, скрылась на кухне.

Юсуп втолкнул меня в небольшой кабинет – в нормальных квартирах в этой комнате обычно располагается детская, – сгреб со стола бумаги и запер их в сейф. Осмотревшись по сторонам, он вышел в коридор, провернув ключ снаружи. Странно было видеть его таким суетливым. Бутерброды от Анжелы... Ну да, ну да... Оставшись один, я оглядел кабинет. Стол с двумя стульями, печатная машинка и сейф. Больше ничего. Щеку жгло и, потрогав ее, я нащупал пальцами вздувшийся рубец от сломанного ногтя Анжелы. Глаз то ли от соли, то ли от удара, а может, от того и другого вместе, заплыл. Колено противно ныло.

Выдвинув ящик стола, я обнаружил там канцелярские скрепки и недолго думая соединил пояс штанов. В другом ящике лежала непочатая пачка сигарет «Вега», которые, как я знал, приятно пахнут вишней. Отодвинув тяжелые глухие шторы, я выглянул в окно. Оно было забрано решеткой из сваренных стальных прутьев в форме исходящих сверху лучей, расширяющихся к низу. Тревожно прислушиваясь к голосам на кухне, я открыл окно и просунул голову между прутьев. Она свободно проходила, даже не цепляясь ушами. Вернувшись к столу, я положил в карман пачку «Веги» и, сняв куртку, свесил ее через окно. Эта сторона дома выходила на задний двор, где были палисадники, огороженные по периметру высокими кустами живой изгороди, так что приземлился я, никем не замеченный. Подобрал куртку, я, словно метеор, помчался через дворы. В один день с коротким интервалом я совершил два рискованных побега, первые в моей жизни, и с этого момента вторая стадия моего детства вступила в активную фазу. Запрыгнув в первый попавшийся троллейбус, я ехал, куда глаза глядели, лишь бы подальше от ставшего очень опасным Кара-Камыша. Выйдя в центре города у фонтанов, я смыл с себя рыбий дух. Начинало смеркаться. Куда идти? Что теперь делать? Этот вопрос вторично за сегодняшний день заполнил все мои мысли.

Холод и голод потянули меня к жилым домам, и я до поздней ночи слонялся из подъезда в подъезд, греясь возле батарей и вдыхая исходящий из квартир запах жареного лука. Порядком обессилев, я нашел стопку приготовленных к чистке половиков и, завернувшись в эти пыльные тряпки, уснул в темном углу одного из подъездов. Это был даже не сон, а мучительная полудрема, сдобренная переживаниями минувшего дня и неизвестностью завтрашнего. Голод, холод, страх, обида, боль... и ОДИНОЧЕСТВО. Очень серьезный набор для человека, недав-

но перешагнувшего двенадцатилетний рубеж своей жизни. Первый утренний житель дома, спускаясь по темной лестнице подъезда, освещал себе путь спичками, лишь чудом не обратив на меня внимания. Надо было уходить отсюда. В троллейбусе было тепло и до самой конечной остановки я успел подремать. После я пересел в трамвай и сделал на нем два круга, пока на улице наконец рассвело. Моя голова была загружена тем, как в обеденное время приехать в детдом, где я был последний раз, и с толпой воспитанников пообедать в столовой, а после незаметно уйти. Это представлялось мне вполне реальным, ведь, кроме тетки в белом халате, меня никто не знал в лицо. А кормят там очень вкусно! Пожалуй, я так бы и поступил тогда, если бы сквозь стекло трамвая мой взгляд не выхватил вывеску «Кафе "Буратино"». Это было детское кафе, и, несмотря на ранний час, возле него прогуливались двое подростков. Один примерно моего возраста, другой чуть постарше.

– Курить есть? – спросил меньший, когда я приблизился к ним.

У меня была почти полная пачка «Веги», но не было спичек, и приходилось идти за каким-нибудь курящим мужиком, пока он не выбросит окурочек. У пацанов спички были, и мы дружно закурили сигареты Юсупа.

– Ты откуда? – спросил старший.

– С Кара-Камыша, – ответил я.

– Ни фиги себе! – присвистнул он. – А здесь как оказался?

– Знакомого ищу. Алима, – сказал я.

– Алим скоро уже подойдет. – Меньший сказал это так просто, что я не успел удивиться.

– Вы знаете Алима?! – наконец, не веря своим ушам, пришел я в себя.

– Кто ж его не знает, – смеялся меньший. – Через час кафешка откроется, и он будет здесь. А ты тоже с Андижана?

Старший слегка шлепнул его по загривку.

– Тебе же сказали: кара-камышский! Чем слушаешь, дубина?..

– Мы в приемнике вместе были, – сказал я, заворуженно глядя на закрытые двери кафе, у которых уже скоро должен был появиться мой друг и добрейшей души человек по имени Алим. На этот раз, вырывая меня из цепких лап МАЧЕХИ, судьба была ко мне благосклонна.

Глава 11

Удивительно быстро человек привыкает к новым обстоятельствам, особенно когда они навязаны жизнью. Встреча с Алимом у кафе «Буратино» оказалась для меня соломинкой, за которую я хватался, утопая в

огромном мире, где выжить в одиночку было сверх моих сил. С первых же дней пребывания среди беспризорников я открыл для себя мир, где дружба была настоящей, проблемы общими, а взаимоотношения равными. Царящая в сообществе атмосфера казалась мне такой стабильной и серьезной, что на протяжении последующих лет я никогда не испытывал тех чувств и переживаний, которыми был наполнен тогда.

Кто-то сказал, что «стать зрелым мужем – это значит вновь обрести ту серьезность, которой обладал в детстве во время игр». Мы тоже играли тогда во взрослую жизнь, но, к сожалению, сегодня уже не в силах повторить ее... В среднем нас было около десяти–пятнадцати пацанов со всего Ташкента, тех, кто в силу разных обстоятельств выбрал для себя уличную жизнь. По достижении четырнадцатилетнего возраста кого-то сажали на малолетку, других отправляли в специальные школы и училища закрытого типа, одним словом, коллектив наш время от времени редел и обновлялся. У большинства были родители либо пьяницы, либо жестокие тираны по отношению к своим детям, и лишь двое не имели родителей совсем. Кроме меня, чистым сиротой был Генка Хмырь, которого воспитывали в детдоме для умственно отсталых, и он никогда не знал, кто же были его родители. Все его воспоминания были так или иначе связаны с этим детдомом, где кроме побоев и тяжелой рабской работы он ничего не видел. Периодически Генка убегал оттуда и примыкал к нашей компании, пока его опять не вылавливали где-нибудь на базаре. Он был совершенно не приспособлен к жизни, и в итоге мы ему запретили покидать места обитания, поскольку он только притягивал к себе ментов и другие неприятности. Генка был худой, как скелет, но умудрялся есть больше всех нас, вместе взятых. Ни читать, ни писать он не умел и вообще был крайне отсталым по части элементарного образования. Его держали как уборщика и сторожа в одном лице. Принеси-подай, иди на хер, не мешай. Возраст наш был примерно от 11 до 14 лет, и лишь однажды к нам прибилась шестнадцатилетний парень. Звали его Коля, и он уже успел отсидеть около года на малолетке. Будучи в розыске, он случайно набрел на наше логово и жил с нами около месяца, пока не пропал бесследно и навсегда. Он много рассказывал о знаменитой Таштюрме и колонии-малолетке, где работали на бумажном комбинате прямо в зоне, и какой это был тяжелый и нечеловеческий труд. Меня захватывали истории, связанные с тюремными понятиями, представления о справедливости в преступном мире и еще масса неведомой мне дотоле информации. В двенадцать лет я уже знал практически все, чем жила тогда зона-малолетка, о прописках и мастьях, беспределе и наказаниях,

активистах и ментах... Жили мы поочередно в нескольких местах. Одним, зимним, местом было большое чердачное помещение завода, где вентиляционная шахта круглые сутки наполняла наше жилище запахом свежее испеченного хлеба. Там было тепло и сытно. С наступлением темноты мы спускались в цеха, где из емкостей с браком затаривались разными булочками и батонами. Сотрудницы не препятствовали нам и, зная о нашем соседстве, никогда не сдавали нас сторожам. С хлебом работают добрые люди, это я уяснил для себя еще тогда. Летом мы жили в большой, словно катакомбы, теплотрассе возле аэропорта. Там у нас была настоящая квартира, с диванами, креслами и даже люстрой, которые мы тащили туда отовсюду, где эти вещи плохо лежали. Мне очень нравилось это место. Ночью, выбравшись из люка на поверхность, мы любили сидеть с Алимом на земле и смотреть, как взлетают и садятся огромные железные птицы. В такие минуты я пытался представить себе чувства человека, сидящего у иллюминатора и смотрящего сверху на Землю. Первый мой перелет из Уфы в Москву я совершил в тридцать лет, и пусть это было ночью, но когда внизу показалась горящая огнями Столица, я вспомнил нас с Алимом, сидящих у люка теплотрассы Ташкентского аэропорта, и невольно пытался представить себе, каким же образом сложилась судьба этого человека теперь. Иногда, возвратившись под вечер с базаров, где мы промышляли мелкими кражами, вдруг мы обнаруживали, что наше жилище заселено прилюдными бомжами, и это были моменты ожесточенной и бескомпромиссной борьбы за свою территорию. Мы, словно стая волчат, набрасывались на взрослых мужиков, всеми правдами и неправдами изгоняя их из нашего логова. С одиночками было легко, они сами извинялись и покидали занятое нами жилище, в крайнем случае получив пинка под зад. А тех, кого было больше, приходилось откровенно брать на страх. Когда они слышали, что, если не уберутся отсюда, их во сне обольют бензином и подожгут, то желание оставаться исчезало сразу и навсегда.

Угроза смерти в огне – сильнейший довод, не позволяющий его опорить и, судя по тому, что дальше этого дело не доходило, – еще и крайне действенный. Подобных укромных мест у нас было несколько по всему городу, и там, где нам попадался пригодный для жилья уголок, мы пытались вить свои гнезда. Даже один раз намеревались поселиться в стоящем на постаменте танке возле здания штаба военного округа, да не смогли открыть люк. Кстати, округ назывался ТУРКВО, что переводилось как Туркестанский Краснознаменный Военный Округ, притом что сам Туркестан исчез с карты мира еще в гражданскую, вместе с басмачеством. Восток, одним словом. Идеи социализма здесь понимались

исключительно на узбекский манер. Днем мы пропадали на базарах, Алайском, Фархадском, Зеленом и других, которые занимают огромные площади и похожи на большие, шумные города. За очень короткое время я понял, что в этом мегаполисе невозможно умереть с голоду. Ташкент действительно Хлебный Город. Здесь мы промышляли мелким воровством, используя организованные и не дающие осечек схемы, детально писать здесь о которых было бы нечестно по отношению к тем пацанам, что сегодня ведут тот же образ жизни. Занимался нами специальный отдел по борьбе с детской преступностью, где в штате состояли молодые и спортивные оперативники. На всех нас были заведены личные дела, и визуальное знакомство с ментами давало преимущество как им, так и нам. Устраивая облавы на нас, опера часто маскировали внешность, однако и мы не отставали в этом смысле и бродили по базарам, прибавшись к какой-нибудь старушке и зорко поглядывая по сторонам. Система оповещения внутри сообщества была поставлена очень хорошо и работала эффективно, а потому все наши «запалы» случались, что называется, с поличным. Злые от того, что в связи с нашим несовершеннолетием приходилось закрывать множество уголовных дел, менты кричали в отделении: «Скорее бы вам по четырнадцать исполнилось, уроды! В лагеря позакрывать, и забыть навсегда». При этом доставалось нам по полной. Менты лупили нас, словно взрослых, отчего в приемник нас привозили синих, будто измазанных чернилами. Кого-то ждал детдом, кого-то спецшкола, а некоторых возвращали родителям, но в скором времени мы опять собирались вместе на сборном пункте, под вывеской «Кафе "Буратино"», и все начиналось сначала. Так прошло без малого два года, описывать подробно события которых не хватит ни времени, ни места, однако, не желая далеко отходить от сути повествования, скажу лишь, что уличный образ жизни, к которому я быстро привык, сформировал во мне качества, с которыми я не смогу расстаться уже никогда. Плохо это или хорошо – не предмет моих размышлений на этих страницах. Это данность и попытка понимания того, как проходило становление моей личности.

Глава 12

Все основное время мы с Алимом старались держаться вместе, как на базарах, так и в быту. И вот, возвращаясь как-то под вечер с очередного промысла, на подходе к нашему жилищу я замешкался, пропустив Алима вперед. Как только он свернул за угол дома, тут же раздались его истошные крики. Алим всегда орал благим матом, когда кто-либо пытался ограничить безумно любимую им свободу. Я напрягся и осто-

рожно выглянул из–за угла. Двое молодых инспекторов прижали моего друга к земле и вязали руки веревкой. Нас почему-то всегда вязали именно веревками. Наверное, в силу нашего возраста наручники нам тогда еще не полагались. Неподалеку стоял их «УАЗ», водитель которого заметил меня и закричал своим, указывая в мою сторону пальцем. Я рванул с места во весь опор, и один из ментов устремился в погоню. Этот молодой инспектор молча преследовал меня два квартала, и молчание его было более страшным, чем если бы он что-нибудь кричал мне вслед. Надо сказать, такое количество адреналина за раз моему организму приходилось вырабатывать не так уж и часто. Несмотря на преимущество в объеме его легких перед моими, победила юность. Перебрав через дорогу с интенсивным движением, я остановился и обернулся. Мент стоял раком, оперев ладони в колени, и тяжело дышал. Я тоже был порядком обессилен бешеной гонкой, и какое-то время мы смотрели друг на друга, переводя дух. Мент кивнул мне, приглашая подойти, а я отрицательно мотнул головой. Потом он сделал резкий шаг вперед, будто опять срывается с места. Я отпрянул назад на несколько метров, но это был пугающий жест. Тяжело выпрямившись, инспектор развернулся и медленно побрел во дворы, а я, увидев рядом бетонный забор какой-то производственной базы, перемахнул через него и легко затерялся на ее огромной территории. Позднее, когда я стоял на задней площадке троллейбуса и приходил в себя после пережитого, мой мозг лихорадочно искал ответы на возникшие вдруг вопросы и, не находя их, все глубже погружал меня в тупиковое состояние. Было очевидным одно: облава возле нашего логова не выглядела случайной. Бедолага Алим... Его наверняка сейчас лупят, как сидорову козу, в отделе... Кого еще взяли? Кто уцелел? Будучи загруженным этими мрачными мыслями, я двинулся в сторону запасного жилища, в ту самую теплотрассу у аэропорта и, выпрыгнув из рогатого на конечной, где необходима была пересадка, нос к носу столкнулся с Витькой Кривым. Этот пацан моего возраста частенько тусовался в нашем кругу, когда родители его уходили в длительный запой. С бельмом на глазу, несколько меланхоличный тип, он в целом был добрым парнем, хотя и туго сообщал, за что спасибо генам родителей-алкоголиков. Уже неделю он жил с нами, что красноречиво говорило о положении в отчем доме.

– Ты куда?! – спросили мы в унисон и рассмеялись. Затем я поведал ему о том, что при облаве связали Алима и что я направляюсь в аэропорт.

– Не ходи туда! Там тоже всех повязали! – буквально ошарашил меня Кривой.

– Откуда знаешь?

Я почувствовал, как адреналин вновь выбрасывается в кровь.

– Так я там был. Чиж и еще трех пацанов взяли. Я тех не знаю. В отдел привезли, по спискам пробили, и меня выпустили, а они остались. Поджопников надавали, козлы! – С потеряннм видом Кривой чесал ягодицу и смотрел на подошедший троллейбус. Это был его маршрут.

– Ладно, ехай домой. Ты меня не видел.

В отвратительном настроении я пересек дорогу и присел на лавке незаметной трамвайной остановки. Все смешалось в моей голове. Как же такое могло произойти, чтобы облавы прошли сразу в нескольких местах? За два года подобное произошло впервые, и было ясно как божий день, что нас кто-то тупо сдал. Этим кем-то мог быть только СВОЙ. В городе было еще несколько мест, где мы иногда устраивались на ночлег, но ехать туда при таких обстоятельствах было бы непостижительно глупостью. Хотя за минувшие два года я сильно повзрослел и уже не представлял себе того одиннадцатилетнего, беспомощного пацана, все же на какой-то момент меня охватила знакомая с того еще времени растерянность. Оставшись один, без стаи, я вновь почувствовал свою ничтожность перед опасностью окружающего мира. Подошедший к остановке трамвай № 27 быстро вывел меня из угнетенного состояния. Это был единственный трамвайный маршрут, связывающий центр города с Кара-Камышем. Вот то, что мне сейчас нужно! Без колебаний я запрыгнул в вагон и под скрежет стали покати туда, где не появлялся целых два года с тех пор, как вылез из окна детской комнаты милиции. Готов ли он к встрече своего блудного сына, родной и забытый до поры Кара-Камыш?..

Глава 13

Июньское солнце уже садилось за горизонт, когда трамвай, рассыпая искры, подходил к кварталу, где я родился и вырос. Было еще достаточно светло, и пока красно-желтый железный монстр огибал по большой петле весь район, я с волнением в груди пытался представить себе, как вновь ступлю на знакомые издавна улочки. Прошедшее время казалось бесконечно длинным, будто я не был здесь тысячу лет. Что и как там теперь? Во дворе я появился около полуночи и сразу обратил внимание, что света в окнах нашей квартиры не было. Пожалуй, можно было опять вскарабкаться на балкон и переночевать до утра, а там будет день и будет пища. В самой дальней части двора располагалась беседка, где, как и раньше, горела тусклая лампочка. Обычно до десяти вечера там играет в лото или домино взрослое поколение, а

после их место занимает молодежь, о которой я упомянул в самом начале повествования. Вот и сейчас там сидели Вовка-сосед, неимоверно вымахавший и ожидающий призыва в армию, Саня-десантник, освободившийся из лагеря Шухрат и еще один парень по прозвищу Доктор, который был мне до этого незнаком.

– Ни хера себе! Ты как здесь, какими судьбами? – строгим тоном, будто он был моим старшим братом, спросил повзрослевший Вовка, когда я приблизился к ним. Саня и Шухрат тоже узнали меня, и я вкратце рассказал им о своем образе жизни и о том, что произошло сегодня. Говоря о себе, я обратил внимание на то, с какой серьезностью слушают меня эти взрослые парни, бывшие в нашем символом мужественности и предметом поклонения. За последние два года некому было сказать мне о том, как я повзрослел, и лишь по сосредоточенному молчанию знавших меня с детства ребят я интуитивно и без слов понял эту разницу.

– Куда же ты теперь? – поинтересовался Шухрат. Он сильно изменился. Скуластое лицо и жесткий взгляд выдавали сильный, закаленный лагерной жизнью характер. Говорил он кратко, но веско, как человек, привыкший взвешивать каждое слово.

Я ответил ему, что планирую взобраться через балкон в свою квартиру испытанным когда-то им же методом, переночую там, а уже новый день что-нибудь принесет. Ведь утро вечера мудренее.

– Там живут другие люди, – сказал вдруг Вовка, чем поверг меня в некоторую растерянность. Прошло целых два года. Я почувствовал себя наивным. Мне, видимо, было удобно думать, что жизнь в родных стенах прекратилась с уходом мамы.

Доктор начал забивать мастырку. Высокий черноволосый парень, он был сыном военного хирурга и учился в медицинском университете. Военный госпиталь в районе речки Кара-Су (черная вода) на другой окраине Ташкента был пристанищем раненых солдат, участников начатой недавно войны в Афганистане. Работы для отца-хирурга было много, что к тому же способствовало великолепной практике отпрыска. Помогая отцу и повышая собственную квалификацию, Доктор поневоле знакомился с ранеными и знал многое из страшной правды о войне, недоступной тогда для обычных граждан. Знакомства с солдатами и офицерами, помимо информированности о ходе боевых действий, приносили Доктору и иную пользу, в силу чего план, который он сейчас старательно забивал, имел афганское происхождение. Доктор жил в частном секторе и в наших краях появился благодаря дружбе с Андреем, семнадцатилетним парнем, который в настоящее время

находился под следствием в Таштюрме, а через него сдружился с нашими ребятами. Пущенная по кругу мастырка обходила меня стороной, и, привыкший к равным отношениям в стае беспризорников, я чувствовал себя униженным. В тот момент мне не столько хотелось покурить план, сколько ощутить атмосферу равных по значимости людей, к которой я привык за последнее время. Хотя я и считал себя тогда уже повзрослевшим, но мне еще было невдомек, что у этих парней было что терять. У них были дома и семьи. Когда все начали расходиться, Доктор сунул мне что-то в карман рубашки, тихо сказав: «Не бухай только». Оставшись один, я вынул из кармана трехрублевую бумажку, и мне стало очень грустно. У меня тоже, как и у них, когда-то был дом, была мама, а теперь мне совершенно некуда идти. Кто виноват в этом и почему именно я?

Посидев какое-то время в беседке, я вошел в подъезд. Дверь некогда нашей квартиры была другой. Уткнувшись лицом в щель косяка, я втянул в себя воздух и не ощутил знакомого запаха. Все вокруг было чужим. Даже ступени лестницы, много лет тертые моими ногами, теперь казались совершенно чужими. Лишь дверь Вовкиной квартиры была прежней, из крепкого дуба, с потускневшим от времени лаком, и стальная дверца электрической щитовой издавала все тот же предательский скрежет. Вот и металлический уголок, за которым Вовка прятал от матери сигареты. Сегодня здесь лишь покрытая толстым слоем пыли пустота. Вовка стал взрослым. Куда же идти поздней ночью? В школу! Там можно переночевать на матах в спортзале... Подойдя к знакомым с первого класса большим стеклянным дверям, я обнаружил, что на них висит амбарный замок, значит, сторожа внутри нет.

Обойдя здание школы и заметив открытые на втором этаже окна коридора со стороны внутреннего двора, я забрался туда по стоявшему рядом ветвистому дереву. Спустившись в спортивный зал, я почувствовал острый запах свежей краски. В школе проходил ремонт, и не удивительно, что сторож не мог ночевать в таком удушливом помещении. Матов не было, видимо, их перенесли в раздевалки, которые были заперты. Пройдя по темному и пахнущему краской пустому залу, я качнул свисающий с потолка толстый канат, по которому карабкался когда-то. Железная скоба жалобно скрипнула где-то высоко над головой. Во время каникул, да к тому же ночью, атмосфера школы казалась совершенно необычной. Я шел по коридору и на ходу дергал ручки запертых классов. Открытым оказался лишь один – класс физики. Там тоже пахло свежей шпаклевкой, и скорее всего утром здесь начнется покраска. Устроившись на широком учительском столе, со стопкой

учебников под головой, я вновь окунулся в знакомое некогда состояние. Здравствуй, Одиночество! На улице начинало светать, и портретные образы Эйнштейна, Ломоносова и Нильса Бора с каждой минутой становились более различимыми. Когда первый луч солнца коснулся усов Великого Альберта, я провалился в сон.

Мне снилась мама, провожающая меня в школу. Мы подходили с ней к парадному, где обычно стоят комсомольцы, проверяющие наличие сменной обуви, но, к великому моему ужасу, на этом месте оказались Юсуп и Хайрулла. Заметив их, я резко развернулся, чтобы убежать прочь, но мама преградила мне путь: «Не бойся! Они не тронут тебя, ведь я рядом». Она улыбалась, и ее голос действовал на меня успокаивающе. Открыв пакет и продемонстрировав инспекторам сумку, я вошел в фойе и обернулся. Мама осталась снаружи, и махала мне рукой. От нее исходило радостное чувство теплоты и надежности. Я молча махал ей в ответ...

Глава 14

Ближе к обеду меня разбудил шум на улице. Выглянув из окна класса, я увидел внизу людей, которые были одеты в заляпанную побелкой робу. Пора уходить отсюда. Спустившись по дереву вниз, я перелез через школьный забор и оказался возле речки с быстрым течением и ледяной водой. Умывшись и нащупав в кармане хруст трехрублевой купюры, я направился в сторону магазина, где купил хлеба, банку консервов, бутылку лимонада и сигареты. Покончив с нехитрой трапезой в одном из тенистых дворов, я вернулся на речку и, присев на песчаном берегу пляжа, закурил. Купающихся было не так много, поскольку солнце стояло в зените. Основная масса отдыхающих будет здесь лишь к вечеру. На том берегу против меня сидел с удочкой какой-то наивный сопляк. Кто же ловит рыбу вблизи пляжа? Я вспомнил свои первые побеги от инспекторов, и меня невольно охватило беспокойство. Кара-Камыш, как и прежде, вновь показался мне опасным. Куда же теперь?

Скрип велосипедных педалей сзади отвлек меня от мрачных мыслей и, обернувшись, я не сразу понял, кто стоит передо мной. Если бы не круглая, словно глобус, голова и торчащие пельменями уши, я никогда бы не узнал его. Как же он вымахал! Марсик! Какое-то время мы восхищенно осматривали друг друга, и по реакции друга детства было ясно, что я тоже заметно изменился.

– Ты где сейчас? – спросил он наконец.

Продолжая улыбаться, я ответил:

– Да нигде! Ночью только приехал. В школе спал.

– Так айда ко мне! Родичи в Крым уехали к бабке, еще три недели не будут... Сама Судьба посылала мне Марсика, которому было скучно в опустевшем на летние каникулы дворе, и он тоже нуждался во мне как лучшем средстве от одиночества.

– Меня менты будут искать, Марсель, – сказал я ему серьезно.

– Да брось, кому ты теперь нужен! – Он был весел и, казалось, не понимал всей серьезности моего положения. Однако дальнейшие его слова начали постепенно обретать для меня конкретный смысл.

– Во-первых, в вашей квартире давно живут другие люди и ты больше не прописан в этом районе. Во-вторых, в детской комнате милиции поменялись все сотрудники. Новый начальник пришел и своих привел.

Сказанное Марсиком начинало действовать на меня успокаивающе.

– Значит, ни Юсуп, ни Хайрулла больше не работают там? – переспросил я, желая еще раз услышать от друга хорошую новость.

– Говорю же, все сменились. Анжела ведь утонула...

– Как утонула!? – я буквально остолбенел от такой новости.

– А так. Прошлым летом еще. Поплыла на тот берег и ушла под воду. Может, за корягу зацепилась, а может, судорога свела. Два дня водолазы искали, и пляж закрыли на это время. Столько ментов здесь я еще не видел. Говорят, пьяная была. Вон там! – Марсик показал рукой на середину узкой, всего метров двадцать, речки, чуть правее от того места, где мы стояли. Я посмотрел туда с каким-то странным, неприятным чувством. Ну и судьба же была уготована Анжеле... Не приведи господь!

– И что, нашли ее водолазы? – Я не мог отвлечься от этой поразившей мое воображение новости.

– Нет, не нашли. Сама всплыла через несколько дней. Унесло аж за дамбу...

– Слушай, а кто живет в нашей квартире? – решил наконец сменить я тему.

– Мент живет. Жена и маленькая дочка. Узбеки. Капитан и начальник какой-то ихней комендатуры в центре, – ответил Марсик. Да уж... И здесь – мент. Тоже Судьба...

– Инспекторов знаешь на морду? – спросил я.

– Знаю. Часто в школу приходят. Активистов в ЮДМ ищут, – смеялся Марсик.

– И как, многие вступают? – в свою очередь улыбался я.

– Ну прям! Ты же знаешь наших пацанов. Пара комсомолок дебильных если только, и те ради значков. Нацепят на фартуки и ходят как ебанашки. Все им в след кричат: «Юные дуры милиции!»

Марсик смеялся знакомым мне с детства смехом, и настроение у меня поднималось с каждым мгновением. Я наконец почувствовал себя ДОМА.

– Поехали, покажешь ментов.– Я запрыгнул на рамку старого велика, и мы покатали к детской комнате милиции.

Минут через сорок к подъезду наконец подъехала все та же бежевая «Нива», из которой вышли трое узбеков. Пока они вытаскивали из багажника какие-то коробки, я внимательно вглядывался в их лица. Тратить на их описание время и чернила я, пожалуй, не буду. Менты как менты. Они и в Африке узнаваемы. За последние дни лучше настроения у меня не было. Встретил Марсика и в одностороннем порядке познакомился с теми, кто представляет для меня угрозу. Жизнь продолжалась!

Глава 15

Трехкомнатная квартира Марсика была обставлена богато и со вкусом. Хорошая мебель, ковры и огромный цветной телевизор (необычайная редкость для тех лет) производили на меня сильное впечатление, особенно после жизни в подвалах и теплотрассах, а домашняя пища, приготовленная Гулькой, казалась изысканнейшим деликатесом. Ближе к полуночи я вытянул Марсика на улицу. В беседке, куда машинально вели меня ноги, находились все четверо вчерашних парней, и, поздоровавшись с ними, мы с Марсиком присели рядом. Разговор был скучным, и очень скоро стало понятно, что сегодня никому не удалось раздобыть травы.

– У Андрюхи приговор в среду. Кто поедет? – спросил Шухрат.

– Если Светка в больницу не ляжет, то поеду. А если ляжет, то придется с ребенком сидеть, – задумчиво ответил Саня, разглядывая свои шлепанцы сорок пятого размера.

– Я обязательно буду на суде. Батя сказал, что переговорил с кем надо. Посмотрим, – откликнулся на вопрос Доктор.

– Мы с зятем договорились на рыбалку ехать, так что у меня не получится, – сказал Вовка и добавил, обращаясь к Доктору: – Батя-то твой че конкретно говорит?

– Да ничего он не говорит, – ответил Доктор с некоторым раздражением. – Сказал, что переговорил с кем надо, и все. Не буду же я задавать лишних вопросов. Там, на их уровне, много слов не говорят. По результатам и видно будет, что да как.

По всему было видно, что речь шла об имеющем хорошие связи отце Доктора, который по просьбе сына хлопотал за Андрея. Мы молча курили с Марсиком и внимали словам старших.

– Сегодня Кабула встретил на мосту, – говорил Шухрат. – Глаза как у корейца, хоть спички вставляй. Спросил его, где чего купить можно, так он дурака включил, будто не понимает о чем речь.

Шухрат зло сплюнул под ноги.

– Да он вечно обшампуренный, змей! Семенчик же над ним живет, рассказывал, что в огороде куст культурки стоит под два метра, – отозвался Вовка. – Семен говорит, хотел крючком пару головок зацепить, уже и проволоку приготовил, да как увидел внизу на балконе Кабула карабин, так и передумал.

Все вяло засмеялись, после чего возникла пауза. Настроение было явно не на высоте.

– Это не тот Кабул, что змеев продавал? – вступил наконец я в общий разговор.

– Тот самый. Он их и сейчас продает, – лениво ответил Шухрат.

Кто же не знал Кабула в нашем квартале?! Невысокий, с круглым, словом мяч, животом, этот киргиз на протяжении многих лет был для всей малышни в округе величайшей знаменитостью. Все его большое семейство занималось на дому изготовлением и продажей воздушных змеев. Я помню, как мама давала мне 25 копеек, и через некоторое время я уже стучал в дверь квартиры на первом этаже, пока ее не открывал кто-нибудь из отпрысков Кабула, молча принимая деньги и так же молча отдавая волшебного змея. На обратном пути, прижав это чудо из кальки и веника к груди, хотелось бежать скорее домой, но боязнь сломать хрупкую драгоценность побеждало стремление поскорее запустить его в небо. Красивых воздушных змеев делал этот волшебник Кабул. Общие и на три четверти пустые разговоры вскоре всех утомили, и компания начала расходиться по домам. Когда мы с Марсиком остались вдвоем в беседке, я спросил его:

– Ты со мной пойдешь или домой?

– А ты куда? – удивился тот.

– К Кабулу.

Какое-то мгновение я смотрел, как друг детства в нерешительности чесал свой бритый затылок, и добавил:

– Ладно, вали домой. Я скоро приду.

Развернувшись, я быстрым шагом направился в противоположную от двора сторону.

– погоди! Я с тобой...

Он нагнал меня через несколько метров. Надо сказать, по своей натуре Марсик не был склонен к авантюрам и всегда старался обходить острые углы. Не был... пока не встретил меня. Молча и быстро мы пе-

ресекали границу кварталов. Сегодня воздушные змеи уже не вызывали в наших сердцах щенячьего восторга, и Кабул перестал быть волшебником. Мы выросли из тех штанишек. Мы стали взрослыми. Огород Короля Змеев примыкал к балкону первого этажа и являл собой обнесенный со всех сторон высокой стеной живой изгороди палисадник. Узкая, из толстых железных прутьев калитка была опутана поверху егзой, а в скобах болтался массивный замок. Окна балкона были открыты, и оттуда раздавался нечеловеческий храп. Немудрено, что Кабул спал на балконе, поскольку внутри квартиры такие звуки легко и быстро свели бы с ума все его семейство. Двадцати минут осторожногоковыряния гвоздем в замке хватило, чтобы осознать бесплодность этого занятия. Настроение заметно падало. Сидя возле ненавистой калитки на корточках, мы с Марсиком напряженно размышляли над тупиковой ситуацией, и лишь доносящийся с балкона зверский храп время от времени вторгался в наше сознание, повышая адреналин.

– Смотри! – возбужденно прошептал Марсик, указывая рукой в темную пустоту под балконом.

Приглядевшись внимательно, я заметил черный квадрат вентиляционного отверстия подвала прямо под балконом. Через эту дыру мое тело явно пройдет, отчего настроение мгновенно поднялось.

Дома наших кварталов были однотипной планировки, и мы отлично знали, что вход в подвал есть во втором и предпоследнем подъездах. Поднявшись на ноги, мы без слов двинулись ко второму, где с сожалением обнаружили глухую железную дверь с английским замком, проникнуть через которую в подвал не было никаких шансов. На решетчатой двери второго входа висел замок, безуспешно покопавшись в котором, мы в итоге отогнули прутья и пролезли в подвал, ободрав на рубашках все пуговицы. В полной темноте мы продвигались к середине дома, пока наконец не оказались перед огородом, где между двух вишен, прямо против нас росла великолепной красоты елка конопля. Киргизы в то время считались самыми продвинутыми специалистами по культивированию конопля, поливая почву какими-то известными только им присадками. Вот и растущая перед нашим взором красавица имела около двух метров в высоту и головки размером с кулак. Обернувшись назад, я заметил точно такой же синеющий квадрат вентиляции, выходящий на заднюю часть дома.

– Уходим через нее. Жди здесь, я подам, – сказал я Марсику и вылез в огород.

Храп с балкона обрел эффект близости, и мое сердце заметно ускорило свой ритм. Осторожно ступая, я приблизился к елке и развер-

нулся лицом к окнам. Три верхних этажа зияли черной пустотой, и лишь балкон Кабула имел остекленную раму, открытые окна которой вкупе с чудовищным храпом отнюдь не внушали мне спокойствия. Впрочем, я уже стоял возле елки и сожалел, что не подумал об остром предмете, хотя бы об осколке стекла. Придется ломать. Из темноты подвала белели оттопыренные уши Марсика, который с замиранием сердца наблюдал за моими действиями. Пора! Я взялся за ствол и потянул елку книзу. Раздался громкий треск, и я затаился, прижав куст к земле. Храп прекратился. Я боялся даже вздохнуть. Прошло полминуты, и Кабул вновь захрапел. Ствол не ломался. Откуда мне тогда было знать, что пенька вообще НЕ ЛОМАЕТСЯ! Следуя закону физики, я начал сгибать елку в обратном направлении, однако там была изгородь, и куст уперся в нее. Я начал тянуть ее к земле, и тут раздался такой громкий треск, от которого меня охватила паника. Я прыгнул обеими ногами на место предполагаемого излома, но ствол не ломался. Я прыгнул еще раз и, скользя по нему пятками, сильно грохнулся на спину. В этот момент я буквально сошел с ума! Мне было плевать на Кабула, который наверняка уже проснулся и какие-то мгновения собирал в кучу сонные мозги, но раздавшийся следом грохот падающей на балконе посуды резко привел меня в чувство: Кабул вскочил на ноги! Схватив елку за макушку, я рыбой нырнул под балкон, и в это же мгновение за моей спиной один за другим прогремели два выстрела. Вместо того чтобы передать, как было оговорено, елку другу, я сжимая ее мертвой хваткой, словно пуля вылетел через подвал на другую сторону дома. Только здесь, переведа дух, я заметил стоящего рядом Марсика, у которого были огромные, словно блюдца, испуганные глаза. Подхватив елку, мы понеслись прочь. «Вот черт! – соображал я на бегу. – Елка-то легко выходит с корнем! Чуть потяни кверху – и готово!»

Спустя пятнадцать минут мы сидели под мостом через речку, на нашей территории, и дико хохотали, вспоминая минувшие события. Единственно правильная реакция, чтобы выгнать пережитый только что страх. Марсик говорил, что Кабул орал как раненый ишак. Надо же, а я, кроме выстрелов, ничего и не слышал. Забросив наш трофей на крышу железного гаража, я взял с Марсика слово никому и ни при каких обстоятельствах не рассказывать об этой истории. Он был крайне воодушевлен. Еще бы! Такого экстрима мой друг никогда не испытывал. Вот теперь можно было идти домой и уснуть в мягкой постели с чувством проведенного не напрасно времени.

Глава 16

На следующий день, дождавшись, когда Гулька свалит из дома, мы с Марсиком, прихватив пакет, ринулись на улицу. Гараж, на крыше которого покоился наш трофей, так раскалился под лучами южного солнца, что, облокотившись на него голым плечом, можно было получить приличный ожог. Взобравшись наверх, мы обнаружили, что елка полностью высохла и имела какой-то странный фиолетово-коричневый оттенок. Если бы не характерный узор листьев и пряный, пьянящий запах, можно было бы усомниться, что перед нами конопляный куст. Марсик держал открытым пакет, а я осторожно обламывал сухие головки и складывал их туда. Высоко в облаках над нашими головами парил воздушный змей.

– Гляди, – подняв голову кверху, сказал Марсик. – Кабул небось оседлал своего Горыныча и высматривает свою елку... Ах, елка–елка... Где же ты и кто тебя спиздил?

Мы покатались со смеху, и я чуть не свалился с крыши гаража. Марсик умел быть язвой... Не скажу, что мы были заядлыми курильщиками анаши, однако элементарные азы по дальнейшей обработке ее были довольно просты и известны. Дома, пропустив головки через обычное сито, мы в итоге получили приличную горку измельченной соломки.

– Пробуем? – спросил я друга.

– Давай! – откликнулся тот и принялся разминать фильтровую сигарету.

– Ты раньше курил? – поинтересовался он с некоторой осторожностью.

– Курил, пару раз, – сказал я.

– Я тоже пару раз.

Марсик нагло врал... Тем временем, выколов из сигареты табак и набив туда кабуловой травы, мы вышли на балкон. От первой же затяжки я чуть не выплюнул бронхи. Кашель был таким страшным, что растерянный Марсик начал хлопать меня по спине, словно я чем-то подавился. Едва отдышавшись, я протянул мастырку другу, глядя на него слезящимися глазами, и Марсик с внутренней неохотой набрал дым в рот и тут же выдохнул.

– Э, нет! Так не пойдет. Курить так курить! – укорил я его, и в следующее мгновение Марсик повторил мой подвиг. Теперь мне пришлось стучать его по спине. Желание продолжать курить на этом закончилось, и едва начатая мастырка полетела с балкона в огороды, а мы отправились на кухню, чтобы позавтракать. Сидя за столом, покрытым скатертью с изображением разноцветных фруктов, я с ужасом наблю-

дал, как черно-белый цвет медленно и верно покрывает все пространство вокруг меня. Одно яблоко на скатерти наполовину стало серым, и я прижал пальцем его красную часть. Мне удалось остановить ускользающие в никуда краски лишь на этом маленьком участке скатерти и, прижимая крепко половинку нарисованного яблока, я захотел обратить на этот странный феномен внимание друга.

– Марсик! – крикнул я, хотя тот стоял рядом, у плиты, и его рука зависла в намерении снять чайник.

– А? – только и смог промолвить он, глядя стеклянными глазами куда-то под потолок.

– Ну и где вы рвали эту черешню!? – Встревоженный голос Гульки врвался в мое сознание откуда-то издалека, и я с трудом разлепил тяжелые веки. Какая же красивая она была! Прямые, черные как смола волосы опускались на ее тонкую шею. Нахмуренные брови делали ее еще прекрасней, и на мгновение стало очень грустно, что для нее мы были не более чем шмакадьявки. «Эту черешню»... Марсик, похоже, намазал ее сказкой про какую-то черешню.

Ко мне возвращалось привычное мышление и, закрыв глаза опять, я лишь промолвил:

– В садике.

Гулька была явно рада услышать вменяемый ответ и продолжила свое возмущение:

– В садике! Там специально, наверное, поливают черешню отравой, чтобы такие дебилы, как вы, не лазили, и не ломали ветки... – Здесь она сделала ударение на слове «вы». Уперев руки в боки и напустив на себя грозный вид, Гулька ходила по залу взад-вперед.

Я лежал на диване и думал о том, где же сам Марсик. Открыв опять глаза и скосив их в сторону, я увидел друга, который свернулся калачиком в широком кресле. Его лица не было видно, и я отметил лишь белые, как бумага, торчащие уши.

– Ну и что мне с вами теперь делать, придурки!? – На этот раз Гулька сделала ударение на слове «придурки». – Я уже пять часов тут вокруг вас лошадью скачу, а мне идти надо! – Она со злобной тоской глядела на часы. Явно на свидание торопилась.

– Да иди, иди, лошадь! Разоралась здесь! Кто тебя просит торчать тут!?

Марсик наконец обрел сознание и быстро потерял терпение. После короткой перепалки хлопнула входная дверь, и мы остались вдвоем. Холодная вода смыла почти все побочные явления, и оставалась

лишь небольшая общая слабость, вызванная отчасти и длительным сном. На дворе стоял вечер.

– Нормально мы отсутствовали, – поглядев на часы, сказал Марсик. – Кабул сто процентов под этой дурью летает в облаках!

К нему возвращалось чувство юмора.

– Слушай, а что там ты про черешню Гульке прочесал? – сдерживая смех, спросил я.

– Какую черешню? – Марсик явно не понимал о чем речь, но особо и не пытался вникать. Нам просто было весело.

Взяв щепотку травы и смешав ее с табаком один к одному, я сделал мастырку и положил в карман рубашки. Ближе к полуночи, выходя из подъезда, мы невольно спугнули целующуюся парочку. Это были Гулька со своим женихом, студентом из другого квартала.

– Куда опять намылились!? – Гулька легко входила в образ строгой сестры.

– Куда надо! Не отвлекайся! – на ходу бросил ей Марсик.

Парочка, стыдливо прыснув, примолкла, а мы твердым шагом пересекли двор и оказались в беседке. Все четверо старших парней были на месте и гоняли по кругу косяк, который привычно обходил нас с Марсиком стороной. Сегодня этот факт явного незамечания меня совершенно не волновал.

– Беспонтовая шмаль! – вскоре сказал Доктор.

– Да уж... Сказали – слабенькая, а она вообще никакая, – ответил Шухрат, высыпая на землю остатки соломы.

Выдержав паузу, я достал мастырку из кармана и протянул Доктору:

– Попробуйте эту.

Машинально взяв ее из моих рук, Доктор изумленно посмотрел на меня.

– Что это? – спросил он.

– Шмаль, – ответил я с непринужденным видом.

– Откуда она у тебя? – Лицо Доктора стало серьезным и строгим, что мне крайне не понравилось.

– Какая разница откуда? – сказал я резко. – Не хотите курить, давай обратно!

Я протянул руку за мастыркой. Тонко чувствующий обстановку Шухрат такого допустить попросту не мог.

– Брось ты эти допросы, Доктор! Взрывавай давай... – кратко и в то же время веско сказал он. Доктор смутился и начал было оправдываться.

– Да мне не это интересно было, а вообще. Она хоть цепляет? Ты сам-то курил ее? – обратился он ко мне, подозрительно обнюхивая косяк.

– Курил. Была бы беспонтовая, не доставал бы, – ответил я, и мастырка наконец пошла по кругу.

Когда подошел мой черед, Доктор спросил:

– Сам то будешь? За меня ответил Шухрат:

– Будет конечно, че спрашиваешь!

Я молча взял косяк и, набрав дым, выпустил его, не затягиваясь, после чего передал Марсику. Внимательно наблюдая за мной, ушлый татарин проделал то же самое. Нам не хотелось больше курить эту убойную дурь, однако принципиальный для меня момент я упускать не собирался. Накрыло парней очень быстро и мощно. Вовка лег в траву и глядел в ночное небо, пытаясь привлечь всех к теме о бесконечности Вселенной. Мы смеялись, а он искренне сокрушался ограниченностью наших умов. Саня пытался вспомнить, какой именно сорт шмали напомнил ему эта трава, и называл ее попеременно то маньчжурской, то индийской, то бурятской. Шухрат молча ворошил пальцами густые волосы на своей голове и с застывшей полуулыбкой лукаво поглядывал на своих друзей.

– Что это было? – спросил Доктор, и было заметно, с каким трудом он пытается удержать сознание на этой простой мысли.

Марсик едва сдерживал смех, многозначительно поглядывая на меня. Ему было весело наблюдать вчерашних лидеров в таком расслабленном и нелепом состоянии. Я смотрел в глаза Доктору, который был уже не в состоянии выразить словами свои мысли, и думал, что еще каких-то два дня тому назад этот человек из чувства жалости и сострадания украдкой сунул в карман сироты три рубля, а сегодня я хладнокровно навязал ему равноправие. Два дня... Два дня... Становилось скучно, и, переглянувшись с Марсиком, мы молча покинули беседку. Дома ждала приготовленная Гулькой окрошка, которую можно было с удовольствием кушать в любое время суток.

Глава 17

Весь следующий день мы с Марсиком провели на речке, где встречали знакомых пацанов из нашего и соседних дворов. Все они повзрослели, и было интересно отмечать разницу во взаимоотношениях между нами тогда и теперь. С каждым часом я начинал чувствовать себя более комфортно и безопасно. Все-таки какое это счастье – вернуться ДОМОЙ! Вечером с наступлением темноты мы уже привычно сидели в беседке и курили афганский план, которым угощал Доктор, без правок на личности и возраст. За общими разговорами вспоминали

вчерашний вечер и от души хохотали... В какой-то момент Доктор обратился ко мне:

– Послушай, малой, а где можно купить немного вчерашней шмали? Ребят-афганцев хочу угостить, чтобы взаимность была. Да и пацаны они сами по себе хорошие.

Доктор был деликатен, но хитер! Я достал из кармана бумажный пакетик и, разделив приличное количество травы на две части, отдал половину Доктору:

– Там, где я взял ее, она не продается. Возьми, угости ребят, и пусть поправляются. А Андрюхе есть возможность загнать на тюрьму? – Не убирая остатки шмали, я вопросительно посмотрел на Шухрата.

– На суде по-любому будем передавать через конвой пожрать, там на месте че-нибудь и придумаем, – ответил тот и с чувством благодарности принял от меня сверток.

– Ты себе-то оставь! – сказал Саня.

– Есть у меня еще, – ответил я.

– Надо только Андрюху предупредить, чтобы не грубили, – хитро улыбался Вовка.

– Тебя бы там нормально поддержали насчет Вселенной. Там такие темы канают за милую душу и даже без шмали, – ответил ему Шухрат, и все дружно расхохотались.

Андрею было семнадцать лет, однако он, хоть и самый младший среди обитателей беседки (мы с Марсиком не в счет), был, бесспорно, уважаем в этом узком кругу. Жил он в доме напротив, и наши родители когда-то дружили семьями. Отец Андрея был по молодости известным в районе бандитом, и они с моим отцом сидели когда-то в одной зоне, а матери наши вместе ездили на свидания. Я помню, как в такие дни меня оставляли с Андреем, тогда еще школьником, который учил меня делать кораблики и самолеты из тетрадных листов.

Позднее Андрюхиного батю перевели в другой лагерь, то ли в Зеравшан, то ли в Учкудук, где он вскоре трагически погиб, когда во время массовых беспорядков солдаты хладнокровно расстреляли чуть ли не ползоны. Мать Андрея, тетя Наташа, была тогда беременной еще одним сыном, Антошкой, который со временем превратился в мерзкого и самого конфликтного во дворе очкарика. Сейчас Андрюха сидел в знаменитой Таштюрье и ожидал приговора. В беседке было много разговоров касаясь этого человека, и я уже знал, что его арестовали на вокзале с полным рюкзаком анаши. Самостоятельно и в одиночку этот парень трижды удачно ездил в Чуйскую долину, привозя оттуда каждый раз несколько килограммов качественной шмали. Сейчас, раз-

мышляя с позиции взрослого человека, я отмечаю, что завязка и укрепление моих тогдашних отношений со взрослыми парнями так или иначе было связаны с коноплей. Больше интуитивно, чем логически, я понимал необходимость иметь «свою траву» для того, чтобы меня воспринимали на равных те, кто еще вчера казались недосягаемыми лидерами. История с кабуловой елкой и пережитый риск поневоле накладывали свой отпечаток на восприятие окружающей обстановки, и в этой связи Андрей становился в моих глазах настоящей ЛИЧНОСТЬЮ. Вот такая небольшая, но замкнутая цепь: ШМАЛЬ–РИСК–ЛИЧНОСТЬ. Было воскресенье, и до приговора оставалось всего лишь три дня. Жаль, что я приехал в родной двор так поздно, и, может, успел бы уже побывать вместе с Андреем в этой волшебной Чуйской долине. Что я знал о ней? Да практически ничего, кроме того, что находилась она в соседнем Казахстане. Дикой конопли было полно и в Узбекистане, однако здесь она была совершенно не годна для употребления. «Чуйка» – это слово было известно каждому азиату, не зависимо от возраста и социального происхождения. Я почему-то убежден, что каждый родившийся в Средней Азии мужчина хотя бы однажды курил анашу. Теперешние прокуроры, политики и культурные деятели в молодости обязательно пробовали шайтан-траву, как наиболее безопасную альтернативу алкоголю. В узбекских семьях очень строгие нравы, и выпить водки в шестнадцать-семнадцать лет – случай, скажем так, крайне исключительный. От конопли же ни перегара, ни явного опьянения. Волшебная Травка. Волшебная Долина. Волшебная Азия.

Глава 18

Последующие три дня прошли почти однообразно и без каких-либо существенных событий. Днем мы с Марсиком гоняли на его старом велике по пляжам и дворам, а ночью собирались в компании больших пацанов, разница в возрасте с которыми медленно, но верно стиралась. Убойная кабулова шмаль, изрядно разбавленная табаком, быстро прикуривалась и уже не грузила так нещадно, как в первые дни. Вовка уехал на рыбалку, и во вторник его уже не было с нами. Я дал ему немного травы, по меткому выражению Шухрата, «для философских бесед с рыбами». В среду, сразу после обеда, мы с Марсиком устроились в беседке в ожидании новостей из зала суда. Саня, оставшийся с ребенком на ближайшие два дня, в течение которых Светке должны были сделать какую-то незначительную операцию, регулярно выходил на балкон и смотрел в нашу сторону. Мы отрицательно мотали головами, и он опять исчезал в глубине квартиры.

Время тянулось медленно и напряженно. По общим прикидкам, Андриюхе должны дать не меньше трех лет, учитывая, что он еще не достиг совершеннолетия. В те годы за подобные преступления давали символические сроки и этому способствовала идеология ОТСУТСТВИЯ В СТРАНЕ НАРКОМАНИИ. Секса не было, наркомании не было, войны в Афганистане не было, вообще, много чего НЕ БЫЛО тогда в Стране чудес и, наверное, был в этом какой-то особенный позитив.

Серое такси медленно двигалось по узкому тротуару двора, пока не остановилось у подъезда Андрея. Передняя, рядом с водителем дверца открылась, и оттуда показалась несколько суетливая тетя Наташа. Некогда красивая блондинка, она заметно постарела после гибели мужа. Она перестала пользоваться макияжем и не скрывала морщин, однако голубые глаза, как и прежде, излучали теплоту доброй, чисто славянской души. Из задней части салона вылез Шухрат, за ним Доктор, который почему-то не торопился захлопнуть дверцу такси. Долго гадать не пришлось, и, когда оттуда появился Андрей, мы с Марсиком вскочили на ноги. Неужели!? Такси тронулось, и широко улыбающийся Андрей кричал счастливому Сашке, показавшемуся на балконе:

– Три условно, братан! – Андрей показывал три пальца, высоко занося руку над головой.

Все выглядели счастливыми, и лишь тетя Наташа, стоя у двери подъезда, была немного озабочена предстоящими бытовыми хлопотами. Подойдя, мы поздоровались со всей компанией.

– Как сам, татарин? – Андриюха потрепал Марсика по лысой башке.

– Нормально, Андриюх! – радостно щерился тот.

Обернувшись ко мне, он молча пожал протянутую мной руку, и его лицо на короткий миг стало серьезным, будто в попытке что-то припомнить.

– Ты где сейчас? – спросил он.

Я кивнул в сторону Марсика:

– У него пока.

Мне было приятно, что он узнал меня. Андрей повернулся к матери:

– Покурим с ребятами, мам, и поднимусь.

Тетя Наташа вошла в подъезд, а мы направились к беседке.

Андрей был невысоким и коренастым парнем с прямыми волосами соломенного цвета, до середины прикрывающими уши соответственно моде тех лет. Самой выразительной частью его лица были огромные, навывкате голубые глаза, доставшиеся, видимо, от матери. Эта врожденная пучеглазость создавала впечатление вызывающей дерзости, решительности и способности как бы видеть собеседника насквозь. В

целом же это был выглядевший много старше своих лет парень, живущий внутренними переживаниями, о чем говорила его немногословность. Андрей был из той редкой породы людей, что предпочитают больше делать, чем говорить. Внешние эмоциональные проявления были для его характера скорее исключением, нежели нормой, и стабильный образ каменной маски на его лице хорошо это отражал. Но сейчас был другой момент. Андрей радовался СВОБОДЕ и встрече с близкими ему людьми.

– Спасибо, родной! – по-братски тепло обнимал он Доктора. – Бате скажи, что век буду обязан...

Громко шлепая сланцами 45-го размера, к беседке трусил Сашка. Обхватив друга огромными ручищами и оторвав Андрея от земли словно пушинку, этот гигант так прижал его к своей груди, что у последнего хрустнули косточки.

– Ты меня с друзьями-десантниками не перепутал, будалом?! – весело кричал Андриюха, и мы вторили ему своим смехом. Чуть позднее, когда страсти первых минут встречи улеглись и мы уселись на лавочке, Шухрат вынул из кармана запаянный в целлофан пакетик.

– Тут пацаны тебе гревачек сгоношили. – При этом Шухрат кивнул в нашу с Марсиком сторону. – Но раз уж ты сам здесь – держи!

– Так давайте заьем! – сказал Андрей, и тут я спохватился:

– Сейчас заьем, Андриюх, а это оставь себе, – сказал я, доставая из кармана пакет шмали.

– Хорошая? – спросил Андрей, глядя на взятую у Шухрата траву.

– Бомба! – отозвался Доктор.

– Как-нибудь приколем, что тут началось, когда первый раз хапнули... – Последовал дружный смех.

– Тогда угощу пацанов на тюряжке.

Удовлетворенный ответом, Андрей сунул пакетик в носок. От тюремных привычек ему еще только предстояло отвыкнуть. Мастырка пошла по кругу, и вскоре разговоры приобрели беспорядочный характер. Посидев часок-полтора, мы отпустили Андрея к истосковавшей за время его отсидки матери и, договорившись встретиться здесь же после полуночи, сами разошлись по своим делам. Андрей освободился! Я ликовал. Парни из беседки были для меня уже привычными людьми, не вызывающими чувства восторга, а вот Андриюха воспринимался мной именно как ЛИЧНОСТЬ. Этакий молчаливый, угрюмый, но всегда готовый к внезапному риску ЧЕЛОВЕК. Вот он, мой ЛИДЕР!

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 03.03.2011 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно